

Александр ТЮРИН

Правда о Николае I

Оболганный
император

Александр Владимирович Тюрин

Правда о Николае I. Оболганный император

авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=625795

Правда о Николае I. Оболганный император: Эксмо; М.; 2010

ISBN 978-5-699-39227-8

Аннотация

Его прозвали «Палкиным» и проклинают вот уже более полутора веков. Он ненавистен всем «либералам» и русофобам, которые осливали его как «врага прогресса» и «жестокоегo деспота». Николай I – самый недооцененный и оболганный император в истории России.

Его царствование совпало с эпохой гегемонии колониального хищника – Британии. Единственной крупной страной, сохранившей самостоятельность, была николаевская Россия. Она не кланчила деньги у иностранных кредиторов, обращая собственные капиталы на развитие русского хозяйства, а не на обогащение западных воротил. Казак с шашкой и мужик с топором осваивали «фронтир» на Амуре и в предгорьях Тянь-Шаня. Русские товары завоевывали восточные рынки. Угнетенные народы Балкан и Малой Азии видели в русском царе спасителя и защитника.

Эта книга впервые воздаёт должное оболганному императору, неопровержимо доказывая, что его царствование было одной из самых великих и созидательных эпох в истории России.

Содержание

Александр Тюрин	4
Обо всем сразу	4
Вместо введения	4
Модернизатор и строитель	5
Уникальная цивилизация	7
География и климат	7
Основная особенность русского земледелия	10
Транспортная задача	12
От московской Руси к петербургской империи	15
Биография российского социума	15
Царь-оборотень	28
Запрограммированная смута	32
Заговор гвардейской казармы	36
Землевладельческая олигархия – мать декабризма	36
Ученики иезуитов	37
Масонские пенаты	40
Протодекабризм. Проекты Александра I и адмирала	43
Мордвинова	
Коммерческие интересы	44
Западничество плюс абстракционизм. Проекты	45
переделки России	
Декабристы и сепаратисты	50
Исторические аналогии. Латинская Америка	52
Бунт скучающих господ	54
Испытание на прочность. После декабристов – холера	61
Западный (польский) вопрос	64
Предыстория. Польский раздел Руси	64
«Раздел Польши»	73
Любимое детище Александра	77
Спор славян	79
Сколько шляхту не корми	79
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Александр Тюрин

Правда о Николае I. Оболганный император

*Нет, не льстец, когда царю
Хвалу свободную слагаю:
Я смело чувства выражаю,
Языком сердца говорю
Его я просто полюбил:
Он бодро, честно правит нами;
Россию вдруг он оживил
Войной, надеждами, трудами*

А.С. Пушкин

Обо всем сразу

Вместо введения

Декабристы вышли на площадь вовсе не за «народное счастье». Польское восстание не являлось борьбой за «нашу и вашу свободу». Крымская война показала отнюдь не «гнилость самодержавия».

К сожалению, о весьма большом, почти тридцатилетнем периоде русской истории было сочинено множество мифов, которые служили целям промывания мозгов, а не постижению реальной истории. С их помощью прививали отвращение к прошлому нашей страны. И делалось это из корыстных или идеологических соображений.

Эпоха, в которой действовал главный герой этой книги, была одной из самых важных в истории человечества. Вступил в решающую фазу переход от традиционного общества к промышленному машинному, активно складывался мировой рынок с глобальными потоками товаров, сырья и капиталов. Впервые в истории сформировался «однополярный мир», когда одна страна сумела использовать к своей пользе неравенство в темпах перехода разных регионов планеты. Исходя из этого некоторые исследователи именуют первое издание глобализации – Pax Britannica.

Можно сказать, что единственной крупной страной, сохранившей самостоятельность в установившемся миропорядке была Российская империя, которой правил тогда император Николай I.

И уже это было причиной того, что хозяева Pax Britannica, делившие мир, как пирог, мягко говоря, не испытывали к нему особой приязни.

Он закрывал им доступ к ресурсам Средней Азии, Кавказа, Дальнего Востока. Он не желал вхождения великой страны в «мировой рынок» в роли должника и сырьевого придатка, как то произошло со скопищем «банановых республик» Латинской Америки.

Режиссер французского театра в Петербурге Де-Сво Сен-Феликс написал о Николае: «Вот тот царь, на которого злой гений всегда и везде клеветает и которого оскорбляет. Он одинок. Укажите мне преступление, которое забрызгало его северный пурпур? Пролил ли он незаконно хоть каплю крови? Назовите хоть одну жертву его каприза? Продажные газетчики, вы тщетно печатаете памфлеты и искажаете истину. Лжете!...»

Его усилиями в Европе поддерживался большой мир, который уже трещал под напором национал-либеральных революций, он на полвека отсрочив приход всеевропейской бойни и кровавый передел Европы.

Он остановил грубое насилие османских и персидских властей над подвластными им христианами. Он принёс мир и закон туда, где до него царила жестокая сила, живущая чужим несчастьем, набегами, разбоем и захватом рабов.

При нем были распаханы миллионы десятин ранее дикой степи, в четыре раза увеличилось промышленное производство. Его стараниями Россия стала страной с сильным образованием и развитой наукой, русский язык был возвращен в обиход образованного класса, спасены уцелевшие памятники древнерусской культуры.

Увы, в нашей стране объективный взгляд на царствование Николая I был долгое время сопряжен с риском для благополучия и даже жизни.

Российская интеллигенция (во многом созданная его усилиями) более чем на полтора века сделала его врагом номер один всего прогрессивного человечества.

К сожалению, наши гуманитарии опирались не на изучение феноменов русской жизни, а на заимствованные идеи и поверхностные сравнения. Как писал Бердяев, интеллигенция «была у нас идеологической, а не профессиональной и экономической, группировкой».

На протяжении полутора веков Николай I изображался в виде коварного жестокого чудовища, который вешает декабристов, мучает поляков, пытается отнять у турок Константинополь и Проливы, порет крестьян и душил таланты. «Николай Палкин» занял центральное место в павильоне ужасов у каждого порядочного либерала и революционного демократа. И каждый бездарный обличитель чувствовал себя так, будто царь лично задушил его талант.

Давно уже стали прогрессивными деятелями Чингисхан и Батый, в защитников свободы превратились крымские ханы и польские паны, инициативными предпринимателями обернулись британские работорговцы и колонизаторы, а выдуманный гуманитариями «Николай Палкин» все еще сечет шпицрутенами народ и намыливает гнилую веревку для свободолюбцев...

Вслед за интеллигенцией и значительная часть российских историков была и остается жертвой стереотипов. Идеологическими их назвать трудно – это скорее стереотипы неуважения к собственной стране. Ведь пачкали память об императоре вместе с историей России. И очищать от грязи их также надо вместе.

Модернизатор и строитель (Миф об отсталости)

Особенно любим недобросовестными историками миф об «отсталой николаевской России».

Действительно, почему при Николае I было мало пароходов и паровозов, но было много принудительного труда?

Для начала очистим сравнения от пропагандистской накипи.

Пароходов и паровозов было мало только в сравнении с несколькими большими колониальными державами. В большинстве стран тогдашнего мира вообще не было ни одного паровоза или парохода.

По объемам принудительного труда, Британская империя примерно настолько же опережала Российскую империю, насколько ее экономика превосходила российскую.

Внеэкономические насильственные факторы лежали в основе роста и концентрации британского капитала, как в метрополии, так и в колониях – обезземеливание крестьян, работорговля, плантационное рабство, захват торговой монополии.

Лицемерная английская политэкономия объявляла ограбленных «свободными людьми», носителями «свободного труда». Но, по совести говоря, разве может считаться свободным человек, насильственно лишенный средств производства и существования? Свободен ли его труд – по 16 часов в день под угрозой голодной смерти? И какой у него выбор: пойти украсть пару шиллингов и получить за это петлю на шею?

По всему миру, начиная с собственных островов, британский капиталист производил экспроприацию мелкой крестьянской и общинной собственности. «Священная частная собственность» возникала только в тот момент, когда капиталист или капиталистическая корпорация оформляли захват с помощью «римского права».

В некоторых колониях «очистка земли» шла со столь бездушным экономическим рационализмом, что имело форму геноцида. Не будет преувеличением сказать, что «связь между геноцидом, проводившимся поселенцами колоний XVIII–XIX веков и геноцидом XX века может быть прослежена в гитлеровской программе «жизненного пространства»».¹

В колонизируемых странах погибали ремесла, системы общественных работ, вместе с тем гибли от голода миллионы ремесленников и крестьян, другие становились винтиками новой сырьевой экономики, снабжающей дешевыми ресурсами британскую промышленную революцию. Треть всех инвестиций в английское хозяйство времен промышленной революции выкачивалась из одной только Индии.

В точном соответствии со вторым законом термодинамики британский социум развивался, обретал устойчивость, увеличивая при этом энтропию, а, проще говоря беспорядок, голод, нищету в недавно еще цветущих мировых регионах.

Такой свободы и таких источников прогресса российский социум не имел.

«Отсталость» России были порождены не «рабской душой», а тем, что к душе не имеет никакого отношения – геоэкономикой и геополитикой.

Холодные или засушливые регионы северной Евразии (биологическая продуктивность на гектар этой территории в пять раз уступает гектару США). Низкая плотность населения. Крайне протяженные и уязвимые транспортные пути. Малая доступность морских коммуникаций. Месторождения полезных ископаемых в сильно удаленных от населенного центра районах. Немирные порубежья, где мирному труду земледельца препятствует аркан кочевника. Такова была Россия Николая I.

Однако во время его царствования шло бурное строительство текстильных фабрик, шоссе и каналов, прокладывались железные дороги и телеграфные линии, началось регулярное пароходное движение на реках. Размах русских ярмарок поражал воображение даже самых западных европейцев.

Страна не кланчила деньги у иностранных банков и не сплавляла капиталы в «эффективные бумаги» за бугром. Растущий национальный доход обращался на развитие народного хозяйства, а не на обогащение западных банков. Быстро, как ни в какой европейской стране, росло население. Русский мир при Николае достиг своих максимальных размеров – казак с пашкой и мужик с топором осваивали «фронтир» на Амуре и в предгорьях Тянь-Шаня.

¹ Саркисянц М. Английские корни немецкого фашизма. СПб, 2003.

Уникальная цивилизация

География и климат

Марксисты представляют исторический процесс как смену общественно-экономических формаций. Формация представляет собой производительные силы, состоящие из технологий и людей с их трудовыми навыками, которые определяют производственные отношения. Эти силы и отношения составляют базис, на который ложится надстройка – различные социальные институты, культура, государственные формы. Крепкая на вид схема однако покоится на пустоте. Непонятно однако, что вращает ручку скакалки? Почему технологии развиваются с разной скоростью в разных регионах планеты?

Либералы объявляют, что технологии развиваются быстрее там, где человек свободнее. Однако и это утверждение парит в пустоте. Почему в одних странах и регионах человек свободнее, чем в других? Либералы, правда, говорят, что в этих «других» странах человеку мешают «силы тирании». Но откуда берутся «силы тирании»? Почему их нет в одних регионах планеты, а в других они упорны, как бесы, вселившиеся в девственницу? И одержимому тираническими бесами народу только остается ждать, пока не слетят на белых крылах ангелы свободы и не проведут сеанс экзорцизма.

Получается, что одни народы наделены предустановленным качеством свободы, а другие изначально рабские. Если я не ошибаюсь, то это напоминает расовую теорию. Да и с доказательной базой у нее слабовато.

В обществах, где царили «силы тирании», например в Древнем Египте или шумерских теократических государствах, происходили мощные цивилизационные скачки, а вот общества, где никакие тиранические силы не проглядывались, тогда благополучно проживали в неолите, в том числе предки современных англичан, швейцарцев, шведов. И некоторые свободолюбивые народы задержались в каменном веке вплоть до новейшего времени, как например индейцы Амазонии, бушмены или чукчи.

Когда «деспотическая» Византия воздвигала огромное здание храма св. Софии, то свободолюбивые германцы умели только ломать и грабить подобные сооружения.

Так может быть развитие социума (большой социальной системы) зависит от начальных и граничных условий, которые создает ему внешняя среда: от температур, ветров, морских течений, почв, солнечной энергии, естественных коммуникаций, конфигурации береговой линии и т. д.?

«Начиная изучение истории какого-либо народа, – подтверждает В. Ключевский, – встречаем силу, которая держит в своих руках колыбель каждого народа, – природу его страны.»

Однако нельзя сказать, что природно-климатические и, шире говоря, географические факторы, были предметом пристального внимания людей, занимающихся российской историей и в частности периодом правления Николая I. Историки обслуживали либеральную или марксистскую идеологию, обсуждали, насколько те или иные события соответствуют абстрактной схеме прогресса, а вот к постижению физической основы общественных отношений никакого стимула не имели. Ситуация прискорбная для страны, занимающей 1/6 часть земной суши. Даже американский русист Пайпс, которого трудно заподозрить в симпатиях к нашему отечеству, напоминает: «В случае с Россией географический фактор особенно важен»; «наиболее серьезные и трудноразрешимые проблемы связаны с тем, что страна расположена далеко на севере»; «важнейшим следствием местоположения России является чрезвычайная краткость периода, пригодного для сева и уборки урожая...»

Серьезный интерес к географическим факторам русской истории проявляли лишь люди, представляющие негуманитарные отрасли знания. Сдвиг в сторону «географии» в исторической науке произошел относительно недавно, почин тут принадлежит Л. В. Милову, написавшему фундаментальный труд «Великорусский пахарь и особенности российского исторического пути».

Меж тем, географические особенности нашей страны не есть какая-то эзотерика, они прямо бросаются в глаза. К. Арсеньев, статистик и географ николаевского времени, писал: «Россия составляет самую северную и восточную часть Старого Света, и следовательно самую холодную; все страны (части) России, лежащие под одной широтой с другими более западными, имеют климат гораздо холоднее».²

Последнее означает, что чем дальше на восток, тем зима становится длиннее и холоднее. Это объясняется удалением от Гольфстрима, самой мощной в мире теплоцентрали, снабжающей дармовой тепловой энергией поля, сады, реки и моря Европы. Гольфстрим, представляющий собой океанический меганасос, переносит из тропиков к европейским берегам 82 млн. куб.м. теплой воды в секунду, что в 60 с лишним раз превышает сток всех земных рек. Потому северная Германия и Англия, находящиеся примерно на широте Пензы и Самары, практически не знают зимы. В Норвегии Гольфстрим повышает зимнюю температуру воздуха на 15–20° по сравнению с тем, что могло быть, исходя из широтности. Январь в норвежском Бергене и в шведском Мальме, такой же как в Сочи.

Гольфстрим обеспечивает большей части Европы умеренный морской климат без резких сезонных и суточных перепадов. Уже в европейской части России эти перепады по своей амплитуде в два раза превышают западно-европейские показатели.

Блага, даруемые Гольфстримом, хорошо подкреплены и другими особенностями европейского географии. Европа защищена, как от холодных арктических ветров, так и иссушающих южных ветров – горными хребтами и морями. Она имеет крайне протяженную (по отношению к площади) береговую линию. Ее моря не замерзают. Почти по всей Европе не замерзают и реки. Круглый год суда пользуются даровой энергией морей и рек, ветров и течений.

В северной Германии, Англии, Нидерландах вегетационный период составляет 9,5-10 месяцев, благодаря Гольфстриму и атлантическим циклонам. Речь идет о безморозном периоде с суммой температур, достаточной для роста и вызревания растений, в том числе сельскохозяйственных культур. В России этот период, в среднем, вдвое короче. Кроме того, большая часть ее территории легко покрывается холодными арктическими и иссушающими азиатскими массами воздуха.

«Климат России является для земледелия одним из самых худших на земном шаре, – писал географ С. Прокопович, – природа дала ей совершенно недостаточное количество в одних частях ее тепла, в других – осадков...»

Первое, что поражало европейского наблюдателя в России был даже не холод: «Кажется, что мы проезжаем по стране, из которой ушли обитатели... Всё тонет в необъятном пространстве, над всем царит оно».³

В самом деле, уже в европейской части России плотность населения была на порядок меньше, чем в Западной Европе. (В доиндустриальную эпоху этот показатель прямо пропорционален выходу биомассы, естественному плодородию почвы.) От плотности населения зависит интенсивность хозяйственных взаимодействий, а, значит, и технический прогресс.

² Арсеньев К. Статистические очерки России. СПб, 1848, с.22.

³ Россия первой половины XIX века глазами иностранцев, Л., 1991, с.28.

Племена и народы с исчезающе малой плотностью населения, такие как например, чукчи, эскимосы и патагонцы вынуждены были оставаться в каменном веке вплоть до того, как их присоединяла к себе более развитая цивилизация.

Историк С. Соловьев обрисовывает, какую роль играет фактор плотности населения для развития цивилизации: «Понятно, что общая жизнь, общая деятельность в народе может быть только тогда сильна, когда народонаселение сосредоточено на таких пространствах, которые не препятствуют частому сообщению, когда существует в небольшом расстоянии друг от друга много таких мест, где сосредоточивается большое народонаселение, мест, называемых городами, в которых, как мы уже видели, развитие происходит быстрее, чем среди сельского народонаселения, живущего небольшими группами на далеком друг от друга расстоянии.»

Справочники свидетельствуют о том, что при традиционных строительных материалах дом на Русской равнине будет в три раза тяжелее, чем дом с такой же полезной площадью на западе Европы – из-за более мощных стен и фундамента. В Западной Европе, где почва не промерзает, двухэтажный дом можно строить и на выровненной площадке, а в московском регионе, где глубина промерзания грунта при январских температурах около -10° составляет 150 см, фундамент должен быть глубже. В Англии достаточно толщины стены в один кирпич, в нашей средней полосе нужно 3,5 кирпича.⁴ Во времена Николая I в русских домах топили с 1 сентября по 20 мая. (Даже сегодня в России на отопление жилых и производственных помещений расходуется 50 % всей потребляемой энергии.) Русский дом будет чаще требовать ремонта, чем европейский, из-за сезонных и суточных температурных колебаний, замерзания и оттаивания воды. Тоже относится и к дорогам, чтобы противостоять коррозии из-за промерзания грунта они должны стоять на мощной подушке.

На континентальном российском пространстве сильнее дают себя не только суточные и сезонных колебаний температуры, но и многолетние климатические колебания.

Известный климатолог В. Клименко замечает: «Россия как раз находится в зоне высоких температурных аномалий... Важно отметить, что малейшее колебание (мирового) климата в России многократно амплифицируется, усиливается.»⁵

Так было и в эпоху длительного периода похолодания мирового климата – Малого Ледникового периода, который продолжался с середины 16 по середину 19-го века, охватив и период правления Николая I. Европейскому падению температуры на полградуса соответствовало падение температуры на российской территории на полтора градуса. Такие масштабные климатические изменения влияли и на погодную неустойчивость – число метеорологических экстремумов на нашей территории в два-три раза превышало европейские показатели. В России, с ее коротким летом, это обстоятельство увеличивало возможность гибели урожая от продолжительных дождей, заморозков, засух и других погодных аномалий.

Климатолог Ю. Латов формулирует: «Климатические колебания слабее влияли на цивилизации с высоким запасом прочности и гораздо сильнее – на цивилизации рискованного агрохозяйства».⁶

Исторический центр нашей страны достаточно обделен полезными ископаемыми. До конца 19 в. суда, плававшие по русским рекам, строились из одного дерева, без какого либо железа. Путь за «таблицей Менделеева» шел на восток, был долог и затратен. Даже разработка каменноугольные месторождений началась лишь после освоения Дикого поля.

⁴ Олейников Ю.В. Природные факторы хозяйственной деятельности, с.48 (интернет-публикация).

⁵ Интервью с Клименко В.В. Прогноз: глобальные изменения климата и Россия (<http://moscow-weather.ru/info35.php>).

⁶ Латов Ю.В. Парадоксы производительной силы природы.// Что нового в науке и технике. 2005. № 5.

Безусловно, развитые технологии могут скомпенсировать недостатки внешней среды. Однако возникновение компенсирующих технологий зависит от возможности накоплений и вложений в техническое развитие – но эти стартовые факторы задаются внешней средой. (О влиянии начальных условий на траекторию развития системы говорит наука, именуемая теорией неравновесных процессов.)

Либералами часто упоминается, в контексте сравнения с Россией, такая успешная северная страны как Канада.

До сих пор большинство население Канады живет в стокилометровой зоне вдоль границы с США, с наибольшими плотностями в районах, примыкающих к незамерзающим океанским водам.

Те широты, которые в населенной части Канады являются севером, у нас относятся к югу. Степные районы Канады заселялись с юго-востока, степные районы России с северо-запада. (Это, как если бы канадские степи заселялись бы выходцами с Юкона.)

В отличие от российских степей, канадские степи распахиваются только в конце 19 в. – после индустриализации и постройки железных дорог, с технологиями и инвестициями самой развитой страны тогдашнего мира, Британской империи.

Канадскому поселенцу не столь угрожала засуха – североамериканские степи имеют большее увлажнение, чем южнороссийские. Не был он знаком и с таким страшным врагом, как орда кочевников.

Основная особенность русского земледелия

*Эти бедные селенья,
Эта скудная природа,
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!⁷*

«Главной особенностью территории исторического ядра Российского государства с точки зрения аграрного развития является крайне ограниченный срок для полевых работ», – определяет академик Милов.

Рабочий сезон для русского земледелия обычно длился «от Егория до Покрова», с середины апреля до середины сентября (по новому стилю с начала мая до начала октября), около пяти месяцев. В северных районах России и того меньше.⁸

Заморозки норовили сузить и этот короткий сельскохозяйственный период, они нередко продолжались до первых чисел июля и снова приходили в начале сентября.

В Московском регионе было около 110 безморозных дней, температуры выше 15° длились 59–67 дней.

В среднем русский крестьянин имел для земледельческих работ 125–130 дней. Из этого времени на сенокос уходило около 30 дней. Напомним, в Западной Европе из рабочего сезона выпадали лишь декабрь и январь.⁹

Большая длительность сельскохозяйственного периода давала европейским крестьянам возможность равномерной постоянной работы, лучшей обработки почвы, создавала прямую зависимость между вложенным трудом и результатом. В западноевропейской земле был зарыт знаменитый девиз капитализма: «время – деньги».

⁷ Тютчев Ф.И. Эти бедные селенья... – В кн: Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений. Л., 1957.

⁸ Милов Л.В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса. В кн: По следам ушедших эпох. Статьи и заметки, М.2006, с.641.

⁹ Там же, с. 642–643.

Экономист Гакстхаузен в начале 19 в. определил, что для обработки одинакового по размерам участка на Рейне у Майнца и на Волге у Ярославля, требуется: в России труд 14 крестьян и 10 крестьянок, а в Германии 8 крестьян и 6 крестьянок. При том доход в Германии составит 5000 талеров, а в России вдвое меньше.

При качественной обработке земли, в доиндустриальную эпоху, трудовые затраты русского крестьянина составляли примерно 59 человека-дней на одну десятину.

Но при распространенном размере пахотного участка в 4,5 дес., крестьянин мог потратить на одну десятину лишь 21–23 рабочих дня. Это без жатвы, обмолота и выполнения трудовой повинности в пользу землевладельца (в случае отработочной ренты). Такие затраты времени предполагали некачественную обработку почвы, скоротьбу, что вело к низкой урожайности.

Малая продолжительность сенокоса и длительный период стойлового содержания скота – до 6 месяцев (в Западной Европе скот практически весь год на открытых пастбищах) определяло слабое развитие российского скотоводства. Малое количество скота давало малое количество удобрений для полей, что также не способствовало подъему урожайности.

Из-за дефицита времени на заготовку сена, скотине хватало его обычно до января. Рабочий скот был малосильный, а корова давала не более 600 литров молока в год.

В центре страны преобладали низкоплодородные почвы с невысоким содержанием гумуса – покровные суглинки, глинистые, супеси. На глинистых и суглинистых почвах в сухое время образовывалась корка, не пропускающая воду к корням во время дождя.

Истощение почвы приводило к периодическому забрасыванию земли в залежь – для естественного восстановления плодородия. Крестьянин нуждался в новой земле – нови.

«Будучи сугубо экстенсивным, оно (земледельческое производство) распространялось на всё новые и новые территории. Именно этот фактор лежал в основе многовекового движения русского населения на юг и юго-восток Европейской России, где были более плодородные земли, хотя и постоянно подвергавшиеся нашествию засухи», – пишет Милов.

На всех доступных путях расселения нашим сельскохозяйственных колонистов не ждали земли, «текущие молоком и медом», подобные тем, что встречали маисом, индюшками, долгим летним теплом европейских поселенцев в Северной Америке. Русских переселенцев зачастую ждал еще более суровый климат. Русские крестьяне несли земледелие туда, где до них этим никто не занимался – в северное Заволжье, на Северную Двину и Белое море, на Кольский полуостров, в Пермский край и Сибирь.

Освоение новой пашни в лесу за счет «пала» или степной залежи давало первые годы хорошие урожая, до сам-10 и даже выше, затем урожайность резко падала.

Посмотрим на многовековую динамику по урожаям ржи (основной сельскохозяйственной культуры) в историческом центре страны, где проживала основная масса русского населения.

XV век.

Вотская и Шелонская пятины: сам-1,7 – сам-2,3

Обонежская пятина: сам-3

Деревская пятина и Новгородский уезды: сам-2 – сам-3

Конец XVI века.

Владимир, Суздаль, Тверь, Старица, Рязань, Волок, Дмитров: сам-2,45 – сам-3,3

XIX век, 1802–1811 гг.

север: сам-3,4

северо-запад: 2,7

запад: 3,6

Смоленск: 2,6

Центрально-нечерноземный регион: 2,6

Средневожский: 3

Приуральский: 3¹⁰

Как мы видим, на протяжении веков нет никакой положительной динамики; урожайность практически не растет. (Мало что изменится до радикального увеличения энергооборуженности села и массового применения искусственных удобрений – а это уже середина 20 века, советская индустриализация.)

При хорошем урожае сам-4 на члена крестьянской семьи приходилось 24–27 пуд. хлеба и семья могла продать на рынке около 17 пуд. При среднем урожае на члена крестьянской семьи приходилось всего 12–15 пудов хлеба – товарность хозяйства на нуле.¹¹

Община старалась обеспечить более-менее равные условия своим членам, предоставляя им в индивидуальное пользование набор разных по качеству участков земли. Качество участков менялось в связи с засухами и чрезмерными осадками, менялось и количество рабочих рук в семьях – это вело к перераспределению участков между членами общины.

Такой уклад крестьянской жизни ак. Л. Милов обозначает, как «мобилизационно-кризисный режим выживаемости общества с минимальным объемом совокупного прибавочного продукта».

Особенности российского климата (приход холодного арктического или жаркого сухого азиатского воздуха в самый разгар сельскохозяйственного сезона) предопределяли возможность неурожая практически во всех регионах России. Раз в три-четыре года крестьянин получал урожай сам-2, даже сам-1. Князь М. Щербатов, что первый провел статистические исследования на эту тему, пришел к выводу, что страна регулярно оказывалась на грани голода.

Как отмечал Н. Варандинов, статистик, обработавший сведения МВД за первую четверть 19 в., «повсеместных урожаев у нас никогда не бывало».

В рассмотренный им 23-летний период, только 5 лет были «удовлетворительными для продовольствия», в остальные 18 «недостаток хлеба проявлялся непрерывно». По причине длительности транспортировки, занимавшей многие месяцы, товарный хлеб из благополучных регионов не мог своевременно попасть в бедствующие. МВД предпринимало разные меры, чтобы «отвратить голод или не допустить к нему жителей». По императорскому указу от 1822 г. система запасных магазинов для продовольствования в неурожайные годы была создана в 41 губерниях. (Британские государственные инстанции не организовали снабжения голодающих даже во время великого ирландского голода.)

Транспортная задача

Пути сообщения были слабым местом российского хозяйства – и эта слабость была предопределена географическими факторами.

Это в Англии нет даже такого понятия «удаленность от моря» – всё рядом с незамерзающими морскими водами. США сформировались на теплом побережье Атлантики, настоящее продвижение белых вглубь континента началось только с постройкой железных дорог. Для внешнепропагандных нужд англосаксы приберегают либерально-демократические байки, а в реальной политике руководствуются такими вещами как «критерии Мэхена»: открытость морям, доступность морских коммуникаций, конфигурация морских побережий, количество удобных гаваней, протяженность береговой линии и т. д.

У России никогда не было протяженных побережий с незамерзающими водами.

¹⁰ Там же, с. 639–640.

¹¹ История России с начала XVIII века до конца XIX века, М., 1997, под ред. ак. Л.В. Милова, с.148.

Берега Северного Ледовитого и северной части Тихого океанов, стиснутые большую часть года льдами и отдаленные от центра практически незаселенными пространствами, ничего не давали стране в транспортном плане – за исключением небольшой архангельской «форточки в Европу», также запираемой на полгода льдами.

Даже «окно в Европу», прорубленное на Балтике Петром, долгое время отделялось от населенного центра лесами и болотами. Для того, чтобы приставить это «окно» к российской экономике, требовалось освоение разделяющего пространства, постройка дорог с твердым покрытием и соединительных гидротехнических систем.

Надо заметить, что в те времена торговый флот любой страны плавал точно там же, где и ее военный флот. Балтийское море было «бутылкой», горлышко от которой находилось в чужих руках.

Сказанное относится и к «окну» на Черном море, прорубленному в конце 18 в. Между российским центром и черноморскими берегами находилась незаселенная полоса степей, оставшихся от Дикого поля, без городов, деревень и дорог, с полосой порогов, перегораживающих все нижние течения рек, выходящих к морю. Черное море также являлось «бутылкой», и выход из нее был в руках османов.

«Ее (России) цари не жалели забот и трудов для создания мощного флота, но все эти усилия останутся тщетными, если России не удастся завоевать и присоединить побережье Турции, Греции и Швеции – что даст ей выход в открытое море и удобные гавани», – пишет «Таймс» от 24 августа 1853. Даже в середине 19 в. сведущие британцы считали, что свободы мореплавания у нас нет.

Скромные возможности страны для налаживания внешней торговли географ Арсеньев описывал так: «Местоположение России, взятой во всем ее пространстве, на самом северном краю восточного материка, не самое счастливое в коммерческом отношении. Уединенные Океаны Северный и Восточный и пространные степи Татарии полагают вечную преграду внешним торговым сношениям для все Восточной половины Российского государства, которая при том и по направлению всех больших рек к диким полуночным (северным) странам очень мало способна для торговли. На юге Европейской половины безводные степи от Каспийского моря до Черного и высокие хребты Кавказа также не благоприятны для торговых сношений».

Внутренний транспорт России с незапамятных времен опирался на реки. У нас, однако, не было таких полноводных незамерзающих водных бассейнов, покрывающих эффективную территорию страны, как Рейн в Германии или Миссисипи в США.¹²

Замерзание вместе с ледоходом прекращало речную навигацию на срок до полугода. Северные реки европейской части России – мелкие, узкие, порожистые. Южные реки – полноводные, глубокие, но также с порогами. На северных и южных реках использовались разные типы судов, с разной осадкой и грузоподъемностью.

По Волге и гидротехническими системам, соединявшим ее с Петербургом, двигались бесконечные караваны судов. Однако за одну навигацию товары с юга и востока европейской части России редко успевали в столицу. Перегрузка грузов, идущих в меридиональном направлении, на суда с более мелкой осадкой, как правило, производилась в Рыбинске. По пути от Рыбинска до Петербурга суда могли еще несколько раз разгружаться в связи с падением уровня воды, из-за многочисленных отмелей и каменных гряд.¹³ Даже с постройкой Вышневолоцкой системы каналов, соединяющей Волгу с Невой, путь от Рыбинска до Петербурга занимал более трех месяцев. При неблагоприятных обстоятельствах, например,

¹² Там же, с.301.

¹³ Горлов И. Обзорение экономической статистики России. СПб, 1849, с.261.

при мелководье на верхней Волге, грузы, приходящие к Рыбинску, не перегружались, а складировались на зиму.

Пороги пересекали реки Причерноморья, делая невозможным непрерывное судоходство. Они формировались гранитным кряжем, который начинался от предгорий Карпат в Бессарабии, шел параллельно берегу Черного моря, через рр. Днестр у Ямпольи, Буг, Ингул, Ингулец в районе Елизаветграда (ныне Кировоград), Днепр ниже Екатеринослава (ныне Днепропетровск).

Днепровское судоходство выше порогов производилось лишь весной и осенью, при высокой воде. При снижении уровня воды судам надлежало разгружаться, складированный товар естественно подвергался порче.

Затраты по перевозке хлеба из черноземных губерний в нечерноземные могли превышать себестоимость самого хлеба в три и более раз.

Долгими месяцами шла доставка железа с Урала в Петербург и центр страны, по рекам и даже волоком. Каменноугольные месторождения были отдалены от Урала (это вам не Англия, где все рядом), уральской металлургии приходилось пользоваться низкоэнергетическим древесным углем.

Долгое нахождение груза в пути, промежуточное его складирование, высокие риски при доставке не только повышали стоимость транспортировки, но и увеличивали размеры запасов.¹⁴ Пока груз доставлялся к месту назначения, цены там могли измениться несколько раз. Если они существенно падали, то торговец оказывался разоренным. Купцы не могли ждать возвращения порожних судов из Петербурга и должны были строить новые, чем сводились леса и еще больше увеличивались транспортные расходы.¹⁵

При всех издержках водный путь был для грузов намного дешевле сухопутного. Летом от Петербурга до Москвы, по шоссе, доставка грузов стоила до 4 руб. за пуд, зимой вдвое дешевле. Доставкой же водным путем составляла около 40 коп. за пуд. по Вышневолоцкой и Мариинской системам, около 120 коп. по тихвинской.¹⁶

«В степи кочующий обоз» был символом российского сухопутного транспорта. Грунтовые пути весной и осенью были практически непроходимыми из-за распутицы, перевозки шли летом и зимой. Замерзание и таяние воды, разрушающее дорожные покрытия, отбивало у правительства желание тратить деньги на строительство шоссе – вплоть до николаевского времени.

Низкая скорость оборачиваемости средств, высокие и зачастую непредсказуемые транспортные издержки – эти факторы подрывали рост торгового капитала, вели к удорожанию кредита, и требовали применения нерыночных этатистских методов для развития транспортной сети.

¹⁴ Там же, с. 161–163.

¹⁵ Там же, с. 262.

¹⁶ Там же, с. 264.

От московской Руси к петербургской империи

Биография российского социума

Невозможно говорить о государстве Николая I, не представляя, из каких пластов оно было сформировано за предшествующие 900 лет.

«Россия есть громадное континентальное государство, не защищенное природными границами, открытое с востока, юга и запада. Русское государство основалось в той стране, которая до него не знала истории, в стране, где господствовали дикие, кочевые орды, в стране, которая служила широкою открытою дорогою для бичей Божиих, для диких народов Средней Азии, стремившихся на опустошение Европы. Основанное в такой стране, русское государство изначала осуждалось на постоянную черную работу, на постоянную тяжкую изнурительную борьбу с жителями степей», – пишет классик нашей историографии Соловьев, подмечая некоторые, но далеко не все, негативные факторы, мешавшие плавному развитию нашей страны.

Древнерусское киевско-новгородское государство, простиравшееся от моря до моря, было рождено знаменитым водным путём «из варяг в греки», который активно функционировал в период климатического оптимума 9-11 вв. Однако пришельцы-кипчаки и более ранние сроки замерзания водных путей надломили его развитие.

По счастью, северо-восточная Русь, сперва Владимиро-Суздальская, затем Московская, находят новый код существования в отчаянно-неблагоприятных условиях внешней среды.

Огромная Россия начиналась в медвежьем углу, где из всех природных богатств был только непролазный лес, в котором прятались от кочевых орд, приходящих из-за Оки.

Карамзин, со свойственной ему просвещенческо-либеральной легкостью сочинил миф, что «Москва обязана своим величием ханам». Карамзин написал, а сто либеральных историков повторило за ним, и засмеялись довольные, как будто дело сделано и объяснение найдено. Однако у золотоордынских ханов величия искали и тверитяне, и рязанцы. Но только одна Москва и сумела бросить вызов Орде, будучи еще небольшим княжеством, не входящим в какие-либо сильные коалиции. А «вольнолюбивая» Литва протянула свою верную руку отнюдь не Москве, а золотоордынцам.

Хозяйственным базисом московского государства было земледелие в сложных почвенно-климатических условиях (сейчас такую зону земледелия называют рискованной) – не одно из племен северной Евразии, до прихода русских, не делало ставку на земледелие.

И своим возвышением Москва была обязана, в первую очередь, сильной соседской общине, которая могла оказать помощь крестьянскому хозяйству в критические моменты.

Российский историк Пушкарев отмечал: «Крестьянская община, с ее выборными органами – старостами, сотскими, десятскими и т. п., – была исконным русским учреждением и мы встречаем на территории великого княжества Московского уже в XIV–XV вв. крестьянские общины в качестве признаваемых государственной властью общественных союзов, имеющих судебно-административное и финансовое значение».

Слабая децентрализованная власть в виде классической феодальной пирамиды оказалась бы слишком дорога для общества с почти нулевым выходом прибавочного продукта.

Населению Северо-Восточной Руси требовалось сильное государство, способное защитить плоды земледельческого труда. Ведь при урожае ржи на душу населения едва в 15–20 пуд ржи эти скудные плоды надо было оборонять очень крепко.

Такое государство, задуманное наверное еще Андреем Боголюбским, было создано негласным «общественным договором», как орган мобилизации и даже самоэксплуатации общества. В этом «договоре» верховная власть обязывалась защищать труд народа, а народ оказывать доверие власти. Первые два с половиной века московского государства – это время большого социального мира, что резко контрастировало с государством новгородским.

Иван III начинал с крохотного московского княжества, не более 50 тыс. кв. км «тощего суглинка». Нет еще ни одного кусочка русской территории, которое бы не находился под иноземным господством и не платил бы дань иноземным правителям.

И вот, имея на руках такое скромное достояние, которое можно потерять в любой момент, московская власть совершает чудо, до сих пор не оцененное в полной мере историками.

«...Ядро русской государственности к концу пятнадцатого столетия... было расположено в самом углу тогдашнего мира, было изолировано от всех культурных центров, но открыто всем нашествиям с севера (шведы), с запада (Польша), с востока и юга (татары и турки). Эти нашествия систематически, в среднем приблизительно раз в пятьдесят лет, сжигали на своем пути все, в том числе и столицу. Оно не имело никаких сырьевых ресурсов, кроме леса и мехов, даже и хлеба своего не хватало. Оно владело истоками рек, которые никуда не вели, не имело доступа ни к одному морю – если не считать Белого, и по всем геополитическим предпосылкам – не имело никаких шансов сохранить свое государственное бытие. В течение приблизительно четырехсот лет это «ядро» расширило свою территорию приблизительно в четыреста раз – от 50.000 до 20.000.000 кв. километров.»¹⁷

Население России, насчитывавшее в конце 15 в. около 2 млн человек, за последующие 4 века увеличилось до 170 млн человек, причем отнюдь не за счет массовой иммиграции из других регионов планеты. Таких долговременных темпов неиммиграционного прироста не знала ни одна страна в мире. В начале 20 в. русские по численности уступали только китайцам и индостанцам, издревле самым многочисленным народам планеты.

В условиях, когда земледелие поглощало весь прирост рабочей силы, а войско – почти весь прибавочный продукт, накоплением средств, созданием крупных производств, импортом технических нововведений будет заниматься у нас государство.

Государство строило города и крепости, оборонительные черты и засечные полосы, поддерживало глубокую станичную и сторожевую службу, гонялось за кочевыми ордами в степи, отбивало или выкупало у них пленников.

Либеральные историки, которые так страдают из-за мощи российского государства, представляя его неким наростом на «гражданском обществе», не понимают ни причин его возникновения, ни целей, которые оно решало.

Государственная машина в России должна была, как пишет ак. Л. Милов, «форсировать и процесс общественного разделения труда, и прежде всего процесс отделения промышленности от земледелия, ибо традиционные черты средневекового российского общества – это исключительно земледельческий характер производства, отсутствие аграрного перенаселения, слабое развитие ремесленного и промышленного производства, постоянная нехватка рабочих рук в земледелии экстенсивного типа и их острое отсутствие в области потенциального промышленного развития.»

Легкое «собрание» новгородских, псковских, верхнеокских, северских, тверских, рязанских земель было следствием того, что русское простонародье принимало московское правление, обеспечивающее традиционную общинную жизнь, прекращение господских усобиц и частных войн, ослабление боярского и магнатского гнета. Московская система привлекала низкими налогами и сохранением (или возрождением) самоуправления у кре-

¹⁷ Солоневич И. Л. Народная монархия М. 2005.

стьянских и посадских общин. Если применить модный термин, то московское единодержавие оказалось более конкурентоспособным, чем новгородская и литовская системы, не смотря на их большую «западность». Московская «народная монархия» была более демократичной и одновременно централизованной.

Население Литвы и Новгорода, глядя на Москву, видели не придуманное либералами отпочкование Орды, а русское государство в виде «сотен тысяч маленьких крестьянских республик, вершивших собственные дела, подчиняясь собственным законам, имевшим даже собственные суды», как описал его английский историк Ч. Саролеа.

Существенным фактором было и то, что московский государь мог защитить землю от вражеского набега лучше, чем новгородские и литовские власти. Этот привлекало к Москве не только земледельцев, но и землевладельцев. Важное значение имел и религиозный фактор.

С последней трети XV в. западные и южные соседи России стали осознавать, что на месте геополитической черной дыры появилось государство, угрожающее их интересам. И это им сильно не понравилось.

С. Соловьев писал: «Едва только Россия начала справляться с Востоком, как на западе явились враги более опасные по своим средствам. Наша многострадальная Москва, основанная в середине земли русской и собравшая землю, должна была защищать ее с двух сторон, с запада и востока, бороться от латинства и бесерменства, по старинному выражению, и должна была принимать беды с двух сторон: горела от татарина, горела от поляка. Таким образом, бедный, разбросанный на огромных пространствах народ должен был постоянно с невероятным трудом собирать свои силы, отдавать последнюю тяжело добытую копейку, чтоб избавиться от врагов, грозивших со всех сторон, чтоб сохранить главное благо — народную независимость; бедная средствами сельская земледельческая страна должна была постоянно содержать большое войско.»

Бедная малонаселенная Россия фактически охраняла Запад от Востока, а Восток от Запада, но ненавидели ее и те, и другие.

Ни север, ни юг, ни запад, ни восток страны не защищены от вражеских нашествий. У стран фактически нет тыла. Муром, Владимир, Вятка и Ладога точно также находятся под ударом как Рязань, Тула и Смоленск. Плодородные почвы отсечены Диким полем, где «хозяйничают» степняки. Морские торговые пути, ведущие в Европу, находятся под плотным контролем Ганзы и Ливонии. Западные соседи не пропускают в Россию ремесленников и новые технологии, не позволяют самостоятельного русского мореплавания, но, в то же время, имеют замечательные барыши, скупая дешевые русские товары. (В это время в западной Европе как раз происходит «революция цен», ценовой скачок, связанный с притоком южноамериканского серебра.) Торговые пути, ведущие в южные и восточные страны, контролируются Литвой, Крымом и Казанью. Внешние рынки доступны только через посредников, присваивающих львиную долю прибыли, и не могут стимулировать развитие городов.

Московской Руси в эпоху Ивана Грозного удалось разрушить хищные рабовладельческие государства, угрожающие России с востока, прорубить «восточное окно» для освоения Урала и Сибири, отнять тысячи квадратных километров у Дикого поля, выйти на Северный Кавказ.

Однако столкновение с коалицией сильнейших европейских держав того времени (Речью Посполитой, Швецией, Османской и Германской империями) за выход к мировым торговым путям завершилось неудачей.

Столкновение с Европой произошло в условиях жесткой борьбы центральной власти против феодальной земельной знати, потомков удельных властителей — тех, что раздробили Древнюю Русь и положили ее под копыта татарских коней. В своих вотчинах она по-прежнему выступала в роли микрোগосударей, имея собственных бояр, массу подневольной челяди

и частное войско, состоящее из военных слуг и боевых холопов. А в едином государстве она рассматривала свои административные функции, что в столице, что на местах, как очередное средство кормления за счет народа.

Властный конфликт не мог быть решен мирными средствами. Аристократы, собравшиеся в Москву со всех концов бывшей удельной Руси, предавали правящую династию Калиты и травили ее ядом. А верховная власть, особенно в эпоху Ивана Грозного, старалась избавиться от слоя аристократов – и как от посредников между центром и местами, и как от «микрогосударей», и как от жадных потребителей прибавочного продукта, создаваемого производящим населением. Прибавочный продукт перераспределялся в пользу служилых людей, несущих оборонную и пограничную службу, а административные функции передавались выборным органам местного (земского) самоуправления, крестьянским и посадским.

Забавным образом, либеральные и даже многие марксистские историки при описании этого противостояния явно занимают сторону феодальной знати, княжат и бояр – тут уж сказываются антигосударственные инстинкты нашей интеллигенции.

С 1600 г. четыре лета подряд урожай губили морозы, в июле ездили на санях, а в сентябре устанавливался снежный покров. Из-за повторяющихся неурожаев толпы голодных крестьян бродили по всей стране в поисках хлеба. Люди пограничья перестали защищать государство. В открывшиеся «трещины» хлынули вражеские потоки и на несколько лет фактически уничтожили русскую государственность.

Из Смуты страна вышла гораздо более малонаселенной, еще более изолированной от мировых торговых путей, с разоренным селом и посадом. Западные купцы немедленно захватывают российский рынок, стесняя развитие русского торгово-промышленного класса.

Результатом Смуты было нарастание мобилизационного характера хозяйственной и военной жизни России, усилением службы и тягла сословий. При населении в 5 млн человек, страна должна была содержать войско в 200 тыс. Нередко случалось и так, что дворянин в самом центре России, получая от приказа поместье как будто населенное, с крестьянами, встречал на самом деле пустошь с заброшенными избами. И должен был сам браться за соху.

Государство несло все растущие оборонные расходы. Первыми шли осваивать Дикое поле не крестьяне, а служилые люди, «дети боряские» и дворяне, казаки, стрельцы, копейщики, засечные сторожа, станичники, пушкарки, затынщики, воротники, позднее солдаты, рейтары, драгуны и и т. д. Все они получали разные виды государственного довольствия – не только землями, но и деньгами.

Государство расширялось, в первую очередь, ради обеспечения крестьянской колонизации, однако оборона растущей территории требовала, напротив, ограничения передвижения для крестьян на поместных землях.

У Соловьева читаем: «Государство бедное, мало населенное и должно содержать большое войско для защиты растянутых на длиннейшем протяжении и открытых границ... Главная потребность государства – иметь наготове войско, но воин отказывается служить, не выходит в поход, потому что ему нечем жить, нечем вооружиться, у него есть земля, но нет работников. И вот единственным средством удовлетворения этой главной потребности страны найдено прикрепление крестьян, чтоб они не уходили с земель бедных помещиков, не переманивались богатыми, чтобы служилый человек имел всегда работника на своей земле, всегда имел средство быть готовым к выступлению в поход.»

Лаконично и четко классик выводит: «Прикрепление крестьян – это вопль отчаяния, испущенный государством, находящимся в безвыходном экономическом положении.»

Насколько введение крепостной зависимости оказывалось в общегосударственных целях, показывает тот простой факт, что оно было легализовано земским собором 1648 года, представляющим значительную часть населения – более демократичного сословно-предста-

вительского органа в те времена нигде не существовало. (Судя по воспоминаниям Смирновой-Россет, этот факт вызывал глубокое сожаление у императора Николая I.)

Прикрепление крестьян к поместьям служилых людей, сыграло большую роль в победоносном завершении тяжелой войны 1654–1666, в выходе на Днепр, в быстром наступлении на Дикое поле. Вынужденное закрепощение части крестьянства обеспечивало быстрое расширение и освоение территории страны.

В 17 в. дворянин отличается от крестьянина только видом обязанностей перед государством. Дворянин служит, крестьянин его кормит за несение службы. Нередки были случаи ухода дворян от служба, когда они становились крестьянами. Для закона дворянин и крестьянин были равны.

«В том же году князь Яков Иванов сын Лобанов-Ростовский да Иван Андреев сын Микулин ездили на разбой по Троицкой дороге, к красной сосне, разбивать государевых мужиков с их великих государей казною, и тех мужиков они розбили, и казну взяли себе, и двух человек мужиков убили до смерти. И про то их воровство разыскивано, и по розыску он князь Яков Лобанов взят с двора и привезен был к красному крыльцу, в простых санишках, и за то воровство учинено ему князь Якову наказание: бит кнутом в железном подклете по упросу верховой боярыни и мамы княгини Анны Никифоровны Лобановой-Ростовской. Да у него ж князь Ивана отнято за то его воровство бесповоротно четыреста дворов крестьянских. А человека его колмыка, да казначея, за то воровство повесили. А Ивану Микулину за то учинено наказание: бит кнутом на площади нещадно, и отняты у него поместья и вотчины бесповоротно, и розданы в роздачу, и сослан был в ссылку в Сибирь, в город Томег», – читаем у Котошихина.

За грабеж мужиков (из-за чего в Европе не шелохнулся бы ни один коронный судья) нашего князя и дворянина наказали не только тяжелым телесным наказанием, но и лишили их владений, их власти над крестьянами.

«По уложению 1649 года крестьянин был лишен права сходить с земли, но во всем остальном он был совершенно свободным. Закон признавал за ним право на собственность, право заниматься торговлей, заключать договоры, распоряжаться своим имуществом по завещаниям.» – писал дерптский историк Е. Шмурло.

Бедное село, низкая плотность населения, отрезанность от морей – нелучшие условия для развития городов и городской культуры. Крестьянский мир не давал достаточного прибавочного продукта русскому городу. Неразвитый город не давал необходимых товаров и технологий крестьянскому миру. Усиливается не только экономическая, но культурная зависимость России от стремительно развивающегося Запада. Никон громит мечту о «Москве-Третьем Риме» вместе с «древлим» православием.

Европа в это время порождает действующий все более глобально капитал. Основным же принципом функционирования капитала является максимизация прибыли – дешевле купил, в том числе и рабочую силу, подороже продал. В идеале не купил, а взял бесплатно.

Морские европейские державы возродили рабство и работорговлю в размерах, которых не знал и античный Рим. Континентальные державы центральной и восточной Европы произвели «вторые издания» крестьянской зависимости, причем в таких тяжелых формах, каких не знало классическое средневековье. Цель – максимизация поставок дешевого сырья на внешний рынок в обмен на предметы роскоши. И самая мелкопоместная шляхта выжимала последние соки из своих хлопков ради того, чтобы купить какие-нибудь голландские часики с боем. Панщина в Польше дошла до 6 дней в неделю, а затем нередко стала занимать всю неделю (крестьянин, потерявший возможность трудиться на своем наделе, получал паек-месячину), в Венгрии зависела только от произвола владельца, в Трансильвании составляла 4 дня, в Ливонии нередко занимала всю неделю («jeder Gesinde mitt Ochsen oder Pferd alle Dage», пер. «любой барщинный крестьянин работает с упряжкой быков или конной упряж-

кой каждый день»). В Шлезвиге помещик владел крестьянином как вещью («Nichts gehoret euch zu, die Seele gehoret Gott, eure Leiber, Guter und alles was ihr habt, ist mein», пер. «Ничто не принадлежит вам, душа принадлежит Богу, а ваши тела, имущество и все что вы имеете, является моим»). В Нижней Силезии утвердилось правило, что «крестьянские барщинные работы не ограничиваются». В Саксонии крестьянская молодежь призывалась, как в армию, на трехгодичную непрерывную барщину.¹⁸

А потом пришел Петр, пришел очень удачно, когда центральная Европа хотела остановить шведскую агрессию, а Речь Посполитая превратилась в кучу гниющих отбросов.

Петр провел новую мобилизацию русского общества с использованием «научных принципов», подсказанных Лейбницем.

При Петре немыслим уже Земский собор. Русское самодержавие превращается в западнический абсолютизм (все бранные слова, обрушенные российской интеллигенцией на «русское самодержавие», начиная с Петра, в общем-то не по адресу). Самоуправление крестьянских и посадских общин серьезно страдает в ходе модернизационных преобразований (хотя царь добросовестно пытался поначалу обновить его при помощи бурмистерских палат). Собирают подати уже не сами общины, учитывавшие платежеспособность дворов, а военные команды, механически делящие требуемую сумму на количество ревизских душ.

Социальная структура становится резко дифференцированной. Петр создает стройную и всеобъемлющую иерархию службы.

Крестьянин, идущий добровольно или рекрутированный в армию, мог дослужиться до обер-офицерского чина и, согласно Табели о рангах, стать потомственным дворянином.

Число дворян в петровское царствование увеличилось многократно, примерно с 15 тыс. до 100 тыс. – за счет поглощения контингентов даже из самых низших слоев населения, включая холопов. Вместе с солдатами из крестьянских сыновей тянул солдатскую лямку и дворянский сын. Чтобы добиться офицерского чина, им требовались показать одинаковые личные заслуги.¹⁹

Однако дворянин служит уже не за условное владение (поместную дачу), как в Московском государстве, а как член благородного сословия, и земли переходят в его безусловную частную собственность – по примеру Польши и других европейских стран. Служилые люди становятся «шляхетством».²⁰

Помимо пожизненной военной службы на шляхетство налагается еще одна обязанность – учиться – как минимум в математической или навигационной школе. Дворянство становится единственным поголовно образованным классом, способным к управлению на всех уровнях, от собственного имения до государства.

При преемниках Петра I общественная структура упрощается, фактически она становится двухслойной, благодаря стремительному процессу эмансипации дворянства.

Сверху – благородное землевладельческое сословие с небольшим добавлением именитых горожан и гильдейских купцов, внизу – простолюдины, несущие все подати и повинности. Внешне отличаясь от Речи Посполитой по формам верховной власти, Россия становится очень близкой к ближайшей западной соседке по формам социальной жизни. Отмена престолонаследия по крови и по земскому выбору фактически передала благородному шляхетству функции избрания носителя верховной власти.

¹⁸ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. М., 1988, с.260.

¹⁹ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. СПб, 1992, с. 360, 361.

²⁰ Романович-Славатинский А. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. Киев, 1912, с.117.

С Петра до Николая пять раз столичная дворянская верхушка – в виде гвардейских полков – делала у нас царей. И почти каждый раз в этом принимали активное участие внешние силы.

Правители и правительницы расплачивались с со своим электоратом дарованием ему новых и новых вольностей, осуществляемых за счет простого народа...

Почти дословно совпадают фазы полонизации западно-русского шляхетства, происшедшей в 17 в., и вестернизации российского дворянства в 18 в... Точно также наше дворянство меняет культурную идентичность, систему ценностей, язык, характер отношения к низшим классам.

После этого глубинного раскола русская нация, как таковая, исчезает. (Нация, собственно, может существовать только при единении социальных групп в наиболее важных вопросах – в языке, культуре, наличии обязанностей.)

Российская элита ориентируется то на один, то на другой культурно-бытовой западный образец: польские влияния сменяются голландскими и немецкими, потом французскими и английскими. Вместе с культурными потоками идут с Запада и весьма существенные человеческие потоки; в состав российского благородного сословия инкорпорируются польская шляхта, прибалтийское и финляндское дворянство, многочисленные искатели счастья из Европы.

С 1720-х помещики перенимают функции суда и полиции в отношении крестьян по большинству дел. В 1736 г. стали определять меру наказания крестьянина за побег, в 1760 – получили право ссылать его в Сибирь. Крестьяне теряют право на владение землей, полями, деревнями.

Политические, гражданские и экономические привилегии помещиков росли столь же быстро, как и их частная власть над крестьянами. «В истории XVIII в. улучшение положение дворянства постоянно связывалось с ухудшением быта и уменьшением прав крестьянства.»²¹

С 1720-х шляхетство освобождается от уплаты подушной подати. Анна Иоанновна, курляндская герцогиня на русском троне, благодарит своих гвардейских «выборщиков», отменяя указ Петра о единонаследии имений. Отныне младшие сыновья не должны жить на жалованье от службы. С учреждением Сухопутного шляхетского корпуса дворяне, окончившие его, становятся офицерами, не побывав в нижних чинах. Срок обязательной службы сокращается до 25 лет.²² Дворяне устремляются из полков и канцелярий в свои деревни. Только дворянам разрешен свободный вывоз хлеба за границу. Они получают монопольное право на винокурение. Только они могут владеть населенной землей, а затем и любой землей за пределами города. Кривая нарастания привилегий нашего шляхетства почти по пунктам совпадает со схожим процессом в Речи Посполитой двумя веками раньше.

При голштинце Петре III указом о дворянской вольности высшее сословие освобождается от обязательной службы российскому государству. Все российское дворянство вполне легально превращается в «нетчиков» – таких еще сто лет назад пороли и лишали поместий, сегодня безделье становится признаком благородного сословия.

Труд владельческих крестьян, вместо того, чтобы создавать опору государственной службы дворян-воинов, отныне должен обслуживать потребности праздных бар. Крепостное право становится из публично-правового частно-правовым. Более того, с освобождением дворян от обязательной службы нашему государству, они получали право служить иным государям. И русские крестьяне поддерживали своим трудом службу прусскому или французскому королю.

²¹ Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. СПб, 1997, с. 658.

²² Кавелин К.Д. Наш умственный строй. М.1989, с.165.

Пушкин относил указ 1762 г. к документам, «коими предки наши столько гордились и коих справедливее должны были бы стыдиться».²³ Под флагом свободы создавалась нравственная язва такого размера, какой никогда еще не было в российской истории. (Сравнить этот указ можно только с указами 1990-х, когда послушная олигархии власть, размахивая флажками свободы, раскидывала общее достояние стае финансовых вурдалаков).

И в царствование ангальт-цербстской умницы, внешне столь отличавшейся от гольштейн-готторпского идиота, действие постыдного указа будет лишь усилено.

Екатерининский указ об «Учреждениях для управления губерний» выстроил местное самоуправление, опирающееся на выборные дворянские органы. «С 1775 вся Россия от высших до низших ступеней управления (кроме разве городских магистратов) стала управляться дворянством: вверху они действовали в виде бюрократии, внизу – в качестве представителей дворянских самоуправляющихся обществ.»²⁴

Жалованная грамота 1785 г. превращала дворянство целой губернии в юридическое лицо, устанавливала, что дворянин свободен от податей, телесных наказаний, государственной службы, каких либо изъятий в пользовании всего, что находится в его имении, и судится только равными себе.

По сути в России на место монархии приходит аристократическая республика а ля Речь Посполитая.

Какое тут «самодержавие»? Российское дворянство правит полновластно в своих имениях, в уездах и губерниях – по всей стране. Созыву общероссийского дворянского собрания препятствуют, пожалуй, лишь технические причины, слишком уж велика Россия, однако столичная гвардия бдительно следит за поведением верховной власти, а во всех государственных органах сидят богатые землевладельцы.

Барщина и барская запашка сокращали крестьянский надел и время работы на нем. Во многих регионах за счет барских запашек надел крестьянина уменьшился до 1,5 дес. на мужскую душу. Где тут государственный интерес?

Второе издание крепостного права, пройдя через Центральную и Восточную Европу, утвердилось в России. На смену земельному владению, обеспечивающему воинскую службу, пришло барское хозяйство, работающее для вывоза сырых товаров на внешний рынок – в обмен на предметы роскоши.

Последовательно вместе с развитием «вольностей» падает российская экономическая мощь. Четверть ржи, которая в конце елизаветинского правления стоила 86 коп., к 1783 г. подорожала до 7 руб. Цена ассигнаций упала в полтора раза против монеты и продолжала падать.

Землевладельческая олигархия брала все растущий налог с общества на свои нужды.

Частное крепостное право у нас вводили аристократы, которые прилежно читали Вольтера. А сей глубокий мыслитель характеризовал «москвитов», до того как их коснулись плоды западного «просвещения», следующим образом: «Прирожденные рабы таких же варварских как и сами они властителей, влачили они в невежестве, не ведая ни искусств, ни ремесел и не разумея пользы оных.» Все вывернуто наизнанку у отца европейского «вольнодумия». Только с приходом западных искусств крепостное право стало у нас «вырождаться в отталкивающую, возмутительную эксплуатацию людей из барыша; юридическое право на человека стало обращать его в капитал, из которого можно и должно прежде всего извлекать наибольший процент»²⁵

²³ Пушкин А.С. Заметки по русской истории XVIII века. – В кн: Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. – М.; Л.: 1937–1959, т.11, с.14–17.

²⁴ Платонов, с. 708

²⁵ Кавелин, с. 213 – 214

Именно после 1762 г. в крестьянской общине начинают преобладать уравнильные начала – во избежание обнищания крестьян производятся регулярные переделы пахотных угодий и создание общественных запасов на случай недорода. Та любовь к уравниловке, которую так любят высвечивать либералы у русского крестьянина, была результатом вестернизации дворянства.

Екатерина охотно расплачивалась со своим дворянским электоратом государственными имуществами. Фактически манифест о Генеральном межевании дал старт первой российской приватизации. В ходе межевания дворянам в частную собственность досталось около 70 млн дес. казенной земли, которой раньше пользовались города, государственные крестьяне, однодворцы (мелкие помещики, не вошедшие в состав дворянства). С раздачей массы населенных земель возникли новые аристократы, обладавшие десятками тысяч крепостных душ – на манер польских магнатов типа Радзивиллов и Потоцких. Пользуясь невмешательством правительства, дворяне и по своему почину захватывали земли государственных крестьян, принуждали однодворцев продавать свои имения. «Отселе произошли огромные имения вовсе неизвестных фамилий и совершенное отсутствие чести и честности в высшем классе народа: от канцлера до последнего протоколиста все крало и все было продажно», – пишет Пушкин. Чем чище паркет, тем грязнее в головах. Дети екатеринских приватизаторов первыми стали цеплять слово «прогнившее» к слову «самодержавие».

Фактически абсолютизм становится прикрытием для политического режима, который был назван «дворянством» именно Ключевским, историком либеральным и склонным во всем винить государство. Однако дворянство являлось властью не только над крестьянами, но и над государством. Дворянство было выражением слабости, а не силы верховной власти (как и недавняя наша «семибанкирщина»). Парадоксальным образом, через два века, в Россию вернулась политическая и экономическая сила аристократии, истребленная было Иваном Грозным. И стала еще прочнее, потому что питалась радиацией европейского капитализма, нуждающегося в сырьевой периферии.

Теперь властвующее дворянство уже не стремилось получать образование в математических и навигационных школах, как при Петре, а училось «чему-нибудь и как-нибудь» у залетных учителей-иностранцев, которых и гуманитариями назвать трудно, и в частных пансионах, в которых запрещалось говорить по-русски.

Совсем неудивительно, что стали наноситься мощные удары по традиционной православно-славянской культуре, что немало напоминало события в восточных областях Речи Посполитой.

Уже через два года после введения дворянской вольности Екатерининское правительство упраздняет 252 православных монастыря и у 161 отнимает все земли. Была закрыта древняя Ростовская митрополия, митрополит Арсений уморен в темнице.

Вместе с закрытием и обнищанием монастырей гибнет огромное количество памятников старорусской письменной культуры, как летописей, так и государственных актов. История Руси до начала вестернизации становится темной и бесписьменной.

Изъятие монастырского имущества и связанное с этим закрытие церковных школ, по мнению Пушкина, «нанесло сильный удар просвещению народа». В Сибири из-за закрытия монастырей воцарилось полное невежество. Сельские российские священники стали такими же нищими и темными, как православные попы в Речи Посполитой. «Бедность и невежество этих людей, необходимых в государстве, их унижает и отнимает у них самую возможность заниматься важной своей должностью. От сего происходит в нашем народе презрение к попам и равнодушие к отечественной религии», – писал Пушкин.

Еще более страшные удары наносились по живым осколкам старой московской Руси, староверам. Принадлежащие им древние русские церкви, книги, иконы незатейливо уничтожались. Староверам приходилось бежать не только в Сибирь, но и в Османскую Империю,

а ведь это были прекрасные воины, трудолюбивые земледельцы и инициативные промышленники «а ля Строганов».

Вместе с тем, как изгонялась старая Русь, в лучах екатерининского просвещения бурно размножались масонские ложи, а вместе с ними напыщенная мистика «освобождения» и «избранничества». На Западе масонские ложи были системой социального лифтинга, позволявшей денежным представителям третьего сословия попасть в мир власть имущих. У нас в масонские ложи вступила почти вся аристократия, отгородившись еще одним барьером, вдобавок к дворянской корпоративности, от остального народа. Сюда косяком шло столичное чиновничество и офицерство, профессорско-преподавательский состав и студенчество. Масонские ложи, основанные европейскими гастролерами, подчинялись своим штабам за границей, и таким образом превращали своих российских членов в агентов влияния иностранных государств. К примеру, многочисленные ложи шведско-прусского направления (Иоанновские) находились под управлением герцога Зюдерманландского, который заодно командовал шведской армией в войнах против России.

Первая русское частное «типографское товарищество», возглавлялось масоном Новиковым и занималось пропагандой масонских идей. Ученик Новикова масон Радищев в «Путешествии из Петербурга в Москву» продемонстрировал набор пропагандных приемов, которыми затем будет регулярно пользоваться российская интеллигенция – показывать ужасы русской жизни и приписывать их «русскому самодержавию», темному русскому корню, который надо непременно вырвать во имя всех и всяческих свобод. Пушкин, написавший ответное «Путешествие из Москвы в Петербург», дал Радищеву такую характеристику: «В Радищеве отразилась вся французская философия его века: скептицизм Вольтера, филантропия Руссо, политически цинизм Дидро и Рейналя; но все в нескладном, искаженном виде, как все предметы криво отражаются в кривом зеркале. Он есть истинный представитель полупросвещения. Невежественное презрение ко всему прошедшему, слабоумное изумление перед своим веком, слепое пристрастие к новизне, частные поверхностные сведения, наобум приуроченные ко всему – вот что мы видим в Радищеве».

На российского образованного человека, оторванного от действительных явлений русской жизни, хлынул поток идей французской философии просвещения, порожденной интересами сильного буржуазного сословия – того, которого в самой России почти не существовало. Во Франции абсолютизм уже сделал свою двухвековую работу, создав торгово-промышленный класс и теперь должен был уйти вместе остатками феодальной системы. У нас после Петра не было настоящего абсолютизма, и от собственного торгово-промышленного класса мало что осталось. Российский дворянин набирал умственный багаж из чужой страны, от совершенно чуждого сословия.

«Чужие слова и идеи избавляли образованное русское общество от необходимости размышлять, как даровой крепостной труд избавлял его от необходимости работать... Вот когда зародилась умственная болезнь, которая потом тяготела над всеми нисходящими поколениями, если мы только не признаемся, что она тяготеет над нами и по сие время. Наши общие идеи не имеют ничего общего с нашими наблюдениями – мы плохо знаем русские факты и очень хорошо нерусские идеи», – писал со страданием либерал Ключевский.

Публицист Меньшиков (сразу после революции расстрелянный за русский национализм) высказывался в схожем ключе с либералом Ключевским:

«Петр III раскрепостил дворян, позабыв при этом раскрепостить народ. Коренному немцу хотелось видеть вокруг себя феодалов, и вот сто тысяч дворян были посажены на готовые хлеба. Тогда именно, мне кажется, и началось свинство русской жизни, подготовившее нашествие бесов. В биологии есть закон: посадите на готовое питание жизнедеятельный организм, и он чрезвычайно быстро примет паразитный тип... Откуда пошло презрение к своей стране? Мне кажется, оно пошло от упадка своей собственной национальной куль-

туры. Она была у нас, но погибла, задавленная новым ужасным для всякой культуры условием – паразитизмом аристократии. Все было недурно, пока работали вместе, пока страдали, верили, молились, пока в трагедии тяжелой национальной жизни упражняли дух свой до богатырской выносливости и отваги.»

Отрадным фактором русской истории надо признать, что «свинство» вольного шляхетства не получило соответствия в рабской униженности крепостного крестьянина.

Даже в самый разгар крепостничества наблюдатели замечали, что у владельческих крестьян нет никаких признаков раба. «Многие удивляются, почему великорусский крестьянин... нисколько не походил на раба. Особенно это поражало иностранцев».²⁶ «Взгляните на русского крестьянина: есть ли и тень рабского унижения в его поступки и речи? О его смелости и смыслённости и говорить нечего... В России нет человека, который бы не имел своего *собственного жилища*», – писал Пушкин.

Баронесса де Сталь, скрывавшаяся от Наполеона в России, и не страдавшая шовинизмом, в своих записках указала: «Огромное пространство русского государства тоже содействует тому, что деспотизм господ не ложится слишком тяжелым бременем на народ».²⁷

Современники говорили о деревнях в Нечерноземье, которые по сто лет не видели своего владельца и жили согласно давно устоявшимся обычаям, на сходах выбирали себе старост, обсуждали вопросы землепользования, сами собирали оброк и отсылали его далекому хозяину в город. В то же время, поскольку земля считалась частновладельческой, не появлялись здесь и чиновники.

Многие крепостные Нечерноземья на большую часть года уходили из поместья. Нанимаясь или создавая артели, они заготавливали лес, обрабатывали древесину, выделывали кожи, выплавляли железо из болотных руд (Карелия, Тула, Муром), производили металлоизделия, пряжу, ткани (Владимирская губерния), ловили и солили рыбу на Волге, работали в сфере услуг Петербурга и Москва.²⁸ Такие крепостные, по сути, вели вольную жизнь.

Развивался и земледельческий отход. Из селений Нечерноземья, также из тульской, рязанской, тамбовской губерний мужики уходили на летние работы в южные черноземные районы, нанимаясь в поместья, на хутора однодворцев и немецких колонистов.

Манифестом 1779 г. была принята интересная мера – крестьян, сбежавших от помещиков, не возвращать под их власть, а приглашать селиться на казенных землях в осваиваемом Диком поле и на других окраинах. Это приглашение подтверждалось в 1782 и 1789 гг...

Следующим после Пугачева борцом против дворянских вольностей стал государь Павел Петрович, отец героя этой книги.

Император Павел пытался совладать с самовластьем благородного шляхетства, противопоставляя ему принцип легитимизма, равенства перед законом. Этому соответствовала и внешняя политика, более отражающая национальные интересы России.

Павел начал с установления единообразного порядка в обретении самой верховной власти, которая до этого фактически избиралась гвардией. Был обнародован Акт о престолонаследии, основанный на ясных монархических принципах.

В царствование Павла, впервые за все послепетровское время, на крепостного крестьянина было обращено внимание как на гражданина. Крепостные присягали императору Павлу также, как и помещики.

Указ от 5 апреля 1797 о крестьянской барщине ограничивал использование неоплаченного крестьянского труда в помещичьем хозяйстве тремя днями в неделю.²⁹

²⁶ Там же, с. 216.

²⁷ Россия первой половины XIX века, с. 31.

²⁸ История России с начала XVIII века до конца XIX века, с. 152.

²⁹ Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. М. 1983, с. 247.

Очевидно это дало возможность Пушкину двадцатью годами позже написать. «Подушная платится миром; барщина определена законом; оброк не разорителен (кроме как в близости Москвы и Петербурга, где разнообразие оборотов промышленности усиливает и раздражает корыстолюбие владельцев).»

Павел поставил под запрет продажу дворовых людей и крестьян без земли, отменил крестьянскую работу по праздникам.

Губернаторам было предписано следить за тем, как помещики обращаются с крепостными крестьянами.

Чтобы «открыть все пути и способы, чтобы глас слабого, угнетенного был услышан», император приказал выставить в одном из окон Зимнего Дворца железный ящик, в который каждый мог бросить свою жалобу.

Государственным крестьянам дано было право выбирать органы самоуправления. Для их улучшения их хозяйственного состояния им были прощены недоимки, а натуральная хлебная повинность заменена необременительной денежной. Увеличивался минимальный размер их наделов. За счет казенных угодий были избавлены от малоземелья однодворцы – многочисленные потомки московских служилых людей.

Для снижения цен на рынке хлеба правительство производило хлебные интервенции за счет казенных запасов. Чтобы в стране было достаточно продовольствия, император ограничил вывоз хлеба на внешний рынок (Ни британцы, ни российские аристократы ему этого не забыли.)

Монастырям возвращались их имущества, были прекращены преследования староверов, они могли снова открыто проводить богослужения и строить церкви. Император даже выдавал им пособия из личных средств на строительные нужды.

Узаконения о сословиях (во изменение жалованных грамот) отменяли губернские дворянские собрания и стесняли дворянство на всем российском пространстве.

Были запрещены коллективные прошения дворянства, являвшиеся сильными инструментами давления на верховную власть в обход закона.

Вместе с ограничением власти «аристократической республики» усилилась роль государственных учреждений. Начала приводиться в порядок законодательная система, находящаяся после 80 лет дворянства в полном хаосе. Было приказано собрать все действующие до тех пор законы в три особые книги: уголовную, гражданскую и «казенных дел». Были приняты морской устав и новый воинский устав.

Неслужащие, но формально числящиеся в полках офицеры были уволены – из армии вышвырнули даже генералов, находящихся на службе лишь по бумаге. Неслужившие дворяне лишались права избираться на должности в дворянских правлениях. Благородных особ, отлынивающих от всех видов службы, армейской и гражданской, должно было предавать суду. В 1798 г. было запрещено дворянам уходить в отставку до получения первого офицерского чина.

Как писал военный историк Керсновский: «Щеголям и сибаритам, манкировавшим своими обязанностями, смотревшими на службу, как на приятную синекуру и считавшими, что «дело не медведь – в лес не убежит» – дано понять (и почувствовать) что служба есть прежде всего – служба... Порядок, отчетливость в «единообразии всюду были наведены образцовые»³⁰

В армию, как и во все остальные государственные инстанции, стали возвращаться ответственность и отчетность. Каждые две недели император принимал донесения командующих о состоянии войск.

³⁰ Керсновский А. История русской армии, ч. I, М.1992. с. 156.

Правительство увеличило жалование офицеров и довольствие солдат, для последних были отменены работы, не относящиеся к службе. Полностью пресечена порочная практика использования труда рекрутов для домашних нужд офицеров. Впервые введены ордена для солдат.

И впервые, с петровских времен, техническая оснащенность русской армии становится вровень с европейской. Граф Аракчеев превращает слабую русскую артиллерию в перво-классный род войск, что сыграет огромную роль в войне 1812–1814 гг.

Павел сжег огромное количество ассигнаций и пустил дворцовое серебро на монету – стоимость денег выросла и финансовая система, разрушенная бездумными екатерининскими тратами, стала выправляться.

Улучшилось хозяйственное положение не только низших слоев, но и самих дворян, для которых был открыт дешевый государственный кредит.

Рядом мер Павел принудил высшие слои к переходу на употребление русского языка.

Ключевский писал: «Павел был первый противодворянский царь этой эпохи..., а господство дворянства и господство, основанное на несправедливости, было больным местом русского общежития во вторую половину века. Чувство порядка, дисциплины, равенства было руководящим побуждением деятельности Императора, борьба с сословными привилегиями – его главной целью». (Заметим, что знаменитый историк не рискнул огласить это мнение в своем «Курсе лекций по русской истории» и оно осталось в записях, опубликованные лишь после его смерти.)

Между Францией, где первым консулом стал Наполеон, и Российской империей начали быстро налаживаться отношения. Павел видел, что реальную угрозу российским интересам составляет Британия, находится ли она в статусе открытого неприятеля, или же в виде ложного друга. Русский флот под командованием блистательного Ушакова, оперирующий в Средиземном море, показал, что Россия выходит из континентальной замкнутости. При прямой поддержке императора Российско-американская компания фактически превратила северную часть Тихого океана в русское море.

На многих деяния императора Николая I мы увидим отсвет замыслов и поступков его отца. Именно Павел I, а не Александр I, был идейным предшественником Николая I. (И даже правление Николая начнется с того, на чем закончилось правление Павла – с аристократического заговора.)

Конечно же, правитель, наступивший на ногу «образованному классу» был умело ошельмован, ославлен сумасшедшим и деспотом.

«Шагом марш... в Сибирь», якобы сказанное императором Павлом неугодившему полку – фраза мифическая. Но если сочинители повторяют ее сто раз, то она непременно станет цитатой из «академических источников».

Аристократия вынесла императору Павлу смертный приговор за ограничение ее господства над обществом. Не стояло в стороне и британское правительство, действующее через своего посла в Петербурге Уинтворта.

Сохранились свидетельства, что Павла пытались убить, когда он еще был наследником, причем с помощью яда, что нанесло страшный удар по его здоровью. Координатором заговора 1801 г. стал петербургский генерал-губернатор фон Пален, которому удалось убрать из столицы преданных императору людей, включая Аракчеева и Растопчина. Все важные посты в Петербурге заняли заговорщики-масоны: генерал-прокурором стал П. Лопухин, вице-канцлером А. Куракин, обер-кармегером П. Строганов.

Граф Пален, уговаривая генерала Свечина вступить в число заговорщиков, говорил ему: «Группа наиболее уважаемых людей страны, поддерживаемая Англией, поставила себе целью свергнуть жестокое и позорное правительство и возвести на престол наследника

Великого Князя Александра, который по своему возрасту и чувствам подает надежды. План выработан, средства для исполнения обеспечены и заговорщиков много».

Исследователь Е. Шумигорский пишет: «Лопухин, сестра которого была замужем за сыном Ольги Александровны Жеребцовой, утвердительно говорил, что Жеребцова (любовница высланного Павлом I английского посла Уинтворта), получила из Англии уже после кончины Павла 2 миллиона рублей для раздачи заговорщикам, но присвоила их себе. Спрашивается, какие же суммы были переданы в Россию раньше?.. Наполеон, имевший бесспорно хорошие сведения, успех заговора на жизнь Императора Павла прямо объяснял действием английского золота».

Павел был убит через 11 дней после того, как казачий отряд двинулся в сторону британской Индии. (Скорее всего, эти войска должны были только угрожать британским владениям со стороны Средней Азии. По мнению Тарле, основную роль по сокрушению владычества Ост-Индской компании должны были сыграть французские войска.)

Через два дня после убийства Павла в русский МИД пришло письмо от французского министра иностранных дел с предложениями по организации франко-русского союза. «Речь идет об оформлении франко-русского соглашения, которое установит прочный мир на континенте», – пишет Тарле в книге «Талейран».

Такова точка бифуркации 1801 г. Император великой державы, которого любил народ, был убит кучкой масонствующих олигархов, за несколько дней до заключения судьбоносного соглашения, что могло бы предотвратить и наполеоновские войны, и британскую мировую гегемонию.

Со смертью Павла у мира появился хозяин, способный управлять процессами на всем его пространстве. Это была Британская империя, первый глобальный лидер капиталистической формации. Одной из главных задач британской внешней политики станет провоцирование войны в Европе, подталкивание великих континентальных держав к столкновению ради их взаимоослабления. Континент более не должен был породить соперника, способного вступить с Британией в борьбу за передел колоний.

Царь-оборотень

Россия – страна пульсирующего развития, своеобразного автоволнового процесса. Эта пульсация определяется условиями среды, в которой находится государство. Ресурсы внешней среды не обеспечивают плавного поступательного движения вперед. Модернизационный рывок поддерживается мобилизацией всех социальных слоев. Затем наступает период «отдыха», когда плодами мобилизации пользуются элитные группы. Формируются новая олигархия, которая эмансипируется от обязанностей перед государством, оставляя их только для низших слоев общества. Верхи всемерно отчуждаются и «запираются» от низов. Страна слабеет, чем непременно пользуются внешние силы – желающих что-то урвать от России всегда хватало.

Эмансипации от обязанностей перед государством в конце 18 в. облеклась в пышные идеологические одежды, позаимствованные на Западе – вольтерьянство, масонство, либерализм.

«Иностранцы были умнее русских: и так от них надлежало заимствовать...», – написал писатель-сентименталист Карамзин, назначенный верховным историком Российской империи. Имел он в виду конечно не китайцев и индусов с их древней культурой, а европейцев, раздирающих весь остальной мир на колонии и рынки сбыта.

Российское дворянство все более осознанно играло роль маленького запада в огромной «азиатской» стране.

Подлинным олицетворением этого класса, «первым среди равных» стал император Александр I. После убийства государя Павла заговорщики сказали «идите царствовать» великому князю, воспитанному масоном и республиканцем Лагарпом. (Закончив воспитание «русского самодержца», сей учитель станет членом Директории Гельветской Республики.) Новый император считался современниками *un peu ideologue* (слегка идеологичным), на самом деле он полностью пребывал в мире прекрасных политических идей.³¹

Масонская ложа тесно свела Александра Павловича с польским князем Адамом Чарторыйским, ревностным националистом, мечтающим о великой Польше, которая должна цивилизовать всю восточную Европу. Чарторыйский стал одним из ближайших сотрудников царя, членом неофициального, но могущественного олигархического кружка, именуемого негласным комитетом. Помимо польского националиста туда входил Павел Строганов, бывший участник якобинского клуба «Друзей Закона» и участник заговора против Павла I, графы Кочубей и Новосильцев – все масоны и богатейшие крепостники.

Не будем, однако упрощать образ Александра – некоторые меры, предпринятые в первые годы его власти, могли принести общественную пользу.

Знаменитый указ от 25 февраля 1803 г. «Об отпуске помещиком своих крестьян по заключению условий на обоюдном согласии основанных» позволял крепостным крестьянам получать личную свободу вместе с землей. Увы, благое начинание на практике дало очень мало. Словесно выступавшие против крепостного права аристократы, включая упомянутого графа Строганова, не освободили ни одного крестьянина. За немногими исключениями (вроде графа Румянцева) представители образованного класса не пожелали расстаться со своими кормильцами. В первый год действия указа было освобождено 50 тыс. крестьян, а всего – 106 тыс.

Зато с полным успехом, уже через месяц после убийства отца, Александр I восстановил опорный документ дворянства – Жалованную грамоту дворянства.

Возрождение политической активности дворянства выразился в появлении массы новых масонских лож с красивыми и странными названиями. «Соединенные друзья», «К мертвой голове», «Народ божий», «Александра Благотворительность к коронованному Великану», «Елизаветы к добродетели», «Петра к правде». «Соединенные ложи» относились к шведской масонской системе и возглавлялись шведом И. Вебером. Открылась ложа французского масонства «Палестина», ложа ордена иллюминатов «Полярная звезда». Размножались и ложи английского направления. Все эти НПО так или иначе отражали интересы стоящих за ними стран.

Очевидно неслучайным образом отечественная промышленность быстро сдулась под натиском английских товаров, которым был дан почти беспопытный доступ на российский внутренний рынок.

Концепция военных поселений, принадлежавшая самому Александру, усилиями историков-либералов была бесчестно приписана графу Аракчееву. Идею император позаимствовал из утопического сочинения масона Щербатова «Путешествие в землю Офирскую» – солдаты сей счастливой страны были только из определенных селений, причем жизнь оных организовывалась по самым строгим правилам. Некоторая аналогия у александровских военных поселений была со шведской системой поселенных войск (*indelta*). Там каждому солдату поселенных войск отводились изба и участок земли, а окрестные крестьяне обязывались отчасти содержать военных поселенцев, отчасти помогать им в полевых работах. Поселенец до некоторой степени выступал в роли помещика. Но либеральный ум Александра не предусмотрел передачи русским солдатам привилегий благородного сословия. В экс-шведской Финляндии, после ее присоединения к России, поселенная система была отме-

³¹ Россия первой половины XIX века, с. 688.

нена дабы предоставить изнемогшим финнам «отдых и возможность финансовых сбережений».

Потом настал страшный 1812 год со сценами, типичными для всех вражеских нашествий на нашу страну.

«Повсюду валялись трупы детей с перерезанными горлами, лежали трупы девушек, убитых на том же самом месте, где их изнасиловали», «Все солдаты были нагружены самыми разнообразными вещами, которые они хотели забрать из Москвы.» «Офицеры, подобно солдатам, ходили из дома в дом и грабили; другие, менее бесстыдные, довольствовались грабежами в собственных квартирах.» «На улицах московских можно было встретить только военных, которые слонялись по тротуарам, разбивая окна, двери, погреба и магазины; все жители прятались по самым сокровенным местам и позволяли себя грабить первому нападавшему на них. Но что в этом грабеже было ужасно, это систематический порядок, который наблюдали при дозволении грабить, давая его последовательно всем полкам армии. Первый день принадлежал старой императорской гвардии, следующий день – молодой гвардии, за нею следовал корпус генерала Даву и т. д.»³²

Таковы оказались плоды европейского просвещения применительно к России.

Поразительным образом нашествие Европы под наполеоновскими флагами на Россию, жестокое, террористическое, грабительское, вызвало в русском образованном классе огромный интерес к политическим идеям Наполеона, к декларациям, гражданским кодексам и конституциям, порожденным европейской буржуазией. (С того времени жилище почти каждого столичного интеллигента украшал бюстик Наполеона.)

Идеям просвещения было трудно лечь на бедную российскую почву. Финансы России, понесшей огромные расходы и разорения вследствие войн с Францией, Швецией, Англией, Персией и Турцией, были в лежачем положении. Ассигнационный рубль приравнялся лишь к пятой части серебряного рубля. Императору была чужда идея взять с разгромленного врага репарации на поправку разоренного российского хозяйства, хотя сама Франция двадцать лет богатела за счет репараций, контрибуций и просто военной добычи.

Утратив интерес к российскому хозяйству, Александр I все душевные силы отдавал общеевропейским проектам и заново рожденному польскому государству, конституционным правителем которого он стал.

Александр I был вполне искренен, когда на веронском конгрессе говорить Шатобриану: «Не может быть более политики английской, французской, русской, прусской, австрийской; есть одна только политика общая, которая должна быть принята и народами, и государствами для общего счастья».³³ Всеобщее счастье устраивалось при явном пренебрежении собственным народом. Созданный по почину петербургского мечтателя «Священный союз» коррелировал со «Священной римской империей», созданной Карлом Великим в противовес Византийской империи.³⁴ Этому соответствовал и демонстративный отказ Александра от «византийского наследия». Активная политика на Балканах была свернута, Черноморский флот заброшен.

Коллеги Александра, европейские монархи, были совсем не против столь бескорыстного исполнения Россией роли европейского умиротворителя. После разрушительных наполеоновских войн и кровавого шествия идей прогресса Европе надо было отдышаться и придти в себя. Хотелось и сбавить кому-то воинственного нищего калеку, коего представ-

³² Там же, с.236, 270.

³³ *Татищев С.С.* Внешняя политика императора Николая I. СПб. 1887, с. 461.

³⁴ *Рачинский А.* Основа христианской политики. Священный Союз, или европейская мечта Императора Александра I. (интернет-публикация).

ляла из себя Польша – император Александр Благословенный вовремя распахнул свои объятия и стал врачевать ее раны.

Польша под управлением Александра I, обласканная привилегиями и денежными вливаниями, превращается в благополучное государство, а Россия все более напоминает недавно развалившуюся Речь Посполитую. Польская шляхта не только сохраняет свое экономическое господство в западно-русском крае, она размножается в тамошних административных органах, заведует народным просвещением, преподает в школах и университетах, заправляет в масонских ложах. Под крылом у польских «учителей» вырастает первое поколение малороссийских «самостийников»-мазепинцев.

Вообще поражает, насколько «плодотворной» была деятельность Александра I по закладыванию мин под российскую государственность.

Жалуются огромные привилегии и Княжеству Финляндскому – не платить налогов в российский бюджет и не давать империи рекрутов. В таможенном и финансовом отношении Финляндия, как и Польша, отделена от России. Однако финляндская промышленность, существующая в льготном режиме, имеет свободный доступ на огромный российский рынок. Финляндские дворяне могут замечательно делать любую карьеру в империи. В состав финляндского княжества передаются старинные российские земли, в свое время принадлежавшие Московскому государству, потерянные в Смутное время и отвоеванные у Швеции Петром. Передача Выборгской губернии (бывш. Вотской пятины) в состав Финляндии не было просто изменением административных границ. На смену русскому языку и русским законам, приходили шведский и шведские законы. Финляндия подкатилась под стены Петербурга.

Во время правления Александра I либеральная благодать пролилась и на прибалтийские провинции империи. Остзейские бароны получают право «освободить», вернее согнать крестьян с земли и превратить их в озлобленных батраков.

Александр даже готовился передать Малороссию в состав царства Польского и Псковскую землю в число остзейских провинций.

В царствование Александра русские жизни постоянно приносились в жертву Европе. За английские колониальные деньги русские солдаты десятками тысяч гибли под Дрезденом, Лейпцигом и так далее. Доходило до анекдотичного – русские воюют против Наполеона в союзе с англичанами в Европе, а в Азии борются против персов, снабженных и обученных англичанами. Воистину просвещенный Александр реализовал лозунг своего придворного историка Карамзина: «Все народное ничто перед человеческим. Главное дело быть людьми, а не Славянами». Главное дело – быть млекопитающими, позвоночными, многоклеточными и так далее. Фактически это означает, что национальные интересы должны быть принесены в жертву абстракции, потому что общечеловека до сих не существует. (В противовес этим словам Гоголь напишет: «Каждый русский должен возлюбить Россию. Полюбит он Россию, и тогда полюбит он все, что ни на есть в России... Ибо не полюбивши России, не полюбить вам своих братьев, а не полюбивши братьев, не возгореться вам любовью к Богу... не спастись вам».)

Александра I можно назвать последним и главным из вековой цепи «царей-оборотней», которые под старинными титулами «самодержцев всея Руси» скрывали господство вестернизированного дворянства, оторванного от народа и от своих собственных корней.

К концу александровского правления государство получило полный счет за поддержание «европейского равновесия».

Денежная система полностью расстроилась и тащила вниз экономику, ассигнационный рубль был вчетверо дешевле серебряного. Серебро и другие драгоценные металлы утекали из страны. Сокращение пошлин на импортные товары нокаутировало русскую промышленность. Суды были завалены миллионами дел, завершить которых могла только

хорошая взятка. Фактически исчез Черноморский флот. Были ликвидированы русские фактории на обширных пространствах Северной Америки.

Зато возникла дворянская интеллигенция, желающая скорейшего приобщения к европейским ценностям и отказа от темного прошлого. С придворного историка Карамзина у нас пошла привычка кошмарить предшествующие эпохи русской истории, как тиранические и варварские. Карамзин это сделал с русской историей допетровского времени.

Почти весь дипломатический корпус империи был заполнен европейскими искателями счастья, чрезвычайно мало волнующимися об интересах России. Тоже происходило и с высшим офицерством. В войсках закрепились прусская шагистика. «Плацпарадная выучка войск в его царствование была доведена до неслыханного в Потсдаме совершенства. В кампанию 1805 года весь поход – от Петербурга до Аустерлица – Гвардия прошла в ногу.»

Александр I остался во мнении либеральных историков светлой личностью, а тем людям, которым пришлось латать дыры александровского правления, повезло куда меньше. Их всех осливали реакционерами, держимордами и т. д.

«Молодой император (Николай) наследовал государство при полном расстройстве внутреннего управления, утрате Россией ее влияния в сфере международных отношений и отсутствии каких-либо существенных приобретений в будущем. С другой стороны, во всех отраслях администрации накопилась такая масса горячего материала, что он мог ежеминутно воспламениться. Исаакиевский собор был разрушен и символизировал государство».³⁵

Ирония русской судьбы. Счёт за неудачное правление Александра, своего многолетнего единомышленника, либералы, носящие гвардейскую форму, принесут Николаю – правителю абсолютно другого склада.

Запрограммированная смута

Дворяновластие, прикрытый завесой абсолютизма, экономическая и культурная зависимость, финансовый и хозяйственный развал не предвещали легкого воцарения следующему русскому монарху.

Александра Павловича воспитывал швейцарский просветитель Лагарп, а Николая Павловича солдафон Ламсдорф, который бил линейкой, шомполом, розгами, хватал за воротник или грудь и ударял об стену так, что мальчик почти лишался чувств.

Кукольник и Балугьянский преподавали юриспруденцию, Генрих Фридрих фон Шторх – политэкономии. Эти лекции были мало интересны юному великому князю. И дело тут не только в занудливо-высокопарном стиле упомянутых персон. Рационально мыслящий юноша чувствовал инстинктивную неприязнь к абстрактным системам, возникшим на совершенно иной почве. Шторх был неплохим статистиком, автором капитальной работы «*Statistische Gemalde des russischen Reichs*», но в экономической науке представлял скорее беспочвенным фантазером. Ему принадлежала «теория ценности», согласно которой ценность товара создается его умозрительной полезностью; из его головы вышла также теория «невещественного производства», которая опередила свое время лет на сто.

По своей инициативе великий князь Николай изучал инженерное дело, прибегнув к помощи полковника Джанноти и инженера Ахвердова. Став императором, Николай не раз упоминал о своем образовании: «Мы – инженеры». То есть, фактически относил себя к технической интеллигенции. Николай умел хорошо чертить и рисовать.

Очень многое Николай освоил без участия придворных учителей. Даже хороший русский язык он обрел своими усилиями, ведь детство его прошло в иноязычной среде, а его

³⁵ Янковский Д.П. Личность императора Николая I и его эпоха. Варшава, 1897, с. 63.

царствовавший брат Александр вообще не мог выражать какие-либо сложные мысли на русском языке.

Уже это показывает большее желание Николая превратиться из франкоязычного Голштейн-Готторпа в Рюриковича-Романова.

В своих воспоминаниях фрейлина двора Н. Смирнова-Россет много пишет об обширной исторической эрудиции Николая, его хорошем знании русской истории. Из исторических персонажей он любил «собирателей» и «строителей» государства, таких как великий князь Владимир Мономах, Петр I, и соответственно порицал удельных князей, «разрушителей государства».

Неоднократно Николай высказывал негативное отношение к деяниям своей бабушки, Екатерины Великой. Наверное, он не мог простить ей, что многие проблемы, с которыми ему придется биться всю жизнь, были бездумно созданы в ее царствование.

Во время долгих путешествий по России великий князь Николай вел журнал, в которых описывал жалкое состояние тюрем, больниц, приютов и т. д. По существу, ему нигде нельзя было облегченно вздохнуть и сказать: «Слава Богу здесь все в порядке».

Ключевский пишет: «Александр смотрел на Россию сверху, со своей философской политической высоты, а, как мы знаем, на известной высоте реальные очертания или неправильности жизни исчезают. Николай имел возможность взглянуть на существующее снизу, оттуда, откуда смотрят на сложный механизм рабочие, не руководствуясь идеями, не строя планов.» Прямо скажем, что мнимую «силу» идей и «действенность» планов александровская эпоха продемонстрировала сполна.

Николай не искал царства, как отмечали непредвзятые современники. С юности это был человек долга, вне зависимости от того положения, какое он занимает: исполнителя или вершителя.

Оба его старших брата, Александр и Константин, бесконечно увлеченные европейскими затеями (один всей Европой, а другой – «ближним Западом», Польшей) максимально затруднили приход к власти следующего российского монарха. Создается впечатление, что они это делали хоть и легкомысленно, но вполне сознательно. И результатом такой «сознательности» могли стать колоссальные потрясения в государстве российском.

Цесаревич Константин отрёкся от наследования престола еще в 1822, но его отречение пылилось в бумагах императора Александра.

Еще одним секретом Александра и Константина было существование, как в России, так и в Царстве польском тайных политических обществ. И этот секрет был посущественнее предыдущего.

Что император, что наместник в Польше, не сделали ничего для борьбы с ними. Как таковой не было в империи и политической полиции.

Историки так и не ответили на вопрос: почему бездействовал Александр Благословенный, когда ему стало известно о наличии планов захвата власти и даже цареубийства среди членов Союза Спасения и Союза Благоденствия, когда в 1821 поступила информация о разветвленной системе тайных обществ, когда в 1825 стало известно о зреющем среди гвардейских офицеров заговоре.

Возможно он был уверен, что всегда удержит ситуацию под контролем (хотя судьба его отца, Павла, не давала никаких поводов для такой уверенности). Но, во всяком случае, он должен был понимать, что тайные общества выбирают для своего «выхода на поверхность» критические моменты в функционировании государства. Период между кончиной одного монарха и воцарением следующего является, можно сказать, идеальным критическим моментом.

Александр I утаивает свой манифест от 16 августа 1823 г., объявляющий об отречении Константина и назначении наследником престола великого князя Николая. Утаивает, как от самого наследника, так и от всей страны.

Константин не отрекается от престола гласно, хотя и ему было, наверное, ясно, что это провоцирует смуту.

Как не растекайся мыслью по древу, но определенный вывод все-таки напрашивается. Сознательно или подсознательно, как император, так и великий князь Константин желали этой смуты.

Возможно причиной тут был индифферентность (пофигизм, как сегодня говорят) к российским внутренним делам, которая стала фирменным знаком второй половины царствования Александра, когда он всё более понимал, что «философские истины» неприменимы к российской жизни. В это время Александр I вел себя как европейский просвещенный монарх, случайно оказавшийся в полуазиатской России. А наследник, цесаревич Константин, всеми средствами показывал, что вообще не склонен царствовать в азиях.

Возможно сыграла роль идейная общность царя и цесаревича с представителями тайных обществ – общие взгляды на прошлое и будущее Российского государства.

Заложенный Лагарпом в незрелый ум его воспитанника «комплекс республиканца» не исчез. Император Александр продолжал называть себя республиканцем, отчасти кокетничая со своими либеральными собеседниками, отчасти выражая свои мечты. И этот «комплекс» вполне мог проявиться, через описанный психоаналитиками компенсационный механизм, в череде странных поступков императора, связанных с будущей передачей власти (вернее, с подготовкой безвластия).

По кончине императора Александра I, случившейся в Таганроге, начальник главного штаба генерал Дибич, генерал-адъютант князь Волконский, генерал-адъютант Чернышев донесли об этом новому государю, которым был для них Константин.³⁶

Весть о смерти императора достигла Санкт-Петербурга на восьмой день, а Варшавы на два дня раньше (19 ноября), но находившийся там Константин хранил молчание. Не собирався он и выезжать в столицу. Садиться на престол и править Российской империей Константин не хотел. Вместе с тем и не желал воцарения своего младшего брата Николая. Возможно, что Константин не спешил воцаряться, ожидая каких-то событий, после которых мог бы сесть (присесть) на престол, только уже в роли безответственного конституционного правителя, какую он имел в Польше.

А великий князь Николай, вскоре после получения известия о смерти императора Александра I, отправился к внутреннему дворцовому пикету, бывшему от лейб-гвардии Преображенского полка. Присутствующим гвардейским офицерами великий князь объявил, «что теперь все обязаны присягой законному Государю Константину». Тоже Николай Павлович объявил и двум другим внутренним караулам, Кавалергардскому и Конногвардейскому, затем поручил дежурному генералу, генерал-адъютанту Потапову, объявить главному дворцовому караулу о необходимости принесения присяги Константину. И гвардия стала присягать Константину Павловичу.

Великий князь Николай сообщил о кончине Александра I военному генерал-губернатору Петербурга графу Милорадовичу и стал ждать приезда в столицу нового императора, которым для него, как и для всех остальных, был Константин.

Уже после этого на чрезвычайном собрании Государственного совета был вскрыт пакет за подписью и печатью императора Александра от 1823 г. В нем находилось письмо цесаревича Константина от 14 января 1822, сообщающее об его отречении от престола; ответ императора Александра I от 2 февраля 1822 с согласием принять отречение; манифест от 16

³⁶ Устрялов Н.Г. Историческое обозрение царствования государя императора Николая I. СПб, 1847, с. 11

августа 1823, утверждающий право на занятие престола, в случае добровольного отречения цесаревича, за великим князем Николаем Павловичем – на основании Акта о престолонаследии.

Такие же документы, как выяснилось, хранились в Правительствующем сенате, в святейшем Синоде и в московском Успенском соборе.³⁷

Обнаруженный императорский манифест 1823 года сформулирован был так, что оставлял вопрос о передачи власти недостаточно проясненным. Для спокойного воцарения Николая явно требовалось гласное отречение Константина.

По обнаружении ранее неизвестных актов, касающихся престолонаследия, великий князь Николай Павлович не посчитал их законными, ввиду того, что они не были своевременно обнародованы и превращены в закон. Он по-прежнему настаивал на приведении всего государства к присяге Константину.

Мнения членов Государственного совета по поводу найденных документов разделились. Генерал-губернатор Милорадович, который вскоре будет смертельно ранен на Петровской площади, предложил коллегам, вслед за гвардией и великим князем Николаем, присягнуть Константину. Милорадовича поддержал адмирал Н.Мордвинов, бывший председателем одного из департаментов Государственного совета, вице-президентом Адмиралтейств-коллегии и крупным пайщиком Российско-американской компании. Адмирал был известен как большой либерал, сторонник конституционной монархии и освобождения крестьян без земли. Председатель Государственного совета граф П. Лопухин и его заместитель князь А. Куракин, кстати деятельные участники заговора против императора Павла I, были близки по своим воззрениям к адмиралу Мордвинову.

Члены Государственного Совета, выслушав мнение указанных особ, начали присягать Константину.

Затем, по распоряжению Правительствующего Сената, вся страна присягнула императору Константину. О том министерство юстиции сообщило в рапорте, который был отправлен в варшавский дворец нового императора, именуемый Бельведером (слово это, заметим, переводится с итальянского как «приятное наблюдение»)³⁸

Однако в письме от 26 ноября, направленном в Петербург, цесаревич уступил права на престол великому князю Николаю, и рапорт Министерства юстиции возвратил в нераспечатанном виде. Как для войска, так и для народа этот факт был неизвестным, а для столичных сановников сомнительным. Константин по-прежнему не собирался соблюдать необходимых процедур по отречению от престола, которые требовали не простого письма, а издания манифеста.

12 декабря великий князь Николай получает пакет из Таганрога от начальника главного штаба армии Дибича о вызревании на юге страны обширного военного заговора, который может быть поддержан и в столице. Среди заговорщиков упоминались Бестужев и Рылеев. Генерал-губернатор Милорадович, находящийся с этими людьми в приятельских отношениях, не предпринял против них никаких превентивных действий, несмотря на поручение великого князя.

12 декабря в Петербург прибыл курьер из Варшавы с письмом от Константина от 8 декабря, в котором опять не оказалось манифеста об отречении от престола, только личное сообщение о невозможности принять корону империи.

В тот же день, вечером, к великому князю Николаю явился поручик Я. Ростовцев, член тайного северного общества и племянник директора Российско-Американской компании Н. Кусова, с пакетом от К. Бистрома. В пакете содержалось предупреждение самого Ростовцева

³⁷ Там же, с.14

³⁸ Там же, с.15.

о готовящемся заговоре. Впрочем, основным в этом предупреждении было то, что Николаю рекомендовалось не принимать престола, потому что это может предвещать «гибель России»: отпадение Грузии, Бессарабии, Финляндии, Польши, Литвы.

Ростовцев даже сообщил о подготовке восстания на юге, отводя внимания от заговора в самом Петербурге, а, возможно, пытаясь убрать опасных конкурентов чужими руками.

Ростовцев, как и его командир Бистром, были близки к окружению вдовствующей императрицы Марии Федоровны, которая строила свои планы на регентство. В ее окружении находились многие пайщики и высокопоставленные служащие Российско-американской компании.³⁹

Военный министр Аракчеев не принял петербургского военного губернатора Милорадовича, посланного к нему великим князем Николаем.⁴⁰ Честный служака вероятно считал, что законным наследником является Константин или же не доверял Милорадовичу.

События начинают принимать оборот, чем-то напоминающие то ли события отдаленного будущего, февраля 1917, когда генералы и промышленники опрокинули трон, то ли «передачу» власти в стиле 18 в., когда гвардия убирала одних наследников и водворяла других.

Однако Николай Павлович не пустил тогда события по «февральскому» или «гвардейскому» руслу.

Манифест от 12 декабря 1825 г. объявил о восшествии на престол Государя императора Николая.

«Россия с умилением узнала о великодушной беспримерной в истории борьбе двух братьев, уступавших друг другу право на венец блистательнейший в мире», – замечает официальный историк.⁴¹

Реально же в этой борьбе Константин показал только капризное безволие и отрешенность от судеб России, Николай – чувство долга и ответственность за состояние страны.

Тем временем сделали свой ход представители тайных политических обществ.

Заговор гвардейской казармы

Землевладельческая олигархия – мать декабризма

«Движение 14 декабря вышло из одного сословия, из того, которое доселе делало нашу историю, – из высшего образованного дворянства», – пишет В. Ключевский.⁴² Подтверждает это «деланье истории» и другой маститый историк, С. Платонов: «Попытки переворота исходили из той же дворянской среды, которая в XVIII веке не раз делала подобные попытки, а орудием переворота избрана была та же гвардия, которая в XVIII столетии не раз служила подобным орудием.»⁴³

Свои интересы, как оно их понимало, «высшее образованное дворянство» отстаивало, проявляя железную волю, не останавливаясь и перед цареубийством.

Плеяда освободителей 1825 была порождена паразитическим сословием, тормозившим развитие общества. В момент максимальной своей праздности дворянство захотело оформить свое господство над обществом в виде правильных политических институтов.

³⁹ Выскочков Л.В. Николай I. М. 2006, с.94

⁴⁰ Янковский, с.16.

⁴¹ Устрялов, с. 16.

⁴² Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Курс русской истории, М. 1988, т.5, с.220.

⁴³ Платонов, с. 679.

«Движение 14 декабря было последним гвардейским дворцовым переворотом, – пишет Ключевский, – но и при этом это было первой попыткой идеологического переворота, когда претензии на политическую власть опирались на отвлеченные идеи.»

Собственно в этой сентенции историк соединяет два определения и получается по сути – гвардейский идеологический переворот. Или попытка захвата политической власти, с использованием отвлеченных идей (так и хочется вместо «отвлеченных идей» подставить слово «пиар»).

Историки, выискивающие черты «прогрессивности» у декабристов, старательно затушевывали вопрос, интересы какого сословия они представляли, оставляя за ними роль маленькой группки прекрасных личностей.

Однако либералы и марксисты, славящие эти прекрасные личности, всегда оставляли при себе «маленький секрет». Почему «борцы с самодержавием», будучи сами поголовно крепостниками, нередко замечательно богатыми, не дали свободу хотя бы своим крестьянам до намечаемого прихода к власти. Будущие декабристы могли с удобством совершить столь похвальное благодеяние при помощи закона о «вольных хлебопашцах» от 1803 – был бы прекрасный почин для всего образованного сословия. Один лишь будущий декабрист М. Лунин освободил нескольких своих крепостных, да и то, скромненько, без земли. А вот Н.Тургенев не стал мудрить лукаво, просто продал своих крестьян и еще до восстания уехал в Париж, где занялся разоблачением царизма. Похоже, что свободу народу собирались нести именно те люди, что намертво вцепились в «свою кормушку».

При всей «просвещенности» никто из декабристов не предлагал своему сословию отказаться от земельной собственности, от экономического господства над низшими сословиями. Никто со слезами умиления на лицах не предлагал начать жизнь с нуля, в бедности и трудах. При любых преобразованиях они оставляли за собой обладание прежними материальными имуществами и политическими возможностями. А народу дворянские революционеры собирались подарить счастье, заключавшееся в высоких словах, плоских поэмах и различных проектах перекройки России.

Ученики иезуитов

Интересен характер образования и воспитания этих людей, чья пора ученичества пришлась на конец 18, начало 19 вв....

В этот период русских дворян, как и в предыдущие полвека, обучали иностранцы на иностранных языках – на дому, в частном пансионе, и даже в военном училище. Но состав учителей претерпевает довольно существенные изменения.

«В конце XVIII в. начинается прилив в Россию французских эмигрантов, которые должны были расстаться со своим революционным отечеством; то были все либо аббаты, либо представители французского дворянства; значительная часть дворян вышла из аббатов... Эти эмигранты, приветливо принятые Россией, с ужасом увидели успех религиозного и политического рационализма в русском образованном обществе. Тогда начинается смена воспитателей русской дворянской молодежи. На место гувернера-вольнодумца становится аббат – консерватор и католик, это был гувернер третьего привоза... В XVIII в. (1773) под влиянием либеральных идей папа Климент закрыл иезуитский орден, но они остались под разными предложениями и званиями и стали прокрадываться через Польшу в Россию (здесь они просуществовали до 1814) Много таких иезуитов явилось в Петербурге под именем мальтийцев. Католическое, именно иезуитское, влияние и становится теперь на смену вольтерьянства.»⁴⁴

⁴⁴ Ключевский, с.222.

Иезуиты и католические клерикалы не были чем-то незнакомым на Руси. На протяжении двух веков иезуиты, получившие при короле Стефане Батории конфискованные имущества православной церкви, вели наступление на русскую культуру и религию в восточных областях Речи Посполитой. Наступление насколько мощное, настолько и коварное, опирающееся не только на королевскую власть, но и на новообращенных «янычаров», на полонизированную западно-русскую шляхту. Демонстрируя полную неразборчивость в средствах, иезуиты в Речи Посполитой взывали к шляхетской «золотой вольности», а, скажем, в Парагвае они строили что-то вроде казарменного социализма.

И вот, словно в награду за многовековое преследование православной культуры, иезуитам не только оставили их влияние в присоединенных к России частях Речи Посполитой, но и распахнули двери в Великороссию и российскую столицу.

Петербургскому двору, напуганному кровожадной французской революцией, хитроумные иезуиты сумели внушить мысль, что они сторонники консервативных монархических принципов.

При Александре I количество иезуитов в Петербурге увеличилось многократно. Министр внутренних дел граф Кочубей даже добивался для них право проповедовать христианство среди российских магометан и язычников.⁴⁵ Сам император, по выражению Меттерниха, маршировал «от одной религии к другой», предпочитал книги католических теологов, и вряд ли особо вспоминал о православных корнях русской культуры.

Среди аристократов стало модным отдавать своих детей в закрытые учебные заведения, учрежденные иезуитами.

Аббат Николь создал в столице крайне дорогой пансион (рядом с дворцом кн. Юсупова, близ Фонтанки), и «в этот пансион повалила русская дворянская молодежь». Повалила, несмотря на то, что плата за обучение там составляла гордые 11–12 тыс. руб. в год. (Это соответствует 45 тысячам рублей конца 19 века, и нынешним 200 тысячам долларов).

Здесь учились дети из самых знатных фамилий. Неслучайным образом представители этих семейств – Голицыны, Разумовские, Завадовские, Гагарины, Толстые другие – начали переходить в католицизм.

«Значительная часть людей, которых мы видели в списке осужденных по делу 14 декабря, вышли из этого пансиона или воспитаны были такими гувернерами.»⁴⁶

Занятым образом, первое поколение русских революционеров обучались не у отможенных якобинцев (за исключением самого Александра Павлович), а у латинских священников, традиционных оппонентов православия и русской самобытности.

«Влияние философской французской литературы XVIII столетия теперь стало сменяться в образованном русском обществе католической и иезуитской пропагандой. Эта пропаганда, соединенная с попытками иезуитов овладеть воспитанием русского великосветского общества, привела к результату, который не мог входить в цели пропагандистов, – к пробуждению *патриотического* чувства», – пишет Ключевский.

Ни много, ни мало, патриотического. (Еще при жизни знаменитого историка либералы перестанут мучиться со словом «патриотизм» и сделают его бранным и нехорошим, а в эпоху шендеровичей и новодворских он даже станет «прибежищем негодяев».)

Как бы мы не уважали Василия Осиповича, но в данном случае его историческая лира издает неверные звуки. Ключевский пытается притянуть факты к желаемому результату. Он отталкивается от господствующего среди интеллигенции мифа о моральном совершенстве декабристов и потому вынужден придумывать «патриотическое чувство», которое якобы,

⁴⁵ Коялович М.О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. СПб, 1901, с. 160.

⁴⁶ Ключевский, с.223.

не по своей воле, отцы-иезуиты привили воспитанникам... При всей как будто сухой аналитичности, присущей нашему классику, общественная атмосфера, в которой он находился, не могла не влиять на его работу. Ключевский никак и не пытается доказать патриотичность декабристов, потому что, по сути, надо было бы доказывать, что они знали и уважали страну проживания...

«Далее, подрастая, это поколение вследствие успехов иезуитской пропаганды должно было спросить себя: долго ли русский ум будет жертвой чуждых влияний? Значит, успех иезуитской пропаганды должен был пробуждать смутную потребность попробовать, наконец, жить своим умом.»

Здесь логическая цепочка у Ключевского окончательно разорвана. Почему успехи иезуитской пропаганды должны были вызвать отторжение этой пропаганды? Иезуиты нигде и никогда не занимались выращиванием мыслителей. Этот карательно-воспитательный отряд католической церкви занимался совсем другим, искоренением духовной индивидуальности, как основы для ересей. И если иезуитские школы в Речи Посполитой вырабатывали у своих учеников нетерпимость к некатолическим вероисповеданиям и освящали любые сделки с совестью ради достижения целей латинства, то с какой стати в России они должны были развивать «свободу мысли»? Какая, к примеру, русофобская твердость видна в таком продукте католического воспитания, как Петр Чаадаев, который отверг хотя бы малейшую цивилизационную ценность России.

«Может быть, не будет лишен интереса перечень некоторых из выдающихся членов тайного общества с пометкой их лет и замечанием об их воспитании. Один из самых видных членов общества князь Сергей Трубецкой, полковник гвардейского Преображенского полка (в 1825 г. после ареста – 34 лет), учился дома. Учителями были иностранцы. Князь Евгений Оболенский – поручик гвардейского Финляндского полка, 28 лет; учился дома под руководством гувернеров-французов, которых у него сменилось от 16 до 18 человек. Братья Муравьевы-Апостолы, дети нашего испанского посланника; оба учились в Париже, в пансионе Гикса. Панов, поручик Преображенского полка – 22 лет – учился дома; учителями были иностранцы; окончил образование в Петербургском пансионе Жакино и т. д., все в этом роде... Просматривая в списке привлеченных к ответственности по делу 14 декабря графу о воспитании каждого, мы видим, что большинство декабристов училось в кадетских корпусах, сухопутных, морских, пажеских, а кадетские корпуса были тогда рассадниками общего либерального образования и всего менее были похожи на технические и военно-учебные заведения; некоторые воспитывались за границей, в Лейпциге, в Париже, другие – в многочисленных русских пансионах, содержимых иностранцами, и в том числе в пансионе Николая; из последнего вышли, например, декабрист князь Голицын и Давыдовы. Очень многие из 121 обвиненного учились дома, но тоже под руководством иностранцев.»

Даже те декабристы, что учились в александровских кадетских корпусах, получали там преимущественно не военные и технические знания, а набор политических абстракций.

«Все, что они (будущие декабристы) видели, и все, что они вычитывали из иноземных книг, они прилагали к своему отечеству, сравнивали его порядки и предания с иностранными.»

Западные «предания», даже вышедшие из-под пера энциклопедистов, грешили схематизмом и аллегоричностью, а в части, относящейся к России, примитивным невежеством. Отечественные «предания» были представлены сказителями вроде Шлецера.

«Почему у нас не так, как в европах?» – спрашивали молодые дворяне и делали выводы самые простые. Потому что мы не все еще позаимствовали на Западе, потому что цепляемся за свою темноту.

«Эти люди все же мало знали окружающих, как и их отцы, но у них сложилось иное отношение к действительности. Отцы не знали этой действительности и игнорировали ее, т. е. и знать ее не хотели, дети продолжали не знать ее, но перестали игнорировать.»⁴⁷

Если эти люди перестали игнорировать русскую действительность, то почему не так и не узнали ее? Никита Муравьев (автор конституционного проекта, принятого Северным обществом) в 1812 заплатил крестьянам золотой за кусок хлеба и кружку молока, потому что просто был не в курсе, какие цены в России (мужики приняли его за французского шпиона и сдали, куда следует).⁴⁸

«Отцы были русскими, которым страстно хотелось стать французами; сыновья были по воспитанию французы, которым страстно хотелось стать русскими».

И это еще один бездоказательный «вывод», который показывает лишь то, что Ключевский хотел бы, чтобы люди, вышедшие в декабре 1825 на захват верховной власти, были патриотами, восполняющими незнание России горячей любовью к ней. И это вполне похвальное желание.

Масонские пенаты

Согласно благообразным книжкам о декабристском движении, будущие декабристы, едва вернувшись домой из зарубежных походов русской армии, немедленно приступили к созданию подпольных организаций, направленных на перенос западных достижений на нашу почву. Получается, вместо чувства превосходства над врагом и осознания мощи своего государства, господа офицеры принесли домой острое желание устроить тот же политический режим, как и в той стране, которая высылала к нам орды мародеров. (Представим офицеров Советской Армии, которые захотели установить дома такие же передовые общественные учреждения, что и в фашистской Германии.)

На самом деле, у тайной политической деятельности гвардейских офицеров были довольно глубокие корни.

Как пишет Н. Бердяев в «Русской идее»: «Декабристы прошли через масонские ложи». Пестель был масоном, Н. Тургенев был близок иллюминатству Вейснаупта, то есть радикальному масонству, Рылеев был членом масонской ложи «Пламенеющая звезда».

«Масонские ложи, терпимые правительством, давно приучили русское дворянство к такой форме общежития, — сообщает Ключевский, — При Александре тайные общества составлялись так же легко, как теперь акционерные компании... Само правительство предполагало возможным не только для гражданина, но и для чиновника принадлежать к тайному обществу и не видело в этом ничего преступного.»

Около полусотни декабристов были членами разных масонских лож: «Соединенных Друзей», «Избранного Михаила», «Трех Венчаных Мечей», «Сфинкса», «Трех добродетелей», «Пламенеющей Звезды» и т. д. Большинство входило в состав французской Великой Диктаторской Ложи.

«Прозорливый итальянец (Наполеон) видел опасность, грозящую революционизированной Европе со стороны растущей мощи русского колосса, и, желая ослабить страшного врага, он прибегнул к силе идей. Воспользовавшись своей дружбой с императором Александром и врожденной склонностью последнего к либеральным установлениям, он послал в Петербург, под предлогом желания помочь осуществлению плавно молодого монарха, целую плеяду политических работников — нечто вроде переодетой армии, которая должна была тайком расчистить путь для наших солдат. Эти искусные интриганы получили зада-

⁴⁷ Там же, с.226.

⁴⁸ Румянцев В. Б. И вышли на площадь... // «РЖ», 24.12.2001.

ние втереться в администрацию, завладеть прежде всего народным образованием и заронить в умы молодежи идеи, противные политическому символу веры страны, вернее, ее правительству. Таким образом, великий полководец, наследник французской революции и враг свободы всего мира, издавек посеял в России семена раздора и волнений, ибо единство самодержавного государства казалось ему опасным оружием в руках русского милитаризма. С той эпохи и зародились тайные общества, сильно возросшие после того, как русская армия побывала во Франции, и участились сношения русских с Европой. Россия пожинает теперь плоды глубоких политических замыслов противника, которого она как будто сокрушила. Незаметному влиянию этих застрельщиков наших армий, а также их детей, учеников и последователей я приписываю в значительной степени рост революционных идей, наблюдающихся в русском обществе и даже в войсках, и те заговоры, которые до сих пор разбивались о силу существующего правительства.»⁴⁹

Этот текст может показаться какой-то романтической конспирологией, но вышел он из-под пера де Кюстина, который вряд ли хотел дать индульгенцию российской «тирании».

Осведомленный француз явно относит появление тайных политических обществ в России к периоду до войны 1812–1814 гг.

Возможно, он имел в виду, что масонская среда, в которой варились будущие заговорщики, была проводником конспиративной антигосударственной деятельности.

Приходя вместе с русскими войсками в Европу, будущие декабристы также оказывались в тесных объятиях масонов. В Берлине они вступали в ложу «Железного креста», во Франции их ждала «Военная ложа к святому Георгию», ложи «Избранного Михаила», «К трем добродетелям». Естественно предположить, что на родину гвардейские офицеры возвращались с готовыми масонскими структурами, существовавшими в полках. Так что, прежде создания собственных политических организаций, гвардейцы успели изрядно поваляться в тайных обществах, которыми управляли силы, весьма далекие от любви к России.

«После запрещения масонства, декабристы, используя конспиративный опыт масонства и связи по масонской линии, создают тайные революционные общества. Цель этих обществ та же самая, которая была и у масонских военных лож, существовавший в полках — «пересадить Францию в Россию», то есть совершить в России революционный переворот», — пишет на старости лет декабрист А. Розен в «Записках декабриста».⁵⁰

Вполне оправданное недовольство офицеры-западники испытывали уже в 1815, когда великий западник Александр заставлял армию-победительницу перенимать у пруссаков и англичан «экзерцмейстерское искусство». Не слишком были обрадованы офицеры поспешным возвращением из кипящей жизнью Франции в места постоянной дислокации, где-нибудь в недавнем Диком поле, Василькове или Ахтырке. Однако первые сведения о заговорщиках относятся не к Дикому полю, а к гвардейцам, расквартированным в блестящем Петербурге, причем генштабистам, которым совсем не надлежало заниматься муштровкой на плацу.

Офицеры генерального штаба основали в 1816 в Петербурге тайное общество, имеющее два названия: «Союз спасения» и «Союз истинных и верных сынов отечества». Возглавляли его Никита Муравьев, отец которого был одним из учителей великого князя Александра Павловича, и князь Сергей Трубецкой. Цель общества выглядела достаточно неопределенной, хотя и несла масонский отпечаток: «Содействовать в благих начинаниях правительству в искоренении всякого зла в управлении и в обществе».

⁴⁹ Россия первой половины XIX века, с. 617

⁵⁰ Розен А.Е. Записки декабриста. СПб, 1907.

Как считал декабристовед М. Цейтлин, в уставе Союза Спасения «явственно видны масонские черты, и в последствии можно проследить в политическом движении тех лет подземные струи масонства».

В 1818 году это тайное общество было переименовано в «Союз благоденствия». Один из его лидеров – генерал И. Пущин – возглавлял также масонскую ложу «Овидий».

«Поставив себе ту же цель – «содействовать благим начинаниям правительства», оно вместе с тем решило добиваться конституционного порядка, как удобнейшей для этой цели формы правления. Оно, однако же, не считало себя революционным; в обществе долго обдумывалась мысль обратиться с просьбой о разрешении к самому государю в уверенности, что он будет сочувствовать их целям. Расширяясь в составе, общество разнообразилось во мнениях; появились в нем бешеные головы, которые предлагали безумные насильственные проекты, но над этими проектами или улыбались, или отступали в ужасе. Это разнообразие мнений повело в 1821 г. к распадению Союза благоденствия», – пишет Ключевский.

Распадение из-за разнообразия мнений имело, тем не менее, территориальный характер.

На базе Союза благоденствия возникли две новые организации. Северным обществом руководил вышеупомянутый генштабист Муравьев и статский советник Николай Тургенев. В 1823 г. в него вступил Кондратий Рылеев, поэт и управляющий делами (топ-менеджер) Российско-американской торговой компании. Последнее обстоятельство сыграло роль в том, что новичок сразу пополнил руководство общества.

Южное общество состояло из офицеров второй армии, штаб-квартира которой находилась в Тульчине (Подольская губерния). Здесь лидером был командир Вятского пехотного полка Пестель, сын бывшего сибирского генерал-губернатора, известного сатрапа.

Северное общество было расположено к конституционно-монархической форме правления, Пестель являлся страстным республиканцем. Еще более, чем во взглядах на форму верховной власти, различались северные и южные вожди в своих планах по социальному и хозяйственному переустройству России.

Общее впечатление от декабристских программ – их составители более всего верили в либеральную фразу. Красивые слова заменяли им знания о родине.

«Реализм» мышления декабристов был таков же как «реализм» средневековых схоластов, полагавших, что абстрактные понятия, универсалии, имеют самостоятельное существование. Как будто действительно существует некоторый идеальный «стул вообще», «горшок вообще» и «свобода вообще». И со «свободой вообще» танцевать на балах и пить шампанское будет гораздо приятнее, чем без нее. Будучи людьми романтически возбужденными дворяне-заговорщики были абсолютно уверены, что способны дать «свободу вообще» всем остальным сословиям, нисколько при этом не поступаясь собственными привилегиями. Как средневековые схоласты придавали бытийность и действенность идеям-универсалиям, так офицеры-аристократы придавали бытийность и действенность конституциям, декларациям, манифестам. Но реальной силы там было не больше чем в магическом «крибле-крабле-бумс».

«В них мы замечаем удивительное обилие чувства, перевес его над мыслью и вместе с тем обилие доброжелательных стремлений», – пишет крайне доброжелательный к декабристам Ключевский.

Возбужденные чувства, помноженные на доктринерство, такова была атмосфера, которой дышала значительная часть столичного дворянства.

Даже иностранные дипломаты, как например представители французского посольства, замечали, что «несомненно, что у многих гвардейских офицеров головы набиты либеральными идеями настолько крайними, насколько эти офицеры мало образованы» (Габриак) и

что «вся молодежь, и главным образом офицерская, насыщена и пропитана либеральными доктринами. Больше всего ее пленяют самые крайние теории» (Лафероне).

Протодекабризм. Проекты Александра I и адмирала Мордвинова

В принципе, декабристы шли по тому же пути, по которому шествовал в начале своего правления сам император Александр. Они фактически подхватили то знамя, которое он уронил вследствие психического изнеможения, вызванного семейными потрясениями и столкновением проектных абстракций с тяжелой российской действительностью. Император стал витать в лапутянских проектах объединения Европы, а его дело продолжили «молодые штурманы».

«...Когда Император Александр получил первые доклады о заговоре декабристов, он отнесся к ним так, что смутил докладчиков. «Вы знаете, – сказал он одному докладчику, – что я сам разделял и поддерживал эти иллюзии; не мне их карать!», – напоминает С. Платонов.

И действительно в их проектах видно тоже бесхитростное лицемерие, что и в начинаниях Александра. И декабристы, и молодой император с Негласным комитетом были полностью уверены, что достаточно ввести новую схему правительственных учреждений, обзавестись конституцией и тут же исправятся все нравы, улучшится и сам человек. Шло это, наверное, от Руссо, считавшего, что «хорошие общественные учреждения – это те, которые лучше всего умеют изменить природу человека, отнять у него абсолютное существование, чтоб дать ему относительное, умеют перенести его «я» в общественную единицу».

«На той же точке зрения, на какой стоял Александр I и его сотрудники, стояли и люди 14 декабря; если они о чем размышляли и толковали много, то о тех формах, в какие должен облечься государственный порядок, о той же конституции. Правда, все, что они проектировали определенного и практически исполнимого, все было уже сказано раньше их, в проекте Сперанского... Как сотрудники Александра, так и люди 14 декабря, односторонне увлеченные идеей личной и общественной свободы, совсем не понимали экономических отношений, которые служат почвой для политического порядка.»⁵¹

Император, чья реформаторская деятельность внутри Великороссии заглохла к грозному 1812 г., провёл после войны земельную реформу в прибалтийских провинциях, Лифляндии, Курляндии и Эстляндии. Реформа была осуществлена по прусским и английским образцам и быстро показала всю негуманность либеральной мысли. Как в Пруссии и Англии, «освобождение» в Прибалтике сопровождалось масштабной кражей. Помещики-немцы получили право присвоить крестьянские наделы, и земля, которую крестьяне веками поливали своим потом, стала для них чужой.

Формально помещик должен был сдавать часть своей земли в аренду крестьянам. Однако составление условий арендного договора предоставлялось договаривающимся сторонам, одна из которых (землевладелец), конечно же, всегда могла «договориться» в свою пользу. Учреждались особые суды для решения споров между помещиками и арендаторами, но их председателями были все те же помещики. Полиция и дознание остались также в руках землевладельцев. Экономическое, судебное и политическое господство остзейского дворянства предопределило полную беспомощность крестьян в земельных спорах.

«Смысл остзейской эмансипации был таков: землевладелец удерживал над крестьянином всю прежнюю власть, но по закону освобождался от всех обязанностей по отношению

⁵¹ Ключевский, с. 237, 238.

к крестьянам; это был один из художественных фактов остзейского дворянства. Положение остзейских крестьян тотчас ухудшилось.»⁵²

Основная масса прибалтийских крестьян превратилась в батраков на помещичьих мызах, многие выселились в крупные города, Ригу, Петербург или эмигрировали. Некоторые смогли разбогатеть и прикупить земли у дворянства – счастливы-хуторяне создавали товарное животноводческое хозяйство, пользуясь возможностями относительно удобного вывоза продукции. Со времени этой реформы естественный прирост в Прибалтике стал сильно уступать общероссийскому. Из прибалтийских батраков и через сто лет получатся отличные кадры для Чека и революционных расстрельных команд...

Либеральный проект адмирала Н. Мордвинова, важного члена Государственного Совета и крупного дельца Российско-американской компании, имел связь с прибалтийским «освобождением». Первое, что бросается в глаза при его рассмотрении – это неосознанная жестокость прожектера. (Потом такая вот этическая «невинность» будет отмечена у многих либеральных реформаторов.)

«Адмирал Мордвинов находил справедливым и возможным выкуп личной свободы, об освобождении с земельным наделом не было и речи, земля должна была вся остаться во владении помещиков; но крестьяне получали право выкупить личную свободу, для этого автор проекта составил таксу – сумма выкупа соответствует возрасту выкупающегося, т. е. его рабочей способности. Например, дети от 9 – 10 лет платят по 100 руб.; чем старше возраст, тем выше плата; работник 30–40 лет – 2 тыс. (на тогдашнем рынке это равняется нашим 6–7 тыс. руб.); работник 40–50 лет платит меньше и т. п. по мере рабочей силы. Понятно, какие крестьяне по этому проекту вышли бы на волю, – это сельские кулаки, которые получили бы возможность накопить необходимый для выкупа капитал. Словом, трудно было придумать проект, менее практический и более несправедливый, чем тот, какой развивается в записке Мордвинова.»⁵³

При том Ключевский называет Мордвинова талантливым человеком – ну, как может быть бесталанным большой либерал? Однако проект «талантливый» либерала оказался намного хуже, чем проект якобы бесталанного «солдафона» графа Аракчеева, который предлагал, чтобы правительство постепенно выкупало крестьян вместе с землею у помещиков по ценам данной местности. (Для этого правительство должно было создать капитал из отчислений с питейного дохода или с помощью выпуска государственных облигаций.)

Возможно проект Аракчеева был трудно осуществим в условиях расштанной финансовой системы России, но по сравнению с мордвиновским либеральным грабежом, он выглядит образцом гуманизма и справедливости.

Коммерческие интересы

Может показаться удивительным, но в среде свободолобивых мечтателей действовала и группа твердых дельцов, причем прекраснотушные идеалы, которые роились у них в головах, сочетались с уверенным ведением бизнеса.

С крупнейшей российской торговой компанией того времени прямо или косвенно (через акции, родственные или служебные отношения с основными пайщиками) были связаны многие декабристы: Рылеев, Ростовцев, С. Трубецкой, Н. Бестужев, Завалишин, Перетц, Штейнгель (последний служил вдобавок в канцелярии генерал-губернатора Милорадовича).

⁵² Там же, с.212.

⁵³ Там же, с.213.

Дом Российско-Американской компании, в котором находилась квартира Рылеева, и дом адмирала Мордвинова были двумя штабами заговорщиков.⁵⁴

Крупный бизнес, как считается некоторыми, несет респектабельность. Это ошибочное мнение. К примеру, английская и нидерландская Ост-индские компании торговали людьми как товаром, грабила казну завоеванных ими стран, в огромных масштабах использовали принудительный труд, разоряли и доводили до голодной смерти миллионы людей. Если бы дело дошло до извлечения огромных прибылей, то российские акционеры вряд ли бы отнеслись к русскому народу лучше, чем английские и нидерландские к народам южных морей.

В штаб-квартире Российско-американской компании обсуждали план уничтожения царя и царской семьи, хотя сам делец-декабрист Рылеев на следствии неловко открещивался от таких намерений. «Трубецкой потребовал, дабы его (Николая) принесли в жертву и не предлагал оставить великого князя Александра Николаевича. А я и Оболенский никогда не утверждали, что надобно уничтожить всю Августейшую фамилию... Положено было захватить Императорскую фамилию и удерживать до съезда великого собора».⁵⁵ По свидетельствам очевидцев, накануне восстания Рылеев искал план Зимнего дворца.

Западничество плюс абстракционизм. Проекты переделки России

Если даже поверить словам заговорщиков о том, что они являются «истинными сынами отечества», то это «отечество» явно находилась для них не в настоящем и не в прошлом, а в гипотетической новой России. И уж не сынами, а скорее отцами-основателями должны были они стать для него.

Насколько специфически дворянские революционеры понимали историю России видно по творениям декабристского пиита Рылеева, любимым жанром которого была историческая поэма.

Впечатление такое, что Рылеев нарочито выбирал в качестве героев для своих поэм знаменитых предателей, боровшихся против русского государства с помощью коварства и подлости.

Среди его героев был князь Курбский – после прочтения Рылеевым 21 тома предвзятой карамзинской истории, где так много переписано из сочинений самого изменника. Неважно, что «герой» вместе с поляками лил потоком русскую кровь и терзал русскую землю ради сохранения привилегий феодальной знати. Топ-менеджер зрит в этом борьбу за свободу.

Другим героем стал Войнаровский, приспешник и племянник гетмана Мазепы – после прочтения Рылеевым антироссийской поделки «История русов».

В поэме поэта-декабриста Войнаровский показан пылким энтузиастом свободы, рвущийся со скоростью звука на ее защиту.

«Так мы свои разрушив цепи, На глас свободы и вождей, Ниспровергая все препоны, Помчались защищать законы Среди отеческих степей. Я жизни юной не щадил, Я степи кровью обогрил И свой булат в войне кровавой О кости русских притупил.»

Реальный Войнаровский получил немало высоких чинов от врагов России – а чтобы удостоится такой чести, надо было постараться. Польский король С.Лещинский сделал его коронным воеводою, Карл XII – полковником шведских войск, а после смерти Мазепы назначил гетманом обеих берегов Днепра. Войнаровский «многократно ездил к хану крымскому и султану турецкому, чтобы побудить их к войне с Россией», как сообщает энциклопедия Брокгауз, отнюдь не страдающая ненавистью к либерально настроенным господам. (Но известно,

⁵⁴ Выходков, с. 89.

⁵⁵ Там же, с.99.

что хан крымский и султан турецкий занимались вовсе не защитой прав человека.) Гамбургский магистрат выдал Войнаровского русским властям, едва тот потребовал от короля шведского 240 тыс. талеров, ранее одолженных тому щедрым Мазепой.

Суесловные декабристоведы конечно же скажут, что рылеевский Войнаровский это вовсе не тот реальный Войнаровский, что Рылеев совсем не имел в виду конкретного человека, а только взял его имя, фамилию, отчество, время и место проживания для создания виртуального образа пламенного демократа. Но хочется спросить у декабристоведов, а в своих планах преобразования России Рылеев разве был меньшим абстракционистом? И разве было мало вождей, ниспровергающих все препоны, и среди декабристов?

Давайте заглянем в составленные ими проекты конституционного устройства новой России.

Проекты С. Волконского и Н. Муравьева внешне были весьма недурны, они предполагали конституционную монархию и «освобождение» крестьян.

Однако, если приглядеться к предлагаемому «освобождению», то сквозь него явно проглядывают уши мордвиновского проекта и прибалтийской реформы Александра I.

«Патриот» Никита Муравьев оказался щедрее адмирала Мордвинова. Личную свободу он давал за так, бесплатно предоставлял и немного земли – менее 2 десятины на семью. Это было примерно в два раза меньше того среднего земельного надела, что крестьянин имел при крепостничестве. (Получалось, что помещик безвозмездно приватизировал, а по сути крал, половину естественного достояния земледельца.) И этот муравьевский надел было ниже железного минимума в 2,5 десятины, который обеспечивал убогие 1700–1800 ккал в день на человека. Любимец либеральной публики по сути планировал голод. И даже эти две несчастные десятины давались мужику вовсе не на правах личной собственности. Продать их, прежде чем уйти, голодный крестьянин не мог.

Конечно же, Н.Муравьеву виделось в мечтах, как по всей России возникают крупные помещичьи высокотоварные хозяйства (типа прибалтийской мызы), на которых рвется работать толпа батраков. Вместо низкорентабельного зернового хозяйства в Нечерноземье приходит высокорентабельное животноводство, выращивание кормовых и технических культур. Однако рабочих рук в таком интенсифицированном сельском хозяйстве нужно в десять раз меньше, чем в традиционном. И скажет тогда землевладелец батраку и арендатору: придется тебе, деревенщина, бросить дом, семью и и уйти в городскую трущобу. Ведь ты теперь воистину свободен.

В Британии лишних земледельцев вешали как бродяг, собирали как пролетариев в города, где на средства, полученные от пиратства, работорговли и ограбления колоний создавались мануфактуры и фабрики. Но в России не было таких источников роста городского хозяйства. Поскольку обезземеливание крестьян предлагалось провести на всех огромных просторах нашей страны, то не было никакой надежды, что город поглотит высвободившуюся крестьянскую массу. В Ирландии раскрестьянивание и перевод сельского хозяйства на интенсивные рельсы завершилось гибелью четверти населения и эмиграцией трети. Наше многомиллионное крестьянство не имело возможности эмигрировать. Так что «освободительный проект», имея он успех, закончился бы колоссальной социальной трагедией.

Правда крестьянин, согласно муравьевскому проекту, мог выразить свое недовольство на выборах. Но возможности такого выражения были предусмотрительно ограничены. Первый вариант конституции предоставлял крестьянам-общинникам – «общим владельцам», по терминологии Муравьева, – весьма своеобразное избирательное право. «Все общество на сходке имеет право назначить одного избирателя с каждых 500 душ мужского пода, и сии избиратели, назначенные общими владельцами, подают голоса наравне с гражданами как уполномоченные целого общества, лишь только они предъявят поверительные грамоты своего общества, засвидетельствованные волостными старшинами». Во втором варианте кон-

ституции Муравьев расщедрился и к участию в выборах волостного старшины допустил всех граждан «без изъятия и различия». Великое достижение, крестьянина без ограничения подпустили к выбору самого низшего начальника – волостного старшины. А, кстати, в столь ненавидимое декабристами время Ивана Грозного крестьяне избирали всё волостное правление, и волостных старост, и судей, и губных старост, занимавшихся полицейскими делами.

Чем дальше в общественную систему, придуманную Н. Муравьевым, тем больше дров. В огромной неграмотной стране прожектор предполагал решать судом присяжных гражданские дела по искам на 25 рублей!⁵⁶ Это уже не мечта, а нечто близкое к бреду.

Захотел Муравьев в своем проекте подвергнуть страну беспощадной федерализации, порезав ее на полтора десятка «Держав», обладающими почти всеми атрибутами суверенной власти. Причем делить на почти что независимые государства предстояло и коренную Великороссию.

Вот список придуманных Держав, с указанием их столиц:

Ботническая – Гельсингфорс
Волховская – Город Святого Петра (Петербург),
Балтийская – Рига
Западная – Вильна (Литва)
Днепровская – Смоленск
Черноморская – Киев
Кавказская – Тифлис
Украинская – Харьков
Заволжская – Ярославль
Камская – Казань
Низовская – Саратов
Обийская – Тобольск
Сибирская – Иркутск
Московская область – Москва
Донская область – Черкасск

Столицей федеративной России предстояло стать Нижнему Новгороду. Здесь должна была заседать Дума. В неё избиралось бы по три гражданина от каждой Державы, два гражданина от Московской области и один – от Донской области. И эта веселая компания, в которой Обийская Держава имела больше представителей, чем Московская область, давала бы стране законы, формировала правительство и командование вооруженных сил.

Наводит на грустные мысли отсутствие в списке Держав многих областей Российской империи. Гродненские и минские земли то ли отдали Литве, присутствующей в виде Западной Державы, то ли подарили Польше, в списке Держав отсутствующей, то есть полностью независимой. Тот же вопрос насчет Волыни, Подолии – они, что тоже переданы независимой Польше? А кому подарили Кубань и Ставрополье? Черноморской киевской державе? Или сразу туркам? Вообще, где Урал, вся Северная Россия до Белого и Баренцева морей. Что случилось с русскими землями между Окой и Доном – их что сплавляли в Украинскую Державу? Похоже, политическая муза прожектора витала далёко от грешной земли.

Очевидно, при победе такого проекта было достаточно одного мановения перстом, чтобы Россия превратилась бы не в федерацию, а в кровавое болото. Зажигательного материала оказалось бы предостаточно – Державы, делящие между собой земли, и крестьяне, «освобожденные» без земли и фактически без еды. Скорый крестьянский бунт, равный по мощи десятку пугачевских, разнес бы федеративную декабристскую Россию на сто тысяч

⁵⁶ Румянцев В. Б. И вышли на площадь.

деревень. Во главе каждой деревни встал бы батька-атаман, а во главе каждой Державы кучка дворянских революционеров. И каждая революционная кучка имела бы свои взгляды на развитие либерализма и демократии. И каждый батька-атаман посылал бы кучку либеральных руководителей, куда подальше. И жег бы ближайшие дворянские усадьбы, откуда приходили бы претенденты на деревенскую землю.

Павел Пестель, как и полагалось сыну губернатора, прославившегося своим волюнтаризмом, продвигал республиканский проект, которого боялись даже члены радикального Южного общества.

Хотя, как пишет Нечкина о Пестеле, «он высоко ценил личную свободу», однако хотел передать власть в России на 10–15 лет временному правительству с дикаторскими полномочиями. Способ формирования правительства был покрыт тайной. Ясно лишь то, кто бы его возглавил и чем бы оно занималось.

Вся землю России предстояло поделить на две части. «Одна половина получит наименование земли общественной, другая земли частной. Земля общественная будет всему волостному обществу совокупно-принадлежать и неприкосновенную его собственность составлять. Она ни продана, ни заложена быть не может. Она будет предназначена для доставления необходимого всем гражданам без изъятия и будет подлежать обладанию всех и каждого. Земли частные будут принадлежать казне или частным лицам, обладающим оными с полною свободою и право имеющим делать из оной, что им угодно. Сии земли, будучи предназначены для образования частной-собственности, служить будут к доставлению изобилия.»

Чем больше было у помещика земли, тем больше её должно было конфисковываться безвозмездно. «Если у помещика имеется 10 тыс. десятин земли или более, тогда отбирается у него половина земли без всякого возмездия». Из каких источников помещик должен получить возмещение за прочую изъятую у него землю, пестелевский проект предусмотрительно не сообщает.

Несмотря на внешнюю демократичность, здесь заложен взрывной материал не меньше, чем в конституции Н. Муравьева.

Крестьянин, имеющий вдоволь земли (ведь его доля увеличится от трети до половины всех российских земель) будет, тем не менее, жить натуральным хозяйством. На значительной части территории России у него не найдется ни времени, ни технических средств, чтобы обработать намного больше земли, чем он обрабатывал до этого. Землю, которую он имеет в распоряжении, он не сможет ни заложить, ни продать. Такой крестьянин будет худо-бедно кормиться сам, но не даст товарного хлеба для нужд города и государства, и никогда не пойдет в батраки к крупному землевладельцу, ведущему товарное хозяйство. В сельской России возникло бы мужицкое царство с большим количеством плохо обрабатываемых и просто необрабатываемых полей.

Помещик, который ранее давал товарное зерно, теперь лишится рабочей силы – ни крепостных, как раньше, ни батраков у него не будет. Вряд ли масса дворян, разом обедневшая от потери земель и рабочих рук, дождалась бы каких-то компенсаций от революционного правительства. Последнее, что помещику осталось бы, это продавать оставшиеся земли за бесценок. Но государство с пустой казной вряд ли стало бы покупать эту землю. И будет зарастать быльем вторая половина России.

В районах с благоприятными условиями для земледелия, где помещичья земля будет что-то стоить, местным помещикам вряд ли понравятся земельные конфискации – жди вооруженного сопротивления. Не будем забывать, что помещики представляли собой единственный образованный и способный к войне класс. Произошло бы возмущение воинской касты, помещиков, равное по силе нескольким смутам начала 17 в.

Жди вооруженного сопротивления и от крестьян, у которых государство будет заниматься реквизицией хлеба для нужд города и армии.

Пока диктатор рубил бы головы фрондирующих землевладельцев и добывал хлеб из мужиков, «личная свобода» должна была сохраняться где-то в идеально законсервированном виде.

Оригинально решал Пестель и национальный вопрос. Им предлагалось переселение кавказских народов вглубь России и, очевидно, русско-чеченская резня где-нибудь под Москвой. Евреев надлежало выселить в Малую Азию. Да, слишком уж сильно опередил свое время фюрер Пестель.

Если брать более близкие тому времени аналогии, то Пестель изрядно походил на смесь Робеспьера и Бонапарта. Но Робеспьер опирался так или иначе на радикальные круги французской буржуазии, успешно вызревшие в торговой и плодородной Франции. А Бонапарт возглавил созревание французской буржуазной нации, которой доставлял величие, военную добычу и контрибуции.

В России ничего подобного Пестеля не ожидало. Буржуазный класс у нас не вызрел до сих пор, не играл он большого значения даже в феврале 1917. И вряд ли военные и организационные таланты Пестеля были сравнимы с корсиканским гением. По крайней мере, в ходе подготовки к восстанию они никак не проявились.

Заметим, что будущие декабристы не могли договориться между собой ни в своих программных установках, ни, как показал декабрь 1825, в реальных действиях.

И как такие люди собирались управлять огромной страной, раскинувшейся на двенадцать часовых поясов?

Храбрые вояки-аристократы (среди которых рюриковичей было больше, чем во дворце) не знали России, ее природы, ее истории, ее геополитической ситуации, точно также как и революционные интеллигенты начала 20 в., как и либеральные младореформаторы конца 20 в. И можно только удивляться тем умильным взорам, которые бросали либеральные и марксистские историки и публицисты на декабристские прожекты.

А теперь представим, что в одной части страны возобладали муравьевцы, в другой пестелевцы; в одной отбирают землю у крестьян, в другой у дворян, в одной провозглашают федерацию из пятнадцати Держав, в другой «единую и неделимую», в одной дают независимость Польше вместе со всеми землями, которые понадобились польским братьям, в другой переселяют кавказские народы в центр России... И при этом кавардаке, согласно революционного «Манифеста русскому народу», отменяется постоянная армия.

Победа декабристов в 1825 ввергла бы страну в хаос, больший чем она претерпела в 1917, потому что не было бы даже большевиков и железных дорог, которые не дали бы стране окончательно развалиться.

И уж «передовые страны» (они же по совместительству колониальные хищники) не замедлили бы воспользоваться Декабристской Смутой. Появись любой мало-мальски оснащенный пушками колонизатор, набери сипайскую армию, и делай из порядком обезлюдевшей России образцовые колонии.

Так уж получалось, что насилие свободолюбцев над российской верховной властью, начиная от убийства Павла, всегда было выгодно основному геополитическому конкуренту Российской империи – Британской империи.

На то, что англичане могли быть вовлечены через польские тайные общества в деятельность декабристов, указывает такой фрагмент из допроса Пестеля.

«В данных здесь ответах вы приводите весьма кратко слышанное от князя Яблоновского и Гродецкого, что Польское общество находится в сношениях с Английским правительством, от коего получает деньги; но умалчивается о подробностях сих сношений – и о лицах, чрез которых оные происходят, тогда как сами же рассказывали г. Юшневскому то

же, но гораздо яснее, и именно, что в деле тайного общества принимает искреннее участие Английский Кабинет и обещает в нужном случае оказать содействие.»⁵⁷

Декабристы и сепаратисты

Поскольку польские националисты упорно представляли свою страну как форпост Запада, противостоящий азиатской деспотической России, то совершенно естественно, что все российские свобододолюбцы видели в Польше своего лучшего союзника, оплот вольности, для которого ничего не жалко. Дворянские революционеры, представители сословия, созданного под влиянием польской концепции «золотых вольностей» шляхетства, не были исключением. На рылеевский «глас свободы» декабристы хотели помчаться вместе с польскими гусарами.

Очевидно, тем звеном, которое связало польские антироссийские группировки и южную организацию декабристов, являлось Общество соединенных славян. Отцами-основателями его были два польских шляхтича, Ю. Люблинский и В. Росцишевский. Первый дал группе малороссийских дворян и чиновников, страдающих мазепинскими идеями, название и идею, второй возглавил организацию. Надпись «Jednoe Slowianska», украшавшая герб «Соединенных славян», не оставляет сомнений в польском происхождении этого общества. Название и идея организации были данайским даром, как и все, что приходило в российское антиправительственное движение с ближнего Запада. Ни при какой погоде польских националистов не интересовала судьба православных болгар и сербов, страдающих под турецким игмом. Наоборот, все антироссийские шляхетские конфедерации в Польше 1772–1795 гг. были в союзе с Османской империей. «Соединенным славянам» предстояло разделить классические польские представления о славянском «братстве», в котором православные хлопы горбятся на утонченного европейца польского шляхтича.

Знатная декабристоведа Нечкина написала, что Южное общество внезапно обнаружило «Соединенных Славян» и приняло их к себе, как коллективного члена. Но А.Пыпин и ряд других историков, напротив, считали, что эта группировка успела оказать серьезное идейное воздействие на южных декабристов.

Члены Южного общества вместе с «Соединенными славянами» входили в ряд малороссийских масонских лож и автономистских организаций, где идеологически господствовали польская шляхта. К их числу относилось киевское и бориспольское «Общества малороссов», киевский филиал Польского патриотического общества, житомирские ложи «Рассеянного мрака» и «Тамплиеров»; полтавская ложа «Любовь к истине». В этой ложе, наряду с членами Союза Благоденствия М. Новиковым, В. Глинкой и С. Муравьевым-Апостолом, находились влиятельные малороссийские дворяне, вроде губернского судьи Тарновского, екатеринославского дворянского предводителя Алексеева, С. Кочубея, И. Котляревского и многих других. Был среди ее членов некто Лукашевич, еще в 1812 содействовавший войскам Наполеона в России. М. Новиков не только одно время предводительствовал этой ложей, но и был начальником канцелярии у фактического правителя Малороссии, князя Н. Репнина.

На следствии в 1825 г. Муравьев-Апостол называет Полтавскую ложу «рассадником тайного общества» и сообщает о Новикове, «он в оную принимал дворянство малороссийское, из числа коих способнейших помещал в общество, называемое Союз Благоденствия.» После Новикова, руководство полтавской ложей перешло к упомянутому Лукашевичу, про которого М. Бестужев-Рюмин сказал, что «цель одного (сколь она мне известна), присоединение Малороссии к Польше». Бестужев-Рюмин также показал, что Лукашевич обращался

⁵⁷ *Стариков Н. В.* От декабристов до моджахедов. Кто кормил наших революционеров? СПб, 2009.

к представителю знаменитого магнатского рода Ходкевичей, «полагая его значащим членом польского общества, предлагая присоединиться к оному и соединить Малороссию с Польшею».

Члены Южного общества и близкие к ним по своим воззрениям люди фактически находились в высшем эшелоне власти в Малороссии. Киевский генерал-губернатор Репнин, близкий родственник видного декабриста С. Волконского, был в свое время связан с заговорщиками, убившими императора Павла и, по мнению некоторых исследователей, имел причастность к распространению «Истории русов», которая разожгла в некоторых малороссийских дворянах мазепинские настроения. При дворе Репнина вертелись Пестель, Бестужев-Рюмин и такой идеолог малороссийского сепаратизма, как сочинитель вышеупомянутой фальшивки В. Полетика.

Польские руководители тайных обществ, граф Солтык и полковник Крыжановский, засвидетельствовали на следствии после разгрома восстания 1830-31 гг., что мысль о необходимости контакта с русскими тайными обществами возникла у них еще в 1820. По всей видимости, у поляков тогда уже имелась необходимая информация об антигосударственных организациях в России. А Бестужев-Рюмин после разгрома декабристского восстания поведал следователям, что между Директорией Южного декабристского общества и польским Патриотическим обществом в 1824 г. было заключено соглашение, по которому, поляки обязывались «восстать в то же самое время, как и мы» и координировать свои действия с русскими повстанцами.

«Истинные сыны отечества» оказались весьма щедры с польскими партнерами. По соглашению от 1824 г., Южное общество обещало полякам Волынскую, Минскую, Гродненскую и части Виленской губернии. Так легко и непринужденно российские «свободолюбцы» отдавали миллионы своих православных братьев католическим панам. (Впрочем, кого на самом деле воспитанники масонов и иезуитов считали за братьев?)

К. Рылеев на следствии витиевато сообщил, что слышал от Корниловича и Трубецкого, (главы Северного общества), что тот имел на руках копию договора между поляками и Южным обществом, определяющего будущие русско-польские границы. Трубецкой так же сообщил Рылееву, что «Южное общество через одного из своих членов имеет с оными (поляками) постоянные сношения, что южными директорами положено признать независимость Польши и возвратить ей от России завоеванные провинции Литву, Подолию и Волынь».

Показания эти заслуживают доверия. Нет ни одного свидетельства о том, что по отношению к декабристам применялись пытки и прочие средства выдавливания показаний.

Согласно исследованиям С. Щеголева, в 1824 г. князь Яблоновский, представитель Польского патриотического общества, начал энергичные переговоры с декабристами. Результатом его усилий явился съезд польских и русских заговорщиков в Житомире в начале 1825 года. Присутствовал там и «северянин» К. Рылеев. На съезде был поставлен и одобрен вопрос о независимости Малороссии, каковую поляки считали необходимой «для дела общей свободы». Вслед за тем можно было начать повторное присоединение западнорусского края к Польше.

Не сомнений, что приди декабристы к власти, поляки получили бы свой куш. Польские националисты всегда элегантно соединяли тезис о свободе с территориальным переделом России, ни на день, ни на час не забывая о своей главной цели – восстановления Польши в старых границах. И удовлетворялась бы Польша только Волынью, Подолией и Белоруссией? А может быть захотела еще и Киевщину, и Полтавщину с Черниговщиной, и Смоленскую землю, и Курляндию, и юг Псковщины – эти земли тоже были когда-то в составе Речи Посполитой. Ни Костюшко, ни повстанцы 1830-31 гг., ни лихие бунтовщики 1863 г., ни Иосиф Пилсудский со своими соратниками не видели Польшу в тесных этнических пределах (в 1919 очерченных линией Керзона). Ясновельможное панство в своих мечтах всегда

видела Польшу от «можа до можа», запустившую клыки в черноземы Поднепровья и когти в берег Черного моря.

Воевать с единой сплоченной Польшей, обладавшей сильной собственной армией, декабристские вожди не стали – им бы хватило бранных дел в остальной России, которую они уже на проектном уровне поделили на пятнадцать «воюющих царств». Однако простые малорусы и белорусы тогда еще хорошо помнили времена польского господства, «какое пленение, какое нещадное пролитие крови христианские от польских панов утеснения – никому вам сказывать ненадобеть...»

Так что реализация польско-декабристских планов скорее всего привела бы на западно-русских землях к событиям, сравнимым по кровопролитности и разрушениям с «хмельничной», «руиной» и «колеевщиной».

Сепаратистские и пропольские настроения, господствовавшие среди «южан» закладывали еще одну мину под существование единого Российского государства, которое и так подрывалось проектами политического и хозяйственного переустройства, подготовленными Южным и Северным обществами.

Мне кажется, что народ отверг бы то ломкое «царство свободы», которое принесли бы декабристы. Но нашлись бы новые Минины и Пожарские, способные объединить страну снизу, после ста лет дворяновластия? Это большой вопрос.

Можно, конечно, привести пример Франции, которая хоть прошла через горнило революционных потрясений с большими демографическими потерями, однако перетерла почти всех революционеров и сохранила территориальное и национальное единство.

Но Россия, в отличие от Франции – огромная страна, населенная сотнями народностей, с угрожаемыми границами почти на всех их протяжении. И никакие внешние силы не стали бы обеспечивать ее территориальное единство, как то было во Франции в 1814-15 гг.

В отличие от Франции Россию связывал воедино не развитый единый рынок, не удобные транспортные коммуникации, не бюрократия и даже не военная сила. Россию связывал вместе комплекс религиозных и гражданских убеждений («русская вера»), рожденных нашим обществом еще в эпоху московского государства, и опирающийся на общественный инстинкт самосохранения в тяжелых природно-климатических и геополитических условиях.

Однако к началу XIX «русская вера» подверглась очень сильной эрозии из-за подавления традиционной народной (земской) жизни дворяновластием.

Исторические аналогии. Латинская Америка

Я полагаю, уместно провести параллель между гипотетической «декабристской Россией» и Латинской Америкой 1810-1820-х гг. Там местная олигархия, почти сплошь масонская, освободилась от власти испанского монарха и образовала полтора десятка парламентарных и президентских республик.

Раздел владений испанской короны происходил при деятельной поддержке британского капитала и под руководством английских спецслужб.

Хосе де Сан-Мартин, первый из героев Латиноамериканской революции, прибыл для революционных дел из Англии, где входил в состав пригретой Лондоном антииспанской организации «Общество Лаутаро». И в Латинской Америке герой не был брошен на произвол судьбы добрыми джентльменами с Уайт-Холла. К примеру, британская эскадра под командованием адмирала Кокрейла перебросила революционные войска Сан-Мартина из Чили в Перу. Завершив революционные дела, герой отбыл в Европу, на честно заработанную пенсию. Другой герой-освободитель Симон Боливар ездил в Англию за финансированием уже после начала революционной войны. Финансирование было столь щедрым, что Боли-

вар набербовал в Европе тысячи наемников и составил Британский легион, представлявший собой ударную силу революции.

Вооруженные силы Испании в Латинской Америке были окончательно разбиты в декабре 1824. В течение последующих двух лет британцы сделали все от них зависящее, чтобы все проекты по созданию единой Латинской Америки провалились. Ставить под угрозу предприятие, в которое они вложили большие средства, джентльмены не собирались.

Симон Боливар, после убийства его ближайшего сподвижника генерала Сукре и распада возглавляемой им Великой Колумбии, покинул все посты и быстро умер от туберкулеза, не успев вернуться в Европу. Пылкому Боливару не удалось снести единую Латинскую Америку.

Все свежееиспеченные латиноамериканские государства получили республиканские формы правления, замечательные конституции, декларирующие всяческие свободы, всеобщие избирательные права, парламенты, всенародно или парламентарно избранных президентов.

Однако ни в одном регионе планеты не создалось такого устойчивого классового расслоения как в Латинской Америке, где и по сей день имущие и неимущие живут практически в разных мирах.

Во всех этих странах утвердилось грубое господство латифундистов, повсеместно воцарилась нищета кабальных арендаторов-пеонов, здесь на многие десятилетия сохранилось слегка закамуфлированное или вполне открытое рабовладение и плантационное рабство. Латиноамериканские страны демонстрировали беззастенчивое разграбление природных ресурсов со стороны иностранного капитала, наглую эксплуатацию пролетариата. Далеко не все колонии имели столь зависимую экономику, как латиноамериканские «банановые республики». Крупнейшие банки Латинского Америки с самого начала оказались под контролем британских финансовых групп, их рынки были захвачены английскими товарами, задавившими местную промышленность.⁵⁸

Во всех образованных республиках, на фоне республиканского и конституционного декора, в высшие органы власти десятилетиями «избирались» латифундисты и олигархи-компрадоры. А в правительствах сидели агенты иностранных корпораций. Основная масса населения, представляющая собой обездоленных крестьян и городских пауперов, послушно голосовала за богатых донов. (Или бралась за мачете.)

Приметой латиноамериканских стран стали долгие гражданские войны между элитными группировками. «Эскадроны смерти» и просто банды, нанятые плантаторами и латифундистами, наводили ужас на крестьян. Здесь то и дело происходили вспышки геноцида, так 2/3 населения Парагвая (преимущественно индейцев) было уничтожено армиями соседних Бразилии, Аргентины и Уругвая при поддержке Британии.

Мексиканской республике, которая не посчастливилось быть подальше от США, пришлось отдать больше половины территории северному соседу. Колумбию рассекли на два куска для строительства нужного западным державам канала. Парагвай разрубили как говяжьей тушу. Центральноамериканские страны то и дело встречали незваных гостей, американские канонерки и морскую пехоту, устанавливающие еще большую «демократию», при которой американские компании, владеющие плантациями и рудниками, должны были получить еще большую прибыль.

Латинская Америка – и это почти всегда игнорируется либеральной общественностью – показала яркий пример того, как наивная доктрина освобождения ведет к неокOLONIALной зависимости и застойной нищете.

⁵⁸ Хобсбаум. Э. Век революции. Европа 1789–1848. Ростов н/Д, 1999, гл.2.

Бунт скучающих господ

14 декабря 1825 главные силы декабристов собрались на Петровской площади у здания Сената.

Популярным декабристоведением часто выводится за скобки – а почему собственно декабристы вышли на Петровскую (ныне Сенатскую) площадь?

Общий смысл этого умолчания – показать декабристов ангелами в белых одеждах, которые слетелись на видное место, чтобы геройски умереть и тем самым «разбудить Герцена».

На самом деле офицеры-декабристы привели войска на Петровскую площадь, чтобы не допустить принятия переприсяги сенаторами, взять под контроль высший правительствующий орган и издать от его имени необходимые революционные документы. Другая часть декабристских сил должна была захватить Зимний дворец и уничтожить царскую семью.

Первыми отказались от присяги императору Николаю I две роты Лейб-гвардии Московского полка, также некоторые роты Лейб-гренадерского полка и Гвардейского экипажа. Декабристы, в первую очередь Александр Бестужев и князь Щепин-Ростовский, вводили в заблуждение нижние чины гвардии, призывая их защитить права «законного государя» Константина на престол. Даже упоминавшуюся заговорщиками Конституцию солдаты считали супругой Константина.

Бестужев бросал в толпу нижних чинов зажигательные реплики такого сорта: «Ребята! Вас обманывают: Государь (Константин) не отказался от престола, он в цепях. Его Высочество шеф полка Михаил Павлович задержан за четыре станции и тоже в цепях». А Щепин-Ростовский полосовал саблей всех, кто пытался воспрепятствовать бунту, и солдат, и офицеров – командира московского полка генерала Фредерикса, генерала Шеншина и полковника Хвощинского.

По сути, декабристы совершали банальную подлость, когда опираясь на «русскую веру», на верность государству и престолу, привлекали солдат к исполнению своих планов. Господа, нежно любимые нашей интеллигенцией, примитивным обманом подставляли нижние чины под пули. Ведь солдаты, как и большинство простонародья, не имело четкой информации об отречении Константина и могли считать его законным государем. Как тут не вспомнить о иезуитском воспитании многих вождей декабризма.

Однако вот незадача, путчисты опаздывают к принятию присяги сенаторами, те уже разъехались. Скрывается среди зрителей и диктатор восстания, князь С. Трубецкой, сторонник конституционной монархии.

Многие исследователи удивлялись, почему в день восстания он находился в толпе зевак (а по некоторым свидетельствам даже сидел дома)?

Ну, а зачем ему надо было подставлять себя под пули? Кто мог стать «конституционным монархом», как не конституционный правитель Польши Константин? Смею предположить, что диктатор бродил по улицам или пил кофей на домашнем диване, ожидая расширения восстания и манифеста Константина.

А Константин ожидал, чем закончатся первые сутки мятежа.

Вслед за Трубецким скрывается в тумане и пламенный тираноборец, он же эффективный менеджер, Кондратий Рылеев. Однако, к мятежным гвардейцам, вышедшим на Петровскую площадь, через три часа присоединяются лейб-гвардии гренадеры и матросы гвардейского экипажа, дотоле уже побывавшие в Зимнем дворце.

Визит мятежной гвардии в Зимний дворец также является фигурой умолчания у либерально-марксистской декабристики. (Больно уж это напоминает гвардейские перевороты 18 века).

Толпа солдат и матросов, численностью около тысячи человек, во главе с поручиком Пановым, сминает дворцовый караул и врывается во двор. Однако верный Николаю Павловичу саперный батальон не пропускает мятежников внутрь дворца. Те, при примерном равенстве сил, не решаются на штурм. После этого солдаты и матросы, во главе с Пановым, отправляются на воссоединение с основной массой повстанцев.

Любопытная деталь. Император Николай, находящийся около Зимнего, сам показывает этой мятежной тысяче, где собираются выступающие за «Константина и Конституцию».⁵⁹

«И вся сия толпа, – напишет впоследствии Николай, – прошла мимо меня, сквозь все войска, и присоединилась без препятствия к своим...»

Сам Николай I остается в толпе на Дворцовой площади, читает манифест о воцарении, здесь он встречает понимание. Но толпа на Петровской площади сочувствует путчистам, для несведущих горожан законным государем является Константин.

Сама Петровская площадь была не такой уж слабой позицией для мятежников.

Это сегодня Сенатская площадь выглядит небольшой и пустоватой – а тогда к ней примыкала огромная далеко не завершенная стройка – Исаакиевский собор.

Несмотря на безвременную потерю командира (трусоватого диктатора Трубецкого) путчисты стояли на этой площади отнюдь не из чистого героизма, а концентрируя силы в означенном месте. День был коротким и приближались сумерки. Хотя главарь путча явно утратили четкий план действий после неудачи со взятием под контроль Сената, однако, при наступлении темноты, их силы могли легко рассредоточиться по городу. После чего они, скорее всего, начали бы действовать также, как польские повстанцы 1830 года.

Силы путчистов немногим уступали силам, безусловно преданным Николаю (а возможно и превосходили их). От Петровской площади до Зимнего дворца рукой подать – десять минут спокойным шагом. А караулами от Зимнего дворца до Адмиралтейства распоряжался полковник А. Моллер, член Северного общества.⁶⁰

Петербургский генерал-губернатор Милорадович, вплоть до своего фатального выступления перед рядами мятежников, особой активности в подавлении бунта не проявлял. Он провел предыдущий вечер в компании драматурга А. Шаховского и А. Якубовича, активного члена Северного общества, планировавшего цареубийство. Трудно поверить, что Милорадович не знал заранее о планах мятежников, однако, в дворянской корпорации не принято было «стучать» друг на друга. Тем более, что в складывающейся обстановке было совершенно неочевидно, чью сторону займет дворянство в целом.

14 декабря декабристы сполна показали все свои организационные способности, даже в благоприятной ситуации не сумев разумно распорядиться имевшимся у них временем и силами. Мужество и самообладание молодого императора, столь контрастирующие с нерешительностью и истеричностью главарей путча, меняли ситуацию на ходу.

«Очевидцы видели, как Николай духовно рос перед ними... Он был настолько спокоен, что ни разу не поднял своего коня в галоп». «Он был очень бледен, но ни один мускул не дрогнул в его лице. А смерть ходила около него. Заговорщики ведь указали его как свою первую жертву. Драгунский офицер, странного вида, с обвязанной головой, уже подходил к Царю и говорил с ним по дороге от Зимнего Дворца к Сенату. Это был Якубович, раненый в голову который хвастался тем, что он был готов убить всех тиранов. Другой заговорщик, Булатов, держался около Императора, вооруженный пистолетом и кинжалом...», – пишет русофоб де Кюстин, не смея извратить очевидные вещи.

⁵⁹ Николай I: личность и эпоха. Новые материалы. СПб, 2007, с. 15.

⁶⁰ Выходчиков, с. 103.

Самым ответственным для империи и императора был момент, когда он явился на Петровскую площадь с первым батальоном Преображенского полка.

Николай Павлович делает всё, чтобы не случилось кровопролития. Он посылает к восставшим генерала Милорадовича, полковника Штюрлера (Стюрдлера), митрополита санкт-петербургского Серафима. В это время он говорит ганноверскому посланнику Дернбергу: «Можно ли быть более несчастным? Я делаю все возможное, чтобы убедить их, а они не хотят ничего слушать».

Генерал-губернатор Милорадович, обратившийся к мятежникам, получил два смертельных ранения – от пули Каховского и удара штыком. Штыком били в спину. Следствие так и не было точно установило, кто нанес удар, хотя предположительно это был князь Е. Оболенский. Командира лейб-гренадеров полковника Штюрлера, пытавшегося увести обманутых солдат с площади, князь Оболенский рубит саблей, а Каховский смертельно ранит из пистолета.⁶¹

Каховский стрелял также в генерала Воинова и великого князя Михаила Павловича, но пистолет дал осечки. По другим сведениям несколько нижних чинов не дали декабристу совершить очередное убийство.

Все атаки кавалергардов и коннопиониров (конной гвардии) на мятежников захлебнулись.

Копыта коней скользили по ледяной корке, однако создается впечатление, что всадники не хотели действовать активно, многие не вынимали палашей из ножен. Можно понять людей, которые не хотят участвовать в братоубийственной схватке. Однако и среди атакующих кавалеристов также были члены тайного общества – как, например, Анненков.

У войск, верных правительству, имелось три пушки, но император медлил с их применением. Затем выяснилось, что артиллерия явилась без боеприпасов и за ними надо еще посылать.

Первый залп из пушек пришелся на стены строящегося собора. Со следующим залпом мятеж был разгромлен – взбунтовавшиеся гвардейцы побежали.

Число убитых и раненых, ни точное, ни примерное не сообщает ни один декабристовед. Очевидно, оно не было значительным. В противном случае, цифра была раздута в десятки раз, как у нас принято с «жертвами царизма». Из героических аристократов не был убит или серьезно ранен ни один человек...

Декабристский спектакль состоялся и на юге страны. И здесь нижние чины были бессовестно обмануты путчистами. Сергей Муравьев в Василькове врал солдатам о том, что Константина лишили трона. Путчисты не нашли ничего лучшего, чем хорошенько напоить солдат-малороссов, которые, «освободившись», принялись грабить местных мещан и евреев. Престарелый полковник Гебель получил от декабриста Щепилло ударом штыком в живот, потом «свободолюбец» вместе с подоспевшим декабристом Соловьевом стал бить лежащего прикладом. «Так избиением старого и безоружного человека началось светлое дело свободы», – написал историк М.Цейтлин в книге «Декабристы». Действительно, процесс пошел. Такие же процессы пошли и в 1605 и 1917. Но, по счастью, в 1825 г. процесс далеко не ушел благодаря императору Николаю Павловичу.

Ни один человек из мятежников не подвергся бессудной расправе со стороны властей – как то неоднократно случалось в «цивилизованной» Европе 19 века – когда было достаточно «неправильного» внешнего вида, чтобы получить пулю от карателей.

У нас низшие чины были освобождены от какой-либо ответственности, также как и представители черни, оказавшие поддержку путчу, а все офицеры-мятежники оказались перед судом.

⁶¹ Русские мемуары. Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000, с.26.

Следствие определило существование среди них двух групп людей – обманутых и злоумышленников, убедивших своих товарищей и нижние чины, что они должны быть верны присяге императору Константину.

Следствие подтвердило, что декабристы собирались убить семью Николая I, даже его сестер Марию и Анну за границей. Судя по беспощадности польских мятежников в 1830 г., истреблявших всех людей, имевших отношение к законной верховной власти, это могло произойти.

Декабристоведа обстонали «чудовищные» методы следствия, однако все свидетельства показывают, что арестованных никто не терзал. Более того, действовала презумпция невиновности. «С самого же начала я решил не искать виновного, но дать каждому возможность себя оправдать», – писал император. Под суд пошли только те лица, против которых имелись неопровержимые доказательства.

Следствие выявило непричастность А. Грибоедова к заговору, хотя он был знаком со многими заговорщиками, входившими в высшее петербургское общество. Уже через четыре дня после прекращения дознания Грибоедов был принят императором и продолжил дипломатическую карьеру.

С точки зрения государственной пользы, конечно, надлежало внимательно изучить весь круг российской элиты, выдвинувшей заговорщиков, но Николай I не пошел по этому пути.

Не пострадал и не был подвергнут каким-либо ограничительным мерам ни один из членов семей декабристов. Их дети делали карьеру на государственной службе или при дворе, как ни в чем не бывало. Возможно этим и объясняется последующее широкое распространение антигосударственных настроений в «высшем обществе».

Идейные отцы заговора не были подвергнуты следствию и привлечены к ответственности. К таким лицам явно относились член Государственного совета адмирал Мордвинов, руководители масонских лож, из которых вышли наиболее радикальные деятели декабризма.

Император Николай не «приказал повесить декабристов», как пишут до сих пор в популярных изданиях (и пишут не какие-то супостаты, а российские авторы). Приговоры были вынесены Верховным Уголовным Судом на основании законов Российской империи, которые предусматривали наказания за антигосударственные преступления ничуть не более строгие, чем в самых просвещенных европейских странах (Англия с ее средневековой жестокостью законов к числу просвещенных явно не относилась). К тому же приговоры были значительно смягчены царем. Достаточно вспомнить, что высшей мере наказания подверглось лишь пять декабристов. Люди, поднявшие вооруженное восстание против законного правительства, отделались в массе своей весьма легко.

В ту же эпоху, в «демократической» Франции, после подавления антигосударственных выступлений в 1848 г. было расстреляно одиннадцать тысяч человек, а в 1871 – около тридцати тысяч, и еще сорок тысяч отправлено в тюрьмы и на каторгу. Там массовая внесудебная расправа дополнялась скорыми и жестокими приговорами военных трибуналов.

В 1807 г. английский полковник Деспарди и его товарищей только за антиправительственные разговоры в Лондоне подвергли долгой и мучительной казни. Их вначале повесили, но не до смерти, еще живым вырезали внутренности, отрубили головы; тела их были четвертованы.⁶²

Плененных участников индийского национального восстания британцы подвергали самым варварским казням, разрывали выстрелами из пушек. Жизнь аборигенного населения во многих углах Британской империи ценилась не более чем жизнь животного, убийство аборигена находилось за рамками правового поля.

⁶² Ashton J. The dawn of the XIX century in England. 1906. p.452.

Австрийские суды пачками вешали генералов и офицеров своей армии, перешедших на сторону венгерской революции. Неополитанский король двое суток бомбил собственный город Палермо за попытку революционного выступления, после чего в дело вступили карательные команды.

Житье декабристов в Сибири было непростым, но достаточно комфортным по сравнению с французской каторгой на о-ве Дьявола или английской в Гане.⁶³

Либеральные байки о якобы невероятной жестокости Николая, проявленной по отношению к декабристам после отправки их в Сибирь, мягко выражаясь, не соответствуют действительности.

«Начальником Читинской тюрьмы и Петровского завода, где сосредоточили всех декабристов, был назначен Лепарский, человек исключительно добрый, который им создал жизнь сносную. Вероятно, это было сделано Царем сознательно, т. к. он лично знал Лепарского, как преданного ему, но мягкого и тактичного человека», – пишет М.Цейтлин, либеральный эмигрантский историк, не променявший честности исследования на идеологические клише. «Каторжная работа вскоре стала чем-то вроде гимнастики для желающих. Летом засыпали они ров, носивший название «Чертовой могилы», суежились сторожа и прислуга дам, несли к месту работы складные стулья и шахматы. Караульный офицер и унтер-офицеры кричали: «Господа, пора на работу! Кто сегодня идет? Если желающих, т. е. не сказавшихся больными набиралось недостаточно, офицер умоляюще говорил: «Господа, да прибавьтесь же еще кто-нибудь! А то комендант заметит, что очень мало!» Кто-нибудь из тех, кому надо было повидаться с товарищем, живущим в другом каземате, давал себя упросить: «Ну, пожалуй, я пойду»»⁶⁴

Как писал очевидец И. Липранди о декабристах на каторге: «Невозможно описать впечатления той неожиданности, которою я был поражен: открывается дверь, в передней два молодых солдата учебного карабинерского полка без боевой амуниции; из прихожей стеклянная дверь, через нее я вижу несколько человек около стола за самоваром; и все это во втором часу пополудни меня поражало». Похоже, декабристам не приходилось вставать с соловьями.

«Жены постепенно выстроили себе дома на единственной улице и после их отъезда сохранившей в их память название «Дамской». Мужья сначала имели с ними свидания в тюрьме, но постепенно получили разрешение уходить домой, к женам на целый день. Сначала ходили в сопровождении часового, который мирно дожидался их на кухне, где его угощала кухарка, а впоследствии они переехали в домики жен». На Петровском заводе холостым декабристам предоставлялось по одной комнате, женатым по две. «Номера были большие, у женатых они скоро приняли вид комнат обыкновенной квартиры, с коврами и мягкой мебелью.» «Кн. Трубецкая и кн. Волконская жили вне тюрьмы, на отдельных квартирах, имея по 25 человек прислуги каждая». Таковы «кошмары» декабристской каторги, выявленные исследователем М. Цейтлиным.

«Элементов принудительности на Петровском заводе не было», – пишет знаменитый специалист по ссылке и каторге проф. Гернет в книге «История царской тюрьмы».

«Работали понемногу на дороге и на огородах. Случалось, что дежурный офицер упрашивал выйти на работу, когда в группе было слишком мало людей.»

⁶³ Воейков Н.Н. Церковь, Русь и Рим, Мн..2000, с.614.

⁶⁴ Цейтлин М. А. 14 декабря. //Современные Записки. XXVI. Париж, 1925.

Декабрист Завалишин так описывает дорогу с работы: «Возвращаясь, несли книги, цветы, ноты, лакомства от дам, а сзади казенные рабочие тащили кирки, носилки, лопаты... пели революционные песни.»

«Декабристы фактически не несли каторжного труда, за исключением нескольких человек, короткое время работавших в руднике.»

Декабристы, высланные на поселение, получали по 16 дес. пахотной земли, и дополнительно продуктовый паек. Неимущим выдавались пособия. Так, ссыльный Батенков получил от императора 500 руб. серебром «на первое обзаведение». Впрочем, на землю, по примеру своих крестьян, декабристы садились неохотно. Одни пошли служить в местные учреждения, другие занялись самостоятельной деятельностью – Якушкин открыл в Ялуторовске частную школу.

Жизнь аристократов в Сибири была, конечно, нелегкой, однако там не было и тени того, что можно назвать «мучительством», «изошренной жестокостью».

Пушкин, хорошо осведомленный о жизни декабристов в местах не столь отдаленных, написал об императоре: «О нет, хоть юность в нем кипит, Но не жесток в нем дух державный; Тому, кого карает явно, Он втайне милости творит.»⁶⁵

Басни о жестокости Николая продолжали баяться даже в то время когда, когда понятие личной ответственности в головах российских прогрессоров заменилось на понятие коллективной вины. Воинствующие западники, эсеры и социал-демократы, ритуально льющие слезу по декабристам, сами легко уничтожали людей просто за принадлежность к российскому государственному аппарату, а во время революции – за принадлежность к офицерству, купечеству, духовенству, любому русскому сословию, соотносящемуся со «старым режимом».

Историки заметили, что император Николай в свое царствование не доверял российскому дворянству и опасался его. 14 декабря, в добавление ко всему 18 веку, создали для этого веские причины.

Николай, отвергнув претензии дворянства на доминирование в обществе, первым среди послепетровских монархов начинает думать о том, что он государь всего народа. Перед ним стоит задача восстановления национального единства, рассеченного предыдущим столетием.

«Теперь, в 1825 году, власть должна была чувствовать прямую необходимость эмансипироваться от этого (дворянского) преобладания», – пишет С. Платонов.

Виселица, воздвигнутая на о-ве Голодай сразу для пяти аристократов, стала шоком для всего благородного сословия, привыкшего за почти что век дворянства к полной безнаказанности, которой не знала ни одна страна, за исключением Речи Посполитой. (В течение 85 лет российскому дворянину попасть на эшафот было почти что невозможно – в отличие от его коллеги из «передовой» Европы.)

После эпохи дворянства только монарх мог ограничить или отменить дворянские привилегии, и дворянство это чувствовало прекрасно. За внезапно возникшее чувство неустойчивости своего положения оно заплатило верховной власти отчуждением; теперь почти в каждой усадьбе сидело по «лишнему человеку».

Можно было бы ожидать, что прогресс образования, рост активности недворянских сословий, появление разночинной интеллигенции принесет правильный взгляд на противостояние Николая и декабристов. Ведь перед прогрессивно мыслящим разночинцем представляла ясная картина: столетие социального регресса увенчалось восстанием паразитов-землевладельцев, почувствовавших неблагоприятные для них социально-экономиче-

⁶⁵ Друзьям. – В кн: Пушкин А.С. Соч. в 3 томах. М. 1985, т. 1, с. 415.

ские изменения, и попытавшихся оседлать верховную власть, чтобы политически узаконить свое господство.

Легко мог ознакомиться прогрессивный разночинец и со взглядами замечательных русских умов на декабристский путч.

Достоевский назвал декабристов бунтующим барами и через персонажа «Бесов» написал: «...Бьюсь об заклад, что декабристы непременно освободили бы тотчас народ, но непременно без земли, за что им тотчас русский народ непременно свернул бы голову». И Тютчев дал свой приговор: «...Народ, чуждаясь вероломства, Забудет ваши имена...».

Народ-то забыл на второй день после подавления восстания, тем не менее дворянство, пользуясь своим господством в «пространстве смыслов» сумела навязать остальному обществу миф о декабристах, страдальцах за общее благо.

И как Курбский с Мазепой, представители реакционной феодальной знати, разбудили декабристов, так и декабристы, представители реакционной земельной аристократии, разбудили якобы прогрессивную российскую интеллигенцию. И хотя представителей этой разночинной образованщины господа декабристы и в переднюю бы не пустили, но преемственность идеологическая оформилась очень быстро.

Левые и правые интеллигенты быстро склевывали антигосударственное зерно декабристского мифа. Собственно левые и правые идеи оказались у российской интеллигенции лишь пестрым оперением, прикрывающим антинациональные рефлексy.

Вот уже почти два века российская интеллигенция с упорством, достойным лучшего применения, обсасывает солярный миф о светлых мучениках свободы, умученных и растерзанных темным самодержавием. Почти два века не прекращаются интеллигентные стенания об изощренно-жестокой расправе самодержавия над высокими умами, которые могли бы такое счастье учинить всей стране. И симпатизанты фаланстеров и сторонники трудовых армий при слове «декабристы» мгновенно поднимают свои шелковы бородушки масляны головушки и начинали кукарекать про свободу, раздавленную царизмом.

Все мнения и факты, не укладывающиеся в миф, будут «интеллигентно» вытапываться гуманитарным стадом. Попробовал бы кто-нибудь усомниться в том, что декабристы боролись за всеобщее счастье. При Николае I ему бы не подали руки, при Александре II не дали бы печататься, при Троцком поставили бы к стенке. Об истлевших костях сторонников самодержавия вряд ли вспомнит хоть один представитель «общественной совести».

Парадоксальным образом, российская гуманитарная голова навсегда стала обиталищем реакционно-романтической мысли, возносящей носителей социального регресса, будь то баре-декабристы начала 19 в. или Курбский с боярами середины 16 в.

Испытание на прочность. После декабристов – холера

Вторая четверть 19 в. начнется с необычайной засухи, охватившей всю европейскую Россию. Бездожие начиналось в мае и продолжалось до глубокой осени. Летние засухи сопровождались сильными зимними холодами. В Саратовской области зимой 1827-28 гг. во время бурана погибло свыше миллиона овец, почти 300 тыс. лошадей и 73,5 тыс. голов крупного рогатого скота.

За тяжелой зимой 1830 г. наступила холодная весна, посевы озимых и яровых развивались плохо, а потом пришла засуха. Был собран самый худший урожай за 30 лет. Уцелевший хлеб был поражен спорыньей, вызывавшую болезнь, что называлась в народе «злая корча».

Стихийные бедствия и эпидемии в аграрном обществе обычно тесно связаны.

Лето 1830 г. стало началом масштабного наступления холеры на Россию.

Была она занесена из британской Индии в Астрахань еще в 1827 г... В 1829 отмечались случаи холеры на Оренбургской линии. С начала 1830 г. она появилась на берегах Куры, и в июне пошла свирепствовать в Дагестане и Грузии. Из Астрахани холера, вместе с караванами судов, направилась вверх по Волге и вскоре добралась до Ярославля. По Тереку и Кубани она двинулась в Донскую область, Новороссию, Подолию и Бессарабию.⁶⁶

Для предотвращения прихода эпидемии в центр страны правительством были своевременно устроены карантинные пункты и кордоны из легкой кавалерии (преимущественно была задействована четвертая гусарская дивизия), сняты мосты, закрыты переправы.

Для сообщения московской губернии со смежными областями оставлены четыре пропускных пункта. Почтовый груз здесь обкуривался, сменялись и его сопровождающие. Приезжающие в Москву выдерживали 14-дневный карантин на обсервационных заставах.

Лето 1830 г. в Москве прошло в эпидемиологическом плане благополучно. Холера пришла туда в начале осени. 24 сентября в столичной «комиссии для пресечения холеры» было получено известие о начале эпидемии в Москве. В тот же день император выезжает в первопрестольную.

В своем дневнике поэт князь П. Вяземский написал: «Приезд Государя в Москву есть точно прекраснейшая черта. Тут есть не только небоязнь смерти, но есть и вдохновение, и преданность, и какое-то христианское и царское рыцарство, которое очень к лицу Владыке... Мы видели царей в сражении. Моро был убит при Александре, это нехорошо, но тут есть военная слава, есть *point d'honneur* (пер. достоинство), нося военный мундир и не скидывая его никогда, показать себя иногда военным лицом. Здесь нет никакого упоения, нет славолюбия, нет обязанности. Выезд царя из города, объятого заразой, был бы напротив естествен и не подлежал бы осуждению; следовательно, приезд Царя в таковой город есть точно подвиг героический. Тут уж не близ Царя – близ смерти, а близ народа – близ смерти».

В Кремлевском дворце императору становится плохо, но вскоре тревожные симптомы уходят. Однако умирает от холеры его личный лакей.

В Москве действует совет под председательством генерал-губернатора Голицына. Все случаи болезни должны быть освидетельствованы. В каждой из двадцати частей города устроено по больнице. Даже аристократы превращают свои дома в лечебницы.

К концу осени эпидемия ослабевает. В Москве погибает от холеры лишь каждый шестидесятый житель, в Астрахани каждый десятый.

Переждав зиму, на следующий год холера приходит в западные губернии, наносит удар по русской армии, воюющей с польскими мятежниками, захватывает прибалтийские провинции, потом движется на север.

⁶⁶ Устрялов, с. 123.

14 июля эпидемия достигает Петербурга. Вскоре там заболевает уже по 300–500 чел. в день, около половины заболевших умирает. В столице предпринимаются те же меры, что ранее в Москве. Повсеместно создаются лечебницы, император приказывает эвакуировать из города кадетов и оказывать срочную помощь осиротевшим и неимущим – им выдается пособие пищей и одеждой. В разгар эпидемии умирает до 600 петербуржцев в день.

В конце июля в холерном Петербурге начинаются волнения. На Сенной площади разгромлена лечебница для холерных больных и убиты ее доктора. Там собралось около 7 тыс. людей. Толпа распалена, доведена до истерики: «Врачи травят людей вместе с полицией, направляя здоровых в лечебницы.»⁶⁷ Император Николай идет в гущу толпы и останавливает бунт.

К концу августа эпидемия стала затихать, а в первых числах ноября прекратилась.

Холера и страшная засуха лета 1831 г. привели к бунтам в военных поселениях в Новгороде, затем в Старой Руссе. Бунты быстро подавлены, а военные поселенцы переведены в разряд «пахотных солдат», исполняющих рекрутскую повинность на общих основаниях, и фактически приравнены к государственным крестьянам. Мелочная регламентация их жизни отменена, зато расширены земельные наделы. Правительство оказало им существенную финансовую помощь для налаживания хозяйства, предоставило льготы для занятия торговлей.

К концу 1831 холера была остановлена и не пошла дальше в Европу.

И в последующие годы природа постоянно проверяла страну и государя на прочность.

В 1832 г. Россия страдала от засухи на огромном пространстве от Белого моря до Черного. Из-за пожаров выгорели гг. Тула, Кременчуг и Елизаветград. «Скотские падежи свирепствовали с необыкновенной жестокостью». Рано наступила стужа и выпал снег, собранный хлеб был поражен спорыньей. Хлеба собрали мало и в Западной Сибири.

В 1833 г. после весны с частыми заморозками и снегопадами наступила небывалая жара с «палящими ветрами». Засуха охватила всю южную и западную Россию. Масса людей ушла «из мест жительства на заработки». Правительство завозило иностранный хлеб даже в Новороссийский край.

После морозной зимы 1833–34 гг. наступила холодная весна с возвратами морозов, погубившими озимые. Поля пришлось перепахать и засеять яровыми.

А потом на все лето утвердилась засуха. Яровые посевы также, в основном, погибли.

Уцелевший хлеб был поражен спорыньей. От «испорченной гнилой воды» пошли «скотские падежи».

Студеные зимы, холодные весны и летние засухи повторились в 1835, 1838–1840 гг. В 1840 г. озимые хлеба «почти пропали от засухи», летом посевы истребляла саранча, а в середине июля температуры падали ниже нуля.

Засухи продолжались и во вторую половину 1840-х. Несчастливым образом, всё правление императора Николая I пришлось на период климатической неустойчивости, когда «наметился переход от малого ледникового периода к общему постепенному потеплению», этот переход и вызывал возрастание числа погодных экстремумов.⁶⁸

В 1840-х гг. и Западная Европа не собирает прежних богатых урожаев, а Ирландию поражает болезнь картофеля, бывшего почти единственным источником пропитания для обезземеленных ирландских крестьян. «В Ирландии народ тысячами валится и умирает на улицах.»⁶⁹ Вместо того, чтобы оказать помощь ирландцам – благо флот у Англии сильный и доставка зерна в ирландские порты не заняла бы много времени – Уайт-Холл поручает

⁶⁷ Русские мемуары, с.26

⁶⁸ Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М., 1988, с. 218.

⁶⁹ Журнал Министерства Внутренних Дел, 1847, ч.18, с.458.

передовой английской науке создать суррогат хлеба. Питательными они оказались только на бумаге.⁷⁰

⁷⁰ *Борисенков, с. 215*

Западный (польский) вопрос

Предыстория. Польский раздел Руси

От предыдущих этапов российской государственности император Николай I унаследовал два важнейших геополитических вопроса. «Восточный вопрос» – взаимодействие с кочевым миром азиатских степей, с государствами, созданными кочевниками. И «вопрос западный», взаимодействие с густонаселенной инновационной Европой, ищущей земли и другие ресурсы на Востоке – в первую очередь, с Польшей.

Само географическое положение русского государства, как одновременно и барьера и моста между Европой и Азией, между двумя мощными культурными ареалами, между двумя различными типами ландшафта и климата, предопределило его нелегкую судьбу. Как кусок металла оно находилось между европейским молотом и азиатской наковальней, пока (да позволит мне читатель продолжить метафору) не превратилось в меч разящий.

Позабыв об эпохе великого переселения народов, когда полчища всадников проходили от китайской стены до Рейна, Европа словно стремилась навстречу Азии, ломая находящееся между ними русское пространство. В некоторые эпохи на один мирный год для Московской Руси приходилось два военных, не в лучшем положении находились и другие русские земли. И золотой петушок едва успевал поворачиваться, показывая откуда идет новая рать.

Конечно, наше «общение» с Европой и Азией было далеко не всегда конфликтным, однако и характер мирных взаимоотношений определялся тем балансом сил, который сложился в военное время. В целом немирный характер жизни определил основные тенденции в развитии русского государства и даже повлиял на русский национальный характер...

Многовековой восточный вектор польского экспансионизма объясняется весьма просто – германский мир, лежащие к западу, северу и югу от Польши были сильнее ее, как в военном, так и хозяйственном отношении. Одно время молодой польской народности светила судьба совсем уж незавидная – исчезнуть, как исчезли многочисленные западно-славянские народы, жившие по Эльбе, Дунаю и Балтийскому морю и попавшие под каток немецкого «*Drang nach Osten*». Почти полтора века и на востоке перед поляками стояла огромная Киевская Русь с сильными князьями и могучими дружинами. «Пробное» вторжение польского короля Болеслава Храброго на русские земли имело все признаки последующей польской «восточной политики»: захват под флером «освобождения», с попыткой раскола элиты и замены у ней культурной идентичности. Но в то время ожидал поляков полный провал. Ничего не светило западным соседям даже в период удельного дробления Руси: «А литва из болота на свет не показывалась».

Но в середине 13 века Фортуна повернулась к полякам передом.

В результате монгольского нашествия к востоку от Польши оказалась геополитическая дыра, слабо заселенная и плохо защищенная территория, с разобщенными князьями, жадными боярами и потрепанными дружинами. Завидуя глазами западных наблюдателей открывалась земля «велика и обильна», однако с погибшими городами и костями человеческими, лежащими в полях.

Настало время и литве вылезти из болота. Литовцы начинают завоевание Поднепровья, на первых порах грабительством и насилиями мало отличаясь от азиатских «гостей». При Воишелке и его приемниках литовцы занимают большую часть Белой Руси. В 1320 г. литовский великий князь Гедимин начинает завоевание Волыни, годом позже он разбивает западнорусских князей, киевского, брянских, переяславского, волынского, на р. Ирпень, и берет после двухмесячной осады Киев. Его сын Ольгерд довершает захват Белой Руси.

Польские властители, скормливающие немецким феодалам славянские и балтские земли, сами начинают свой многовековой натиск на Восток.

В 1340-х гг. король Казимир III, потерпев очередное поражение от прусских немцев, в ходе двух походов полностью овладевает Галицкой Русью. И, очевидно, за это деяние получает классное прозвище «Великий». Захватит он также часть Волыни. Эти земли под именем Воеводства Русского будут отнесены к Малой Польше. Литва же распухнет, как на дрожжах, за счет оставшейся части Волыни, Подолии, Киевских и Черниговских земель.

Со второй половины 14 в. Литва обращает внимание на земли, которые потом назовут «великорусскими». Вслед за брянскими землями в ее руки переходит большая часть смоленско-московской возвышенности. И здесь разорения и жестокостей было от нее не меньше, чем от татар. Псковитяне отбиваются от Литвы из последних сил, Новгород едва откупается.

Литовские владения, переползшие на левый берег Днепра, вклиниваются в Дикое поле. Вдоль Буга и Днепра выходят литовские кони к Черному морю. После дробления Золотой Орды литовцы влияют на политику ее наследников, союзничают с ханами Большой Орды, с казанским ханством, фактически создают крымское ханство.

Из «ничего» получается великое «что-то»; за счет чужой беды в первой половине 15 в. Литва становится крупнейшей по размерам державой Европы, и перспективы у нее замечательные. Она контролирует балто-черноморский путь, ей принадлежат плодородные земли по Днепру. Уже почти повсюду встала Литва на место древнерусского государства. Что, по сравнению с ней какая-то залесная Москва, окопавшаяся в неплодородном суглинке между Окой и Северной Волгой и регулярно разоряемая татарами.

Как маркитантка идет за солдатом, так и Польша за Литвой, соблазняет ее прелестями цивилизации, польскими золотыми яблочками: удобными жилищами, балами и спектаклями, красиво одетыми женщинами. Литве, еще недавно сидевшей в болоте, нечего противопоставить Польше, болтающей на латинском языке и читающей Плавта с Теренцием; влияние Москвы ничтожно, где-то за морем погибает Византия, ограбленная и униженная латинянами. И литовский воин меняет звериную шкуру на камзол и штаны с гульфиком, а медвежьи пляски вокруг костра на краковяк и минуэт.

Польша могла подарить литовской элите нечто большее, чем культура, она давала идеологию господства, замаскированную под «шляхетские вольности». Литовская знать будет теперь полонизироваться, шаг за шагом получая сомнительные дары в виде шляхетский привилегий, западнорусское крестьянство все более закабалиться.

На самом деле, польская «золота вольность» (*złota wolność*), соблазнившая литовскую элиту, была выражением слабости польского государства, отказавшегося от борьбы с серьезным противником на западе. Польская элита, уходящая на опустевший восток, не нуждалась в сильном государстве для обеспечения своего господства, и целиком присваивала прибавочный продукт, создаваемый покорным населением. Кошицкий привилей освободил шляхту от всех государственных повинностей, а согласно Радомской конституции» король не имел права издавать какие-либо законы без согласия аристократического сената.

Если посмотреть на многовековые изменения политической карты Европы в режиме ускоренного просмотра, то мы увидим переползание шляхетской Польши, как огромного слизняка, с запада на восток, и что особо удивительно, происходило это почти что без военных побед.

«Польша не выполнила своей задачи, отступила пред напором, отдала свои области – Силезию, Померанию – на онемечение, призвала тевтонских рыцарей для онемечения Пруссии; но, отступивши на западе, она ринулась на восток, воспользовавшись ослаблением

Руси от погрома татарского: она захватила Галич и посредством Литвы западные русские земли...»⁷¹

Процесс ополячивания Литвы ускорился после Городельского сейма 1413 г, который принял решение, что лишь литовская католическая знать приравнивается в правах к польской шляхте.

По смерти Витовта, поляки и литовцы-католики начинают борьбу против православного литовского князя Свидригайло, которого поддержало русское население великого княжества. В августе 1434 под Вилькомиром литовцы-католики, поляки и их немецкие вассалы наголову разгромили православное войско. Десять русских князей было убито, а сорок вместе с киевским митрополитом взято в плен. Победитель Сигизмунд провел массовые репрессии против православной знати. По сообщению «Хроники Быховца» «хватал их и совершал над ними страшные жестокости, карал их невинно, убивал и мучил их так, как только мог придумать, и поступал так со всеми князьями и панями и со всем шляхетским сословием всех земель литовских, русских и жемайтских... всеми этими своими злыми поступками он равнялся Антиоху Сирийскому и Ироду Иерусалимскому и предку своему великому князю литовскому Тройдену.» После такого разгрома русская аристократия Литвы уже не будет оказывать серьезного сопротивления натиску католической Польшы.

Но неожиданно Литве становится плохо. Ее изнеможение кажется парадоксальным – ведь у нее все козыри на руках, она имеет плодородные почвы, выходы к морям, трансевропейские торговые пути. Однако она слабеет прямо пропорционально тому, как ею овладевает Польша.

Польско-литовские правители ищут союзников для борьбы с Москвой на Востоке. Начинается многовековой антироссийский флирт христианских королей с ханами-султанами. Польско-литовская власть и крымцы заключают в 16 в. пять договоров, направленных против России, два антимосковских договора были заключены с османами. Набеговая активность азиатов будет поощряться деньгами. За разорительнейший набег на Москву в 1521 г. король Сигизмунд I заплатил крымскому хану Магмет-Гирею 15 тыс. червонцев. В годы Стародубской войны Сигизмунд I платит крымцам за набеги на Россию по 7500 червонцев ежегодно и на такую же сумму посылает сукна. Города, для покрытия крымских расходов короля, облагаются податью, именуемой «ордынщиной». После заключенного в 1562 г. соглашения между Сигизмундом II и крымцами происходит двенадцать крупных крымских набегов на Московскую Русь. Однако азиатские «союзники» не забудут грабить и Польшу с Литвой. Михалон Литвин сообщает о малом количестве побегов пленных литвинов из крымской неволи, по сравнению с московскими пленниками – крымское рабство выглядело для литовского простолюдина не хуже, чем жизнь под властью шляхты.

Характерной особенностью польского хозяйства было с 15 в. господство барщинной системы, пришедшей в рамках «второго издания крепостного права» (по Марксу) или «вторичного крепостничества» (по Броделю). Господское хозяйство (фольварк) ориентировалось на производство товарного хлеба и другого сельскохозяйственного сырья для внешнего рынка. На рубеже 15 и 16 в. закрепощение крестьян в Польше и Литве шло быстрыми темпами, «золотая вольность» получала материальное обеспечение в виде принудительного дармового труда крестьян.

С 1503 крестьянин мог выйти исключительно с разрешения господина – это, фактически, год введения крепостного права в Польше. С 1543 крестьяне окончательно прикреплены к земле и пану – на основах частно-правовых. Работа на барщине (панщине) увеличивается, доходит до 5–6 дней в неделю. В конце концов, многие господа отнимают наделы у своих крестьян и выдают им за постоянную работу в своем хозяйстве «месячину», своего

⁷¹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М. 1993-98 т. XXVI.

рода концлагерную пайку. Невыход на работу, как и в концлагере, карается смертью. «Народ жалок и угнетен тяжелым рабством, – пишет о Польше имперский посол Герберштейн. – Ибо, если кто в сопровождении толпы слуг входит в жилище поселянина, то ему можно безнаказанно творить все, что угодно, грабить и избивать». «Если шляхтич убьет хлопа, то говорит, что убил собаку, ибо шляхта считает кметов за собак», – свидетельствует писатель 16 в. Анджей Моджевский на хорошем латинском языке.⁷²

И это ли «нация свободных людей», как пишут в польских книгах по истории, а вслед за тем повторяют наши историки и энциклопедии по всему миру? Это ли образец для подражания, которым надо шпынять «авторитарную» Москву?

Вместе с укреплением власти над крестьянами, шляхта все более стесняет развитие других общественных сил.

Пётрковский статут и привилея короля Александра дают шляхте право на беспошлинный вывоз сельскохозяйственной продукции. Шляхта начинает самостоятельно выступать на внешнем рынке, продавая ганзейцам и прочим европейским купцам сырье, покупая у них предметы роскоши. Она получает и исключительное право на производство и продажу спиртных напитков, чем пользуется для спаивания своих холопов. Мещанам (городским буржуа) запрещено покупать у шляхты землю, а вскоре они вынуждены отдать свои участки вне городов. Сейм 1565 г. воспрещает польским мещанам вывоз товаров за границу, зато предоставляет чужеземным купцам беспошлинный ввоз. В результате таких «новаций» начинается длительный упадок польских городов.

Экономически над Польшей и Литвой господствуют ганзейские города на Балтике (Любек, Штеттин, Данциг, Рига); иноземные торговые корпорации оперируют на всех транспортных коммуникациях – Одре, Висле, Немане, Западной Двине, контролируя товарные и финансовые потоки.

Польское хозяйство окончательно приобретает характер сырьевого придатка бурно растущего западно-европейского рынка – это требует постоянных захватов земель и крепостных душ.

А дела на юге, севере и западе у поляков идут всё хуже. Габсбурги вытесняют польскую корону из Дунайского бассейна. Власть Польши над Пруссией становится практически номинальной. Турки забирают Молдавию, прежде вассальную Польше, отнимают у нее выход к Черному Морю.

Нарастает конфликт между мелкопоместной шляхтой, все более зависимой от ростовщического капитала и страдающей от татарских набегов, и крупными землевладельцами-магнатами. Это содействует распространению в Польше реформационных учений – лютеранства, кальвинизма, социнианства, приходящих из Пруссии. К середине 16 в. Польша стоит на пороге религиозной войны, похожей на ту, что терзала Францию, поэтому верховная власть и католическая церковь пытаются сплотить обе слоя знати, направив их интересы на Восток.

Люблинская Уния 1569 была польским ответом русскому простонародью Литвы. О том, что литовско-русское простонародье было на стороне московского «тирана васьевича» свидетельствуют и западно-европейские наблюдатели. В частности отец-иезуит Антонио Поссевино сообщает по результатам своей миссии в Речь Посполиту: «найденно, что жители этих областей (Западная Русь), по приверженности к своим единоверцам-москалям, публично молятся о даровании им победы над поляками».⁷³

В результате Люблинской унии, те русские земли, которые находились в составе Литвы были переданы польской короне – Воынь, Подлясье, Гродненщина, Киевщина, остаток

⁷² *Modrzewski Andrzej Fricz. Commentariorum De Republica emendanda libri quinque. Basileae, 1554, p.15–16.*

⁷³ *Воейков, с.389.*

Подолии, чернигово-северские земли. Как пишет С. Соловьев: «Соединение последовало явно в ущерб Литве, которая должна была уступить Польше Подляхию, Волынь и княжество Киевское». Собственно и Унией называть этот был аншлюс неправомерно. Литва, как большое и самостоятельное европейское государство, самоликвидировалась. Литовская знать продала родину в обмен на западные гарантии сохранения ее материального и социального статуса.

Уния 1569 г. несла тяжелые последствия для положения западнорусского крестьянства и православной церкви, для культуры и языка Западной Руси.

Польское иго на Западной Руси почти столько же, сколько османское иго на Балканах, сопровождалось не меньшими усилиями по изменению религиозной, культурной и национальной идентичности покоренного населения.

С восшествием на польский престол Стефана Батория, турецкого ставленника из османской Трансильвании, польско-литовская «шляхетская республика» перейдет к жестокой и непреклонной политике полонизации и окатоличивания Западной Руси.

Турецкий посаженник начнет свое правление с казни казацких «лыцарей», насоливших Османской державе. Обильно снабженный деньгами, как со стороны немецких правителей, так и стороны Порты, король наймет большую армию нового типа, и проведет три похода на Русь, с прицелом на Москву. Правда, деньги, а вместе с тем и наступательный порыв немецких наемников, кончатся во время длительной осады Пскова.

Баторий вводит практику назначения православных епископов – среди них появляются скрытые католики. Паны сами ставят приходских священников в своих имениях, иногда это даже без рукоположения в сан.⁷⁴ Это так называемое «право патроната» на практике выливалось в вымогание денег у кандидатов на приход. Православные церкви стали в руках пана или арендатора имения доходным объектом, за каждое богослужение или священнодействие прихожане должны были платить.⁷⁵

Иезуиты наводняют западно-русский край и начинают захватывать православные храмы. В двадцати западно-русских городах иезуиты основывают свои училища, виленская иезуитская коллегия обращается в академию. При церквях основывают иезуитские братства, про соборах иезуитские миссии.

В самой Польше иезуиты будут подчинять университеты и сжигать неугодные книги, раздувать антисемитизм и ненависть к другим конфессиям.

Сыновья могущественных магнатов, православных и кальвинистов (Чарторыйских, Радзивиллов) совращаются иезуитами в католичество. В 1598 г. пятьдесят восемь высоко-родных литовско-русских вельмож (Тышкевичи, Збаражские и др.) заявляют о принятии католичества. Окатоличившиеся землевладельцы вместе с агрессивным католическим клиром усиленно размножают на западнорусских землях костелы и кляшторы (монастыри). Род могущественных Острожских, окатоличившись, передает ксендзам православные храмы во всех своих обширных владениях – только на Волыни им принадлежало 25 городов, 10 местечек и 670 селений. К числу новых католиков относились и сыновья беглого «диссидента» А. Курбского.

Мелкая западнорусская шляхта вознаграждалась за переход в латинство чинами и должностями, разнообразными возможностями кормиться от населения. Начиная с 1649 г. православных больше не допускали в Сенат, к государственным должностям любого уровня.

После отхода от православия могущественных литовско-русских фамилий начнется настоящий крестовый поход на народное православие, которое поведут под конвоем к Унии с католичеством.

⁷⁴ Там же, с.385.

⁷⁵ Батюшков П.Н. Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-западного края. СПб, 1889, с. 288.

Иезуит А. Поссевино выработал план Унии. Иезуит П. Скарга, издавший книгу «О единстве церкви», стал ее непосредственным организатором. Король Сигизмунд III вошел в сношения с некоторыми западнорусскими православными иерархами, которые тоже желали «вольностей», то есть освобождения от опеки мирян и равных привилегий с католическим духовенством. На Брестском соборе 1596, где присутствовала малая часть православных епископов, была провозглашено объединение с католической церковью.⁷⁶ Но как такового объединения не произошло. Состоялся лишь переход в Унию нескольких церковных иерархов из числа скрытых католиков, назначенцев польской власти. Новая униатская иерархия получила некоторые привилегии латинского духовенства, и большие имения, светские и духовные, избавилась от контроля паствы. Теперь уже униатские иерархи вроде митрополита И. Кунцевича в классическом католическом стиле истязали и заключали в темницы православных священников, брили им головы и бороды, изгоняли из приходов, непокорных сдавали светским властям на казнь, как бунтовщиков. Развлекалась в своих имениях и скупающая шляхта, принуждая православных священников к Унии – им рубили пальцы, языки, подвешивали на шесты, заставляли есть сено.⁷⁷

Униатское высшее духовенство стало пополняться за счет воспитанников иезуитских коллегий. Епископы выходили из числа послушников базилианского ордена, формально униатского, фактически католического. Монахи-базилиане были боевым авангардом Унии – специализируясь на захвате православных монастырей, убийстве и изгнании православных монахов. Большинство из захваченных монастырей в короткий срок приходило в запустение. К этому времени относится исчезновение огромного числа русских культурных ценностей, летописей и культовых сооружений – так погибло историческое наследие Древней Руси. С православных церквей сбрасывались колокола, православным запрещались любые публичные церемонии, крещение, венчание, исповедь, похороны. Доходило до того, что униаты разрушали православные кладбища, выбрасывая останки из могил как мусор. Вильна, Полоцк, Витебск первыми лишились всех православных церквей, священники пробовали служить в шалашах, но и там на них шла охота. Доведенные жители Витебска убили митрополита Кунцевича, за что королевская комиссия осудила здесь на смерть более ста человек.

В 19 в. у униатов найдется столько сочувствующих в Европе и России, которые будут переживать за ущемления их прав «царским самодержавием», но в 17 в. униатские вожди и стоявшие за ними польские власти творили зло безнаказанно, умело, с огоньком, и без каких либо информационных последствий...

Уже первое поколение шляхты, воспитанное в иезуитских школах, было «насквозь пропитано духом нетерпимости к другим некаатолическим вероисповеданиям, заражено иезуитским нравовучением, позволяющим всякие, даже безнравственные сделки ради блага католичества, и обучено всяким хитросплетениям и пустым словоизвитиям для сокрытия истины и правды»⁷⁸ Фирменным знаком внутренней и внешней политики Польши становятся коварство и обман.

Вслед за коронными чиновниками на восточные территории устремились польские колонизаторы всех мастей. Благородное сословие западнорусского края быстро размывалось за счет огромного числа разночинного сброда, пришедшего с запада. Здесь ему было легко войти в шляхетство. Основная масса новых шляхтичей, созданных произволением магнатов, по сути своей оставались все той же дворней, откупщиками, мытарями, корчмарями, призванными обслуживать потребности хозяев. Они служили магнату в его наездах, набеггах и походах, входили в его частную армию, составляли ему клаку на сеймиках. Прежние

⁷⁶ Там же, с. 188, 189.

⁷⁷ Там же, с. 288.

⁷⁸ Там же, с. 266.

хозяева не теряли над ними своей господской власти, «сохраняя за собой обычное право даже их сечь, под одним лишь условием: сечь не иначе, как разложив на ковре, в отличие от холопов.»⁷⁹

Местная знать перенимало от поляков не только язык и религию, но и отношение к крестьянскому кормящему классу, как к рабам, должным обслуживать любые прихоти пана. Паны нередко передавали свои имения на откуп арендаторам и жили в крепких замках, защищающих их от татарских стрел. Михалон Литвин оставил любопытные описания панского быта – шляхта проводила время в попойках и пирушках, пока татары вязали людей по деревням и гнали их в Крым. (Есть немало фундаментальных трудов на тему, как «несвобода» погубила блестящую Испанию. Однако то, как «свобода» погубила блестящую Польшу и довела до состояния куда более плачевного, чем пиренейская монархия, еще ждет своего фундаментального исследователя.)

В начале 17 в. крестьянские побеги достигли громадных размеров. Крестьяне Польши, Волыни, Подолии, воеводства русского и белзского бежали на левый берег Днепра, и дальше в московские владения на Северском Донце, фактически дав начало заселению обширного региона, который в будущем назовут Восточной Украиной.⁸⁰ Вместе с простым людом уходили православные книжники. Западная Русь осталась без образованных русских людей. Польский язык полностью овладел администрацией и судом. Русская речь сохранилась лишь у простонародья, крепостного крестьянства, все более теряющего грамотность. Естественно, что язык, лишенный литературной нормы, начинает свободно мутировать, насыщаться лексикой господствующего класса – то есть поляков. Здесь корни возникновения «мовы».

В тех районах, где Уния сделала свое дело по искоренению православия, самих униатов стали загонять в католичество. Теперь уже униатских попов заставляли отбывать крестьянские повинности и платить подать ближайшему ксендзу. Теперь униатов насильно сгоняли на католические проповеди, секли розгами и жгли огнем за неповиновение.⁸¹

В 17 в. польская «дворянская республика» представляет собой редкий образчик государства, которое ведет экспансионистскую и ассимиляционную политику, будучи поражено социальным гниением и хозяйственным упадком.

И этот «живой труп» станет еще причиной гибели миллионов людей в Восточной Европе. Польско-литовская интервенция времен московской Смуты приведет к тотальному разорению Московской Руси. На треть уменьшится население и Речи Посполитой во время кровавых событий середины 17 в. Народ выступит против панского гнета, казачья старшина использует энергию народного взрыва, чтобы зажить по-шляхетски. Обе противоборствующие стороны действуют беспредельно жестоко. Резня будет остановлена только с приходом московских войск – нерешительного царя Алексея подтолкнуло решение Земского собора 1654 г.

Переяславская рада воссоединяла с Россией не только западно-русский народ, но еще переводила в российское подданство казачью старшину, коварную и двуличную, изрядно уже поварившуюся в «шляхетской республике». Казачья старшина владела деревнями и заставляла работать на себя крестьян и рядовых казаков. Лишь шляхетская экспансия на восток заставила ее выступить против польской власти – любой мог обнаружить, что, оказывается, живет на земле какого-нибудь польского шляхтича, владеющей ею на основании «безупречных» юридических документов.

⁷⁹ Морачевский. Польские древности, т. I, с. 243. – В кн: Архив Юго-Западной России, Ч. 4. Киев, 1867, с. VII–VIII.

⁸⁰ Батюшков П.Н. Волынь Исторические судьбы Юго-западного края. СПб, 1888, с.118–119.

⁸¹ Коялович М. О. История воссоединения западнорусских униатов старых времен, СПб, 1873, с. 21.

Казацкая старшина породила плеяду гетманов-предателей, благодаря которым Правобережье Днепра еще несколько десятилетий терзалось поляками, татарами и турками. Это вызвало новое масштабное переселение малорусского населения на левый московский берег Днепра.

Отпадение левобережья Днепра ничему не научило «шляхетскую республику».

В 1676 г. Сейм под страхом смертной казни запретил членам православных духовных братств выезжать за границу, что в Москву, что в Константинополь. Началось вымирание православного клира, которому негде было получать посвящение.⁸² Следы греческого вероисповедания последовательно устранялись из униатской церкви. Униатский Замойский собор отменил многие православные обряды, придал священникам внешний вид ксендзов.

Униатские священники шли на восток, к Днепру, здесь они совершали рейды на православные села вместе отрядами шляхты, непременно захватывая с собой орудия казни. Борьба против православия окончательно обрело форму государственного террора. На правобережье Днепра к началу 18 в. не осталось ни одной православной епархии.⁸³

Православные были лишены права занимать какие-либо места в местной администрации; постановление сейма даже запретило им занятие выборных магистратских должностей. От православного мещанства, и так уже потрепанного засилием привилегированного иноземного купечества, вскоре мало что осталось, верхушка полонизировалась, остальные превратились в «подлый люд». В некоторых городах, например Каменце, православные вообще не имели права на проживание.

Постановлением сейма от 1712 г. канцлерам запрещалось прикладывать государственную печать к любому акту, если он прямо или косвенно содержало выгоду для лиц некаатолического вероисповедания.⁸⁴

Католические монахи, шляхта и студенты из иезуитских школ время от времени устраивали погромы в оставшихся православных приходах. Так в феврале 1722, в Пинске, когда канцлер Вишневецкий выдавал замуж сразу двух своих дочерей, разгулявшиеся гости забавлялись тем, что оскверняли православные храмы, мучили священников и жгли церковные книги.⁸⁵

В 1710-1720-х гг. случился новый массовый исход малорусов на российский берег Днепра. Вместе с крестьянами и казаками мигрировала и казачья старшина, она становится малороссийским дворянством.

В анархии, наступившей после смерти короля Августа II, сейм принимал совсем уже беспредельные акты против иноверцев.

Закон запрещал православным иметь колокола на церквях. Крещение, брак, похороны разрешалось совершать только с разрешения ксендза, за установленную последним плату. Похороны могли проходить лишь ночью. Дети, рожденные от смешанных браков, обязаны были принять католичество.⁸⁶ На сейме 1764 постановлено было карать смертью тех, кто перейдет из католичества в другое вероисповедание. Любая попытка остановить насильственное обращение в Унию или захват православной церкви каралась с примерной жестокостью.⁸⁷

Православное крестьянство отвечало на религиозный гнет и экономическое угнетение – как могло, уходом в разбойники-гайдамаки. «Форпост Европы» никак не был затронут

⁸² Батюшков. Белоруссия и Литва, с.276.

⁸³ Коялович, с.4.

⁸⁴ Архив юго-западной России, с. IV.

⁸⁵ Батюшков, 281.

⁸⁶ Архив юго-западной России, с. V.

⁸⁷ Батюшков, с. 280, 286

«духом просвещения», судя по таким сценам: «Для войскового судьи и палача открылось новое поприще допросов и пыток. Нескольких оставшихся в живых гайдамак четвертовали они на месте, или посадили на кол, а одному переломали руки и голени и потом повесили, зацепив железным крюком за ребро, так как он признался в самых ужасных преступлениях... руки и ноги казненных развезены по городам и большим дорогам.»⁸⁸

В 1766 краковский епископ Солтык (конечно же, ставший героем Польши) добился от сейма признания врагом отечества всякого, кто осмелится выступить в пользу диссидентов – то есть, православных и протестантов, борющихся за свободу вероисповедания.⁸⁹

Летом того же года официал униатской метрополии Мокрицкий был направлен для принятия карательных мер против православных Малороссии, препятствующих Унии.

Вместе с ним было послано войско под началом пана Воронича. Православных священников и монахов, свозимых в г. Радомысль, забивали палками, назначая до 800 ударов. Истязания шли изо дня в день. Карательные команды сжигали упорствующих православных по обвинениям в святотатстве.⁹⁰

В ответ в Торуне и Слуцке были созданы повстанческие конфедерации, которые требовали религиозного равноправия и обратились за помощью к России и протестантским державам. Русский отряд, посланный к Радомысли, прекратил работу тамошнего истязательного центра.⁹¹

Сейм 1768 под прямым воздействием русского посла Репнина, отнял у панов право господствовать над жизнью и смертью своих крестьян. Отныне крестьян должны были судить общим для всех судом, а не домашним судом господина. За убийство своего хлопа шляхтич стал нести ответственность перед законом. Была ограничена и такая панская «вольность», как наезды и налеты друг на друга. Россия выступала гарантом установления порядка. Так что единственно страхом перед русским штыком Польша была обязана некоторому вразумлению и упорядочиванию общественной жизни.⁹²

Но для борьбы с этими решениями была созвана шляхетская Барская конфедерация (слово «барский» в данном случае происходит от городка Бар, но, как известно, Бог шельму метит). К ополчению этой конфедерации присоединилось и карательное войско Воронича, стоящее в Белой Церкви. На службу ей пытались призвать и панских (надворных) казаков. Это привело к началу Колеевщины, жестокого гайдамацкого бунта. Панские казаки рассыпались по правобережью Днепра южнее Белой Церкви, грабили и убивали. Одна только уманская резня стоила жизни 20 тыс. евреев. Когда гайдамацкие зверства стали известны русскому послу в Варшаве, киевскому губернатору Воейкову и командующему русской пограничной армией Румянцеву, то отряд полковника Кречетникова, ранее боровшиеся с Барской конфедерацией, получил указание подавить бунт.

Таким образом, хотя гайдамацкое движение было выгодно России, ибо разрушало до основания структуры польской власти на Украине, русские власти усмотрели в гайдамаков не ревнителей православия, а разбойников. Думаю, любое европейское правительство, напротив, с радостью бы воспользовалось антигосударственным движением, действующим против врага.

⁸⁸ Рассказ современника-поляка о походах против гайдамак // Записки о Южной Руси. Т. 2. СПб. 1857.

⁸⁹ Воейков, с. 589

⁹⁰ Коялович, с. 47, 53.

⁹¹ Там же, с. 77.

⁹² Батюшков, с. 307.

С июня по август 1768 русские силы переловили около 2 тыс. гайдамаков, которые были затем переданы польской стороне. Там их, естественно, казнили всеми мучительными способами, которые тогда были известны «нации свободных людей».⁹³

После подавления гайдамацкого бунта, униатские миссионеры снова двинулись к Днепру, а Барская конфедерация объявила смерть всякому православному подданому Польши, имеющего связь с Россией. Однако к 1772 г. ее силы были, в основном, разбиты русскими отрядами и польскими коронными войсками.⁹⁴

Результат действия «золотой вольности» был налицо. К концу 18 века Польша представляла собой унылый компот их политического хаоса и хозяйственной разрухи.

Государство это имело столь отталкивающую агонию, что вряд ли кто из современников стал бы ставить его в пример, как образец всяческих свобод. Современники говорили: «Чем дальше в Польшу, тем разбоя больше».

Однако агония забылась, а ложь осталась. Не сгнивший труп Речи Посполитой, а набор блестящих мифов о польской свободе будет оказывать воздействие на воображение, как польских националистов, так и западных сил в самой России.

«Раздел Польши»

Инициаторами «разделов Польши» были Пруссия и Австрия. Россия вела в это время тяжелые войны против Османской империи, которую поддерживала Франция. Французские офицеры командовали антироссийскими шляхетскими конфедерациями. Фактически Польша становилась вторым фронтом русско-турецких войн. Пруссия и Австрия напрямую связывали свой дружественный нейтралитет по отношению к России с территориальными приобретениями в Польше.

Уже первый «раздел» Речи Посполитой показал, что аппетиты у немцев хорошие... Пруссия, согласно мыслям екатерининских дипломатов, являлась лучшим другом России и даже входила, вместе с ней и Англией в гипотетический Северный союз. Поэтому было решено ни в чем ей не отказывать. (Видимо, сыграли роль крупные субсидии, которую получала Екатерина от прусской союзницы, Англии, еще будучи принцессой.) Пруссии досталось всё, что она хотела – балтийское побережье Речи Посполитой. Восточно-прусские и германские владения Гогенцоллернов были соединены воедино. Пруссаки забрали под свой контроль 80 % польского внешнеторгового оборота и немедленно ввели высокие таможенные сборы. Это сделало неизбежным хозяйственный крах польского государства.

Возвращение западнорусских земель для Екатерины II и екатерининской аристократии не имело тех четких национальных оснований, какие были у московских правителей 16–17 вв. Ее не особо интересовало восстановление единства русского народа, титул «государыня всея Руси» мало что ей говорил, в отличие от Рюриковичей. Империя для Екатерины являлась властью мультиэтнической дворянской корпорации, куда польские аристократы включались также легко, как и остзейские бароны. Однако императрица обладала геополитическим чутьем и понимала, что клинья балтийских и черноморских владений, если их не подкрепить западно-русской арматурой, могут быть легко потеряны под ударом любой сильной западной державы.

Вынужденным образом петербургской монархии все же пришлось встать на путь «собирания русских земель» и вернуть России земли, отторгнутые у нее веками польско-литовской экспансии.

⁹³ Коялович, с. 103.

⁹⁴ Там же, с. 105, 113.

Последующие два «раздела Польши» были опять спровоцированы Пруссией и Австрией, в то время как Россия оказалась вовлечена в новую тяжелую войну против Турецкой империи. Австрия даже угрожала, в случае неполучения территориальных «подарков», перейти в лагерь врагов России. Сыграло свою роль и усиление польских репрессий против православных.

В 1788 г. в Польше начались повсеместные расправы над православными и даже униатами, а также мелкими торговцами из России (коробейниками-офенями), которых выдавали за царских агентов, подстрекавших православное простонародье к бунту. На Подолии, Волыни, в Белоруссии шли казни и бессудные убийства православных жителей. Сейм снова узаконил неравноправие православных с католиками и начал набирать войско, которое должно было участвовать в войне против России. Против антироссийского сейма поднялась прорусская тарговицкая конфедерация.

«Третий раздел» последовал за восстанием очередной шляхетской конфедерации в начале 1794. Русские части, находившиеся по соглашению с польским королем в Варшаве и в Вильно, были вырезаны повстанцами, находящимися под командование генерала Т. Костюшко. По его приказу беспощадно истреблялись и «изменники» – поляки, настроенные дружественно к России.⁹⁵ (Император Александр простит вождя головорезов, а в послереволюционное время его имя начнут у нас давать улицам и дивизиям.)

Русские войска под командованием Кнорринга взяли Вильну, а Суворов, наголову разгромив повстанцев, вступил в Варшаву. Черноморский атаман Чепега, находившийся в суворовских войсках отписал в письме к одному из своих знакомых: «Поход в Польшу был – слава Вседержителю нашему Богу – благополучный. Корпус наш, под начальством генерала Дерфельдена, шел до Слонима, и мы, бывши с польскими мятежниками на восьми сражениях, гнали их, як зайцев, аж до самой Праги, что насупротив столичного города Варшавы; и тут уже, по соединении с батьком, графом Александром Васильевичем, доклали их воза и всех неприятелей, в Праге бывших, выкосили, а решту вытопили в Висле. Тут их наклали так, як мосту; на Варшаву ж як взяли с гармат стрелять, то вона зараз и сдалася.»

При всех трех «разделах Польши» 1772–1795 гг. Россия не взяла ни одной области с существенным польским населением, ни одной области, где оно было коренным. Императрица отказалась от предложенной ей польской короны со словами: «Я не взяла ни одной пяди польской земли, а только свое исконно русское».⁹⁶ Этническая польская территория была разделена пруссаками и австрийцами. Самые богатые польские земли оказались у Габсбургов, самые населенные у Гогенцоллернов. Австрия прихватила и земли Речи Посполитой, населенные русскими – большую часть Галицкой Руси. В руках у пруссаков оказался варшавский регион, «подпиравший» с юга Восточную Пруссию, также часть белорусского Полесья, Белостокский уезд.

Наиболее рьяные польские националисты ушли на запад, во Францию. Сформированные из них легионы погибли от тропических болезней и пуль чернокожих повстанцев во французской заморской колонии, Санто-Доминго. Лучшей роли, чем роли пушечного мяса, поляки от боготворимого ими Запада так и не добились. Не добьются и впоследствии.

На польских землях, доставшихся Пруссии и Австрии, будут введены законы метрополии, немецкие школы, обязательный немецкий язык в официальной и образовательной сфере; значительное часть имений польской знати будет отобрано в пользу новых господ.

На территории Речи Посполитой, присоединенной к России, продолжали действовать прежние законы, в том числе Литовский статут в версии 1588 года. Екатерина объявила через

⁹⁵ Батюшков, с. 309, 312.

⁹⁶ Ковалевский П.Е. Исторический путь России. – В кн.: История и историография России. Из научного наследия русского зарубежья. М.: Русский мир, 2006, с.503.

губернаторов, что для новых подданных подтверждается право на владение всем их имуществом. Польская аристократия сохранила все свои обширные земельные владения.

Экономическое могущество польской знати на возвращенных землях по-прежнему дополнялось польским культурным и языковым гнетом, засильем чиновников-поляков.

Получалось, что российское правительство, приняв западнорусский край, легализовало результаты того насилия, которое вершилось здесь польскими властями на протяжении нескольких веков. Русская реконкиста фактически завершилась фарсом.

Вдохновленные терпимостью российской власти польская шляхта и католический клир продолжили свою прежнюю колониционную деятельность. Несколько поумерив свой напор на православных, они вплотную занялись окатоличиванием униатов.

В Петербурге греко-католический департамент был подчинен римско-католической коллегии, возглавляемой польским иезуитом. В Западном крае учреждалось шесть новых католических епархий. Униатские священники переходили в католичество, боясь потерять место, того же требовали и от прихожан. Только в одной Полоцкой униатской епархии перешло в католики в 1803 г. до 100 тыс. чел.⁹⁷

В том же году, при учреждении в России министерства народного просвещения, польский князь А. Чарторыйский (в будущем вождь восстания 1830-31) назначен попечителем Виленского учебного округа, покрывавшего огромную территорию – Литву, Белоруссию, большую часть Малороссии, включая Киевскую губернию. Виленская иезуитская академия преобразовывается в университет – единственный на территории округа. (Пречистенская церковь, где похоронена Елена, дочь Ивана III и супруга великого литовского князя, превращена в анатомический театр при университете.) В округе созданы десятки средних учебных заведений, подчинявшихся иезуитскому университету. Преподавание повсеместно ведется на польском, русский изучается лишь как иностранный язык. При университете учреждена главная семинария для католического и униатского духовного юношества, выпускники которой должны занимать места учителей в школах.⁹⁸ При католических монастырях открыты десятки школ, игравшие роль уездных училищ. Униатский базилианский орден приобретает учебные функции, при нем также открылось значительное число светских и духовных школ. Иезуиты создают свой собственный иезуитский учебный округ с центром в Полоцкой коллегии. Помимо Полоцка иезуитские коллегии основаны в шести городах, еще в девяти появляются иезуитские резиденции.

Все это весьма напоминает бурную экспансию иезуитов в Речи Посполитой при Стефане Батории и Сигизмунде III.

Виленский университет становится рассадником агрессивного польского национализма.⁹⁹ Здесь работает профессор И. Лелевель (вождь польского восстания 1830-31). Он собственно и сколачивает из разрозненных исторических мифов цельную польскую мифоисторию, которую и преподают польской, белорусской, малороссийской молодежи в учебных заведениях Западного края.

Согласно «истории» по Лелевелю поляки являются исконным населением западнорусского края, включая Киевскую область, потому что происходят от древних полян.

Из польского прошлого отфильтровано безобразное и неприглядное, осталась лишь вылизанная до глянца картина вольностей и героизма. Все красиво и гладко в лелевелевской «истории» Польши. А вот Россия, прозываемая Москвой, изображена Лелевелем исключительно злой мертвящей тиранической силой.

⁹⁷ Батюшков, с. 328–330.

⁹⁸ Там же, с.335.

⁹⁹ Устрялов, с. 101.

Тем временем происходят важные события на западной границе империи. В 1807 г. Наполеон создает Великое герцогство Варшавское из отделенных от Пруссии польских земель и восстанавливает польскую армию. Герцогство варшавское служит дойной коровой для великого французского преобразователя, большая часть бюджета тратится на его военные нужды. Польское хозяйство раздавлено налогами и поборами, государственные доходы почти в полтора раза уступают расходам.¹⁰⁰

Крестьяне были освобождены – формально, без земли, и расплачивались за использование господской земли барщинным трудом. Крестьянская нищета усиливалась мародерством, входившим у наполеоновской Grand Armée в распорядок дня. А магнаты, как и прежде, тратили свои состояния в Париже.

Герцогство варшавское стало важным поставщиком пушечного мяса для наполеоновских войск. Для участия в походе 1812 г. оно выставляет более 120 тыс. солдат.

На территории самой России католические и униатские священники содействовали войскам Наполеона всеми средствами. Минский епископ Дедерко и литовско-самогитский коадьютор Гедройц призывали молодежь вступать во французскую армию. Студенты полоцкой иезуитской коллегии откликнулись почти поголовно.

Польские солдаты отличились в масштабных грабежах и разорениях русской земли, происходивших по всему пути следования наполеоновской армии. Грабительская вакханалия в Москве, в значительной степени, являлось делом их рук. Впрочем, окончание 1812 года во многом напоминало конец 1612, только теперь свою смерть на русской земле находит намного больше поляков...

На Венском конгрессе лорд Каслри в ноте от 31 декабря 1814 (12 января 1815) озвучил предложение британского правительства по разделу варшавского герцогства.

18 (30) января Александр I принял английский план, вслед за тем Пруссия и Австрия. Был заключен трехсторонний договор о судьбе варшавского герцогства, который вошел в Общий акт Венского конгресса, одобренный всеми его участниками.

Решением конгресса большая часть герцогства навечно присоединялась к России. Познанская область отходила к Пруссии, подтверждалось присоединение Галиции к Австрии. Краков определялся в отдельную независимую область – Краковскую республику. Россия передавала Восточную Галичину (Тернопольская область), которой владела с 1809 г., Австрии, видимо для округления ее галицийских владений. Населенную белоруссами Белостокскую область, бывшую во владении России с 1807 г, Александр присоединит к Царству Польскому.

Все великие державы того времени подписались под актами Венского конгресса и горячи их одобрили.

Данилевский пишет: «Если бы Россия, освободив Европу, предоставила отчасти восстановленную Наполеоном Польшу ее прежней участи, то есть разделу между Австрией и Пруссией, а в вознаграждение своих неоценимых, хотя и плохо оцененных, заслуг потребовала для себя восточной Галиции, частью которой – Тернопольским округом – в то время уже владела, то осталась бы на той же почве, на которой стояла при Екатерине, и никто ни в чем не мог бы ее упрекнуть. Россия получила бы значительно меньше по пространству, не многим меньше по народонаселению, но зато скольким больше по внутреннему достоинству приобретенного, так как она увеличила бы число своих подданных не враждебным польским элементом, а настоящим русским народом. Что же заставило императора Александра упустить из виду эту существенную выгоду? Что ослепило его взор? Никак не завоевательные планы, а желание осуществить свою юношескую мечту – восстановить польскую народность и тем загладить то, что ему казалось проступком его великой бабки.»

¹⁰⁰ Там же, с.97.

После учреждения Царства польского, император Александр пообещал ему новое расширение – поляки ждали скорого присоединения всего западнорусского края. В этой мысли поляков утверждало и то, что командующему новой польской армией цесаревичу Константину подчинялись в военном отношении и западные русские губернии.¹⁰¹

Воспитанник Лагарпа сделало все необходимое для того, чтобы источник внешней опасности превратился в источник постоянного воспаления в теле самой империи.

Любимое детище Александра Царство польское

Под крыло России пришла страна с заброшенными полями, с едва проходимыми дорогами, с убогими крестьянскими жилищами, с городами, смахивающие на деревни. Население бывшего Варшавского герцогства составляло всего 2,7 млн. чел.

А уже через десять лет Польша была цветущим и сильным государством. В прошлом остались убоицы, разбои, гайдамачина. Забыто старинное изречение «Polska nierzadem stoi» («Польша живет непорядком»).

За десять лет население Царства польского увеличилось до 4 млн.

Император Александр отказался от всех королевских имений, обратив их в земли польского государства. Все налоговые сборы и доходы Царства польского расходовались исключительно на его собственные нужды. Россия столь потерпевшая от польских войск, находившихся в составе наполеоновской армии, усердно финансировала его восстановление.

Учрежденный польский национальный банк, составив огромные капиталы благодаря российской казне, содействовал своими дешевыми кредитами бурному развитию всех отраслей хозяйства. Благодаря щедрым вливаниям российской казны Польша быстро обзаводилась шоссе и каналами. «Поля, осушенные каналами, покрылись роскошными нивами, превосходные дороги перерезали Польшу во всех направлениях», – описывал изумленный современник.

Ввозные пошлины для европейских товаров, ввозимых в Польшу, были ниже, чем в остальной Империи. Они реэкспортировались в Россию, принося хороший доход польскому бюджету. Ввозились в России в огромном количестве польские сукна и другие изделия – преференции, которые имела польская промышленность, помогали захвату позиций на внутророссийском рынке. Варшава, ранее совершенно незаметная в торговом и промышленном отношении, стала мощным торгово-промышленным центром.

И, кстати, расцвет Царства польского, его финансов, дорог, индустрии, резко контрастировал с хозяйственной стагнацией самой России.

На хорошей финансовой основе была возрождена и польская армия. Она получила первоклассный арсенал, достаточный для вооружения 100 тыс. солдат, имела хорошо подготовленный и постоянно пополняемый офицерский корпус. (Да и за пределами Царства польского, во многих воинских подразделениях Западного края, например в Литовском корпусе, почти всё командование состояло из поляков.)¹⁰²

Большой прогресс наблюдался и в сфере польского образования. В Варшаве было открыт университет с естественно-научными кафедрами, которых ранее в Польше не наблюдалось (иезуиты преподавали свои «науки»). В польские университеты выписывались профессора из Западной Европы; студенты отправлялись за счет казны в Лондон, Берлин и Париж.

¹⁰¹ Батюшков, с. 339.

¹⁰² Русские мемуары, с.342.

В провинциальных городах открывались в большом количестве гимназии и обводные училища, пенсии для воспитания девиц и военные школы.

Быстро богатящее польское общество получило от императора Александра и весьма передовые правительственные учреждения. 15 (27) ноября 1815 г. Царство Польское обрело конституцию, называемую Учредительной хартией.

Согласно ей Польша являлась самостоятельным государством со своими собственными вооруженными силами, связанное с Россией только личной унией. Император Александр становился конституционным правителем Польши – польским королем. Он назначал наместника, каковым мог быть лишь поляк; исключение делалось для наместника из членов императорского дома. Конституция обеспечивала полякам всяческие гражданские свободы, включая свободу книгопечатания. В городах вводилось муниципальное правление. Польский язык объявлялся языком администрации, суда, войска, полиции. На всех государственных постах Царства должны были находиться исключительно поляки. При том польская шляхта имела право занимать любые должности по всей Империи.

В Царстве учреждался двухпалатный парламент, состоящий из сената и сейма. В сенате пожизненно заседала польская духовная и светская знать: епископы, воеводы и каштеляны. Сейм собирался каждые два года на 1 месяц – здесь заседали избранные представители шляхетских сеймиков и городских общин. Каждый закон должен был получить одобрение обеих палат.

Шляхта также избирала представителей, маршалов, для ходатайств перед императором.

Административный совет (правительство) состоял из пяти министров, одобренных государем, но непременно поляков, и комиссара (это был ультралиберальный российский сенатор Новосильцев).

Первым наместником Польши стал генерал Зайончек, давний враг России, сражавшийся под знаменами Костюшко и Наполеона.

После воцарения Николай I подтвердил Учредительную Хартию. Польская армия не участвовала ни в русско-персидской, ни в русско-турецкой, ни в кавказской войне. По выражению императора, он «не требовал от Польши ни казны, ни войска».¹⁰³

Англия покоряла Ирландию, последовательно демонтируя все устои традиционной ирландской жизни, поземельные отношения, культуру, язык – не останавливаясь перед обезземеливанием, изгнанием, разорением коренного населения. Пруссия покоряла польские земли, последовательно приводя их к общему прусскому знаменателю с господством немецкого языка, культуры, законов и правил. Александр I шел своим путем, из идеологических побуждений превращая западные территории в отдельные национальные государства, привязанные к центру только привилегиями.

Однако шляхта, собственно и составлявшая польскую нацию, была сформирована многовековой восточной экспансией, покорением русского народа, борьбой против Руси. И эта нация тяготилась даже формальной принадлежностью к Российской империи.

¹⁰³ Устрялов, с. 100.

Спор славян

Сколько шляхту не корми

Антироссийское возбуждение в Польше началось сразу после дарования ей императором Александром I конституции. Польские националисты, попрятавшие было по чуланам свои проржавевшие сабли, огляделись и увидели, что русский медведь совсем не страшен.

Около 1817 г. начали формироваться в Польше тайные политические общества с бодрыми названиями – Национальные масоны, Патриотов, Друзья, Променисты и т. д. (что совпало по времени с появлением таковых организаций в самой России). Майор Лукашинский в 1819 г. создал в Варшаве влиятельное Патриотическое общество.

Вскоре в Польше, с ее традициями шляхетских конфедераций, только самый ленивый пан не состоял в каком-нибудь тайной организации. Тайность этих обществ заключалась лишь в том, что они не выкрикивали свои лозунги во весь голос на улицах – ну, разве что в подпитии. Власть проявляла большое искусство в том, чтобы ничего не знать, не видеть и не слышать. При отсутствии какой-либо политической полиции, действующей в интересах империи, быть заговорщиком оказывалось безопасно и весело. Среди членов обществ были высокие административные и военные чины, с которыми простому шляхтичу всегда интересно завязать полезные отношения.

Не осталась в стороне и шляхта Западного края. При Виленском университете возникли общества Шубравцев, Филоматов (членом его был поэт Мицкевич), Лучезарных, Филаретов. На Волыни появилось общество Тамплиеров. Виленские общества вскоре связали свои действия с варшавским Патриотическим обществом и разослали по всему Западному краю своих агентов. К 1822 г. в польских антиправительственных организациях за пределами Царства польского насчитывалось около 5 тыс. членов. Многие из этих людей также входили в малороссийские тайные организации.¹⁰⁴ Среди панства был постоянный процент особо буйных, который в острой ситуации заражал и остальных.

Началась подготовка вооруженного восстания и в польской армии, где служили тысячи солдат и офицеров, изрядно хлебнувших русской крови во время наполеоновских войн.

Активно участвовало в политической деятельности католическое духовенство, игравшее на протяжении веков роль политорганов при бравой шляхте.

Наместник Константин, безвольная ультралиберальная копия императора Александра, вёл «мудрую» политику страуса, прячущего голову в песок.

Некоторое сдерживающее влияние на кипящие польские души оказывали до поры до времени аристократы вроде А. Чарторыйского. Этот ближайший сподвижник императора Александра I хотел воссоздать Польшу в границах 1772 г. посредством российской верховной власти – так сказать, сверху. Пока князь Адам купал в розовых водах европеизма петербургский двор, в родовом имении Чарторыйских, в Пулавах, бурлил и пузырился националистический романтизм. Шляхта, собравшаяся вокруг его матери, княгини Изабеллы Фортунаты, мечтала о великой Польше, которая было совсем погибла, но вот снова ожила – кацапы оказались гораздо глупее, чем ожидалось. Еще немного и будет нам Польша от Балтики до Черного моря.

После воцарения Николая I, когда стало ясно, что этим надеждам не суждено сбыться, Чарторыйский возглавил аристократическую партию заговорщиков, будучи к тому же членом польского правительства.

¹⁰⁴ Батюшков, с. 330–339.

Незадолго до восстания князь Чарторыйский в камере нунциев сената называл себя другом почившего императора Александра I, «восстановителя Польши». На следующий год, в том же месте, Чарторыйский признается, что «обманывал его (Александра) всю жизнь».¹⁰⁵ Ну что ж, обманывать медведя для хитроумного поляка не зазорно, шляхетская честь от этого не пострадает.

Национал-либеральную партию возглавил виленский профессор Лелевель. Профессор и его приверженцы хотели полной республики, а князь Чарторыйский – конституционной национальной монархии, очевидно, рассматривая себя при этом в роли короля. Обе партии могли бы долго вести борьбу хорошего с прекрасным, но их замечательно примиряло общее видение границ возрожденной Речи Посполитой, которые должны были пролегать далеко на востоке.

Вскоре после воцарения Николая I польский сейм вступил в нарочитую распрю с правительством Царства польского – поскольку расходы, намеченные щедрыми парламентариями, оказались много обширнее доходов.¹⁰⁶ Судебный процесс по делам польских тайных обществ, связанных с российскими революционерами 1825 г., закончился ничем – и в этом также был вызов трону.

Негодование польской общественности вызвали меры государя по восстановлению православных начал в униатской церкви. 9 октября 1827 г. был издан высочайший указ о восстановлении у греко-католиков «древних обрядов богослужения, народами русского племени свято почитаемых». К произнесению монашеских обетов должны были допускаться только те, кто имел достаточные познания в церковно-славянском языке и чине греческого богослужения. Учреждались училища для наставления униатского юношества духовного звания, как в канонах греческой веры, так и в обрядах богослужения на церковно-славянском языке. Следствием этого указа было упразднение части базилианских монастырей, насельники которых не могли показать никак знаний по части греческих обрядов. В апреле 1828 решением униатского департамента римско-католической коллегии 28 униатских монастырей были обращены в светские приходские школы. В это время отмечалось немало случаев, когда паны в своих имениях преследовали униатских священников и крестьян за возвращение к православным обрядам.¹⁰⁷ Оно и понятно, поляки мигом отразили, что один из столпов их господства в Западном крае дал трещину.

¹⁰⁵ Русские Мемуары, с.338.

¹⁰⁶ Устрялов, с. 96.

¹⁰⁷ Батюшков, 356.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.